9(Крм)
С 28

639078

Милой моей Кате,
интересующейся войной 1854-55 г.
и безумерной защитой
Севастополя.
В этой книге Вы прочтете
много интересного и получите
ответы на многие вопросы

На добрую память
от любящей Вас
В Введенская

31 дек. 1939 г.

+9С153.4
9(Крм)
С 28
9(129)
С 28
639078
03

СЕВАСТОПОЛЬ

и

ЕГО ГЕРОИ.

СЪ ПОРТРЕТАМИ И РИСУНКАМИ.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА
„ДОСУГЪ и ДѢЛО“.

КРЫМ

Цѣна 50 копѣекъ.

КРЫМ ОБЛ. БИБЛИОТЕКА
имени ФРАНКО
КНИГОХРАНИЛИЩЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типогр. Товарищества «Общественная Польза». Большая Подъяческая, 39.
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 апрѣля 1901 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Стр.

Объявленіе войны Турціи.—Знаменитый Синопскій бой.—Высадка союзниковъ въ Крыму.—Сраженіе на Альмѣ.—Беззащитность Севастополя во время Альминскаго сраженія.—Дѣятельность Нахимова и Корнилова.—Затопленіе кораблей. 3

II.

Переходъ князя Меньшикова на Южную сторону Севастополя.—Разореніе союзниками Ялты.—Открытіе союзниками осадныхъ работъ.—Прибытіе пластуновъ.—Распоряженія Корнилова.—Вылазки. 28

III.

Бомбардировка 5, 6 и 7 октября.—Смерть Корнилова.—Бомбардировка съ кораблей.—Неудача союзниковъ.—Прибытіе подкрѣпленій.—Секреты. 40

IV.

Севастополь во время осады.—Жизнь въ городѣ и на бастіонахъ.—Наступленіе осени.—Бу́ря 2 ноября.—Охотники.—Тяжелая жизнь въ союзномъ лагерѣ.—Лишенія въ русской арміи.—Сестры милосердія.—Заложеніе Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ.—Генералъ Хрущовъ. 75

V.

Смерть Императора Николая и адмирала Истомина.—Вылазка въ ночь на 11 марта.—Второе бомбардированіе.—Отзывъ Государя на донесеніе кн. Горчакова. 116

VI.

Севастополь послѣ второй бомбардировки.—Севастопольскія дѣтскія игры.—Генералъ Семякинъ.—Третья бомбардировка 25 мая.—Штурмъ 26 мая.—Занятіе непріятелемъ передовыхъ редутовъ. . . . 134

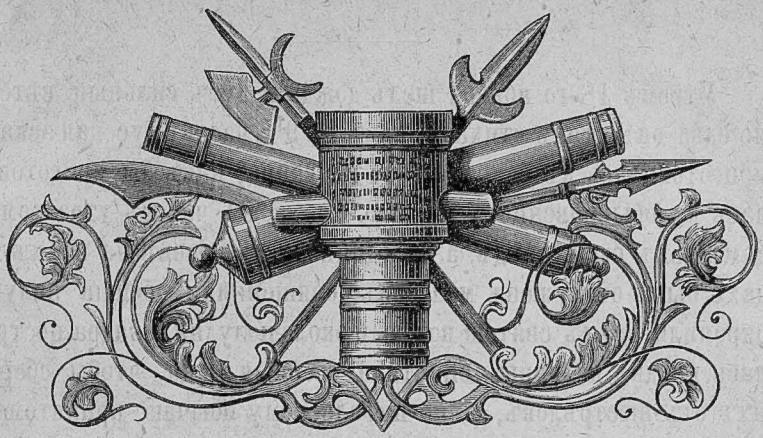
VII.

Стр.

Положеніе Севастополя послѣ паденія передовыхъ редутовъ.—Четвертое бомбардированіе 5 іюня.—Отбитіе штурма 6 іюня. . . . 149

VIII.

Севастополь послѣ отбитія штурма 6 іюня.—Жизнь на бастіонахъ.—Смерть Нахимова.—Большія и малыя вылазки.—Неудача на рѣкѣ Черной.—Барабанщикъ Реутовичъ.—Рядовой Щелкуновъ.—Пятидневное бомбардированіе 5 августа.—Шестое бомбардированіе 24 августа.—Штурмъ 27 августа.—Отступленіе войскъ на Сѣверную сторону.—Заключеніе. 172



Оборона Севастополя.

I.

Объявленіе войны Турціи.—Знаменитый Синопскій бой.—Высадка союзниковъ въ Крыму.—Сраженіе на Альмѣ.—Беззащитность Севастополя во время Альминскаго сраженія.—Дѣятельность Нахимова и Корнилова.—Затопленіе кораблей.

Въ 1853 году Императоръ Николай Павловичъ, защищая православныхъ христіанъ на Востокѣ, потребовалъ у турецкаго Султана огражденія интересовъ русскихъ паломниковъ. Возникъ споръ о Святыхъ мѣстахъ въ Іерусалимѣ, разразившійся войною съ Турціею сначала, а потомъ съ Франціею, Англіею и Сардиніею, которыя присоединились къ Турціи. По объявленіи войны Турціи, наши сухопутныя войска заняли Молдавію и Валахію, а Черноморскій флотъ выступилъ въ море.

Вице-адмиралъ Нахимовъ, получивъ свѣдѣніе, что у Синопа стоятъ турецкія суда, сдѣлалъ рекогносцировку и, выждавъ подкрѣпленіе, рѣшился атаковать турецкій флотъ.

*

Утромъ 18-го ноября шелъ дождь и дулъ сильный вѣтеръ, но едва онъ сталъ стихать, какъ въ $9^1/_2$ часовъ русская эскадра приготовилась къ бою такъ же спокойно, какъ бы приготовлялась къ обыкновенному ученью. Въ десять часовъ утра командамъ данъ былъ обѣдъ, а въ одиннадцать часовъ на всѣхъ судахъ былъ отслуженъ молебенъ; священники обошли палубы, окропили всѣхъ святою водою, и около полудня эскадра построилась въ двѣ колонны, спустила гребныя суда, чтобы сберечь ихъ отъ выстрѣловъ, и, по щегольскому обычаю, принятому во флотѣ, помчалась на Синопскій рейдъ.

Несмотря на дождь и пасмурную погоду, непріятель издали замѣтилъ приближеніе русской эскадры; надъ его пароходами клубился уже дымъ; остальныя суда готовились къ бою.

На нашихъ корабляхъ тревоги еще не было, но каждый стоялъ на своемъ мѣстѣ, въ ожиданіи приказанія *начинать*. Попутный вѣтеръ быстро гналъ нашу эскадру къ непріятелю. Подойдя на довольно близкое разстояніе къ рейду, на нашихъ судахъ ударили тревогу, вызвавшую усиленную дѣятельность со стороны экипажей. Было 12-ть часовъ 20 минутъ. На турецкомъ адмиральскомъ фрегатѣ показался клубъ дыма, раздался первый выстрѣлъ и, не успѣло ядро просвистать, какъ непріятельская эскадра опоясалась бѣлою пеленою и ураганъ ядеръ проревѣлъ надъ нами. За залпомъ послѣдовалъ батальный огонь.

Въ половинѣ перваго, по первому выстрѣлу съ турецкаго фрегата, Нахимовъ бросился на Синопскій рейдъ,—и тогда закипѣлъ тотъ ожесточенный бой, который кончился совершеннымъ истребленіемъ турокъ, взятіемъ въ плѣнъ раненаго начальника турецкой эскадры и двухъ командировъ судовъ.

Шедшіе впереди всѣхъ, корабли «Императрица Марія» и «Парижъ» были засыпаны непріятельскими снарядами; но, не-

смотря на свои поврежденія, смѣло подвигались впередъ, дѣйствуя батальнымъ огнемъ по непріятельскимъ судамъ, мимо которыхъ проходили. Приблизившись къ непріятелю не далѣе ружейнаго выстрѣла, эскадра остановилась и дѣйствовала, какъ на ученьи: срыла прибрежныя батареи, сожгла, взорвала на воздухъ суда—однимъ словомъ, истребила своего врага.

Что было въ первыя минуты боя, сказать трудно: обѣ стороны опоясались двумя дымными стѣнами, сквозь которыя ничего не было видно, такъ-что приходилось стрѣлять или на-угадъ, или по направленію, избранному при самомъ началѣ вступленія въ бой. Громъ выстрѣловъ, свистъ ядеръ, грохотъ орудій при откатѣ, шумъ и крикъ людей, стоны раненыхъ:—вотъ тѣ особенности, которыя окружали каждаго изъ сражавшихся.

Всѣ корабли дѣйствовали лихо; жестокая канонада длилась полтора часа, и совершенно прекратилась къ четыремъ часамъ. Нахимову щепка продавила эполетъ; нѣсколько разъ близко отъ адмирала падали блоки, снасти, обломки щепы и летали ядра, гранаты и картечь. Первый, взлетѣвшій на воздухъ, турецкій фрегатъ осыпалъ сражавшихся искрами, обломками досокъ, обрывками тлѣвшихъ веревокъ и пепломъ. Ужасна картина взрыва военнаго судна: бой на минуту прекратился съ обѣихъ сторонъ, и всѣ видѣли, какъ люди и обломки, въ черномъ клубѣ дыма, высоко поднялись и разлетѣлись по всѣмъ направленіямъ. Вскорѣ послѣ перваго, другой фрагатъ пошелъ на дно моря. Русское «ура!» сравнялось съ шумомъ канонады. Турки, не въ силахъ будучи бороться, замѣтно ослабили огонь и начали дезертировать: одни садились на гребныя суда и спасались на берегъ, другіе бросались на отмели и оттуда спасались вплавь; но немногіе изъ нихъ достигли до берега.

Побѣда была дѣйствительно полная, и исторія представляетъ весьма рѣдкіе примѣры такого совершеннаго истребленія непрія-

теля. Не болѣе какъ въ три часа все было кончено на Синопскомъ рейдѣ, и уничтожено до шестнадцати военныхъ и купеческихъ непріятельскихъ судовъ, со всѣмъ ихъ экипажемъ. Командовавшій эскадрою, Османъ-паша и два командира фрегатовъ были взяты въ плѣнъ и привезены въ Севастополь.

Поразительно было зрѣлище гибели турецкихъ судовъ: прибитыя волненіемъ къ берегу, онѣ горѣли и, по мѣрѣ того, какъ раскалялись бывшія на нихъ орудія, суда стрѣлали ядрами по рейду, не нанося, впрочемъ, никакого вреда нашимъ кораблямъ. Наконецъ, когда огонь достигалъ до мѣста храненія пороха, суда взлетали на воздухъ и горящими обломками своими осыпали городъ. На отмели горѣлъ турецкій пароходъ, а по срединѣ рейда, какъ громадные кресты надъ могилами, торчали мачты отъ потопленнаго фрегата, съ реями поперекъ, фантастически освѣщаемыя заревомъ горѣвшаго Синопа. Никто не приходилъ тушить объятыхъ пламенемъ домовъ, и вѣтеръ, свободно перенося искры съ одного мѣста на другое, усиливалъ пожаръ города, всѣ жители котораго искали спасенія въ окрестныхъ горахъ. Множество бѣлыхъ голубей летало надъ пожарищемъ, а на обгорѣлыхъ остовахъ кораблей видны были ползающіе люди.

Съ самаго начала боя, Синопскій губернаторъ, начальникъ береговыхъ батарей и все начальство города бѣжало въ горы. Солдаты гарнизона и всѣ тѣ, которые могли спастись съ кораблей, бѣжали туда же. Около полуночи все пространство, обнесенное каменною стѣною, было охвачено пламенемъ пожара; часть же города, населенная греками и христіанами, осталась невредимою.

Синопъ былъ совершенно пустъ, и долго послѣ боя въ прибрежныхъ волнахъ и на берегу валялись трупы убитыхъ и видны были уничтоженныя батареи. Въ уцѣлѣвшихъ домахъ, по свидѣтельству австрійскаго консула, найдены только ране-

ные и умирающіе. Вмѣстѣ съ кораблями и пушками, непріятель потерялъ почти весь дессантъ, и высадка турецкихъ войскъ на Кавказскій берегъ сдѣлалась невозможною. По собраннымъ свѣдѣніямъ, въ Синопскомъ сраженіи погибло до 4-хъ тысячъ человѣкъ турокъ; наша же потеря состояла изъ 37-ми человѣкъ убитыхъ и 299-ти—раненыхъ.

Среди всеобщаго ужаса, распространеннаго въ Турціи, русская эскадра пришла въ Севастополь, гдѣ была встрѣчена съ восторгомъ, какъ флотомъ, такъ и жителями.

Отовсюду, со всѣхъ концовъ Россіи, посыпались къ Нахимову поздравительныя письма и стихи, которыхъ, по своей врожденной скромности, Нахимовъ не хотѣлъ обнародывать. Признательность Царя, восторгъ и уваженіе соотечественниковъ, слава и извѣстность осѣнили доблестнаго адмирала, горячо любимаго всѣми сослуживцами.

Синопская побѣда, доказавшая отличное состояніе Черноморскаго флота, возбудила у всѣхъ живѣйшую радость, и имя Нахимова стало извѣстно каждому: оно сдѣлалось народнымъ.

Происшествіе въ Синопѣ надѣлало много шуму въ европейскихъ государствахъ. Подвигъ Нахимова разнесся съ необыкновенною быстротою во всѣ концы вселенной, и черезъ семь дней онъ достигъ до завистливой Англіи; еще раньше услышали о немъ во Франціи.

Выстрѣлы у Синопа очень непріятно отозвались въ сердцахъ французовъ и англичанъ. Сначала они не вѣрили въ возможность такого погрома и отправили на мѣсто боя нѣсколько пароходовъ, чтобы убѣдиться собственными глазами въ справедливости столь печальнаго происшествія. Одинъ за другимъ шли англо-французскіе пароходы въ Синопъ и обратно; одинъ за другимъ приносили они печальныя извѣстія, что въ водахъ Синопа плаваютъ только щепки отъ турецкихъ кораблей, и что

гладко то мѣсто, гдѣ были укрѣпленія, пытавшіяся остановить русскую эскадру. Извѣстія эти все болѣе и болѣе раздражали англичанъ и французовъ, съ нетерпѣніемъ искавшихъ случая отомстить за пораженіе, нанесенное, въ виду ихъ, турецкому флоту.

Возвратившись въ Севастополь, побѣдители - черноморцы знали, что побѣда при Синопѣ не пройдетъ имъ даромъ, что европейскія державы, союзницы Турціи, постараются такъ или иначе нанести ударъ одному изъ важнѣйшихъ прибрежныхъ пунктовъ нашей обширной границы. Такимъ наиболѣе выдающимся пунктомъ былъ, конечно, Севастополь—средоточіе Черноморскаго флота и главный военный портъ на Черномъ морѣ. И дѣйствительно, 23 декабря, англо-французскій флотъ вступилъ въ Черное море.

Уже во времена Екатерины Черноморскій флотъ игралъ весьма важную роль.

Руководимые кн. Потемкинымъ, такъ ревниво хлопотавшимъ о славѣ Россіи, черноморцы, съ самаго зарожденія флота, привыкли одерживать побѣды надъ врагами. Славная смерть въ бою или побѣда были ихъ девизомъ. «Подтверждаю вамъ»,— писалъ осенью 1787 года кн. Потемкинъ графу Войновичу— «собрать всѣ корабли и фрегаты и стараться произвести дѣло, ожидаемое отъ храбрости и могущества вашего и подчиненныхъ вашихъ. *Хотя бъ всѣмъ погибнуть, но должно показать всю неустрашимость къ нападенію и истребленію непріятеля.* Сіе объявите всѣмъ офицерамъ вашимъ. Гдѣ завидите флотъ турецкій, *атакуйте его, во что бы то ни стало, хотя бъ всѣмъ пропасть.*

Предписаніе это было исполнено въ точности, и исполнялось въ послѣдующія времена, до послѣднихъ дней существованія флота. Черноморцы неоднократно доказали свою неустрашимость, мужество и храбрость.

Черноморскій флотъ далъ много знаменитыхъ адмираловъ: имена Лазарева, Корнилова, Нахимова, Истомина и многихъ другихъ сохранятся надолго. Корниловъ, будучи храбръ, въ минуту опасности становился еще дѣятельнѣе и казался спокойнѣе обыкновеннаго. Въ присутствіи Корнилова унынію не было мѣста: онъ всегда умѣлъ ободрить подчиненныхъ и внушить имъ увѣренность въ самихъ себя, въ свою силу и могущество. Хорошо зная все, что касалось до морской службы и до управленія флотомъ, Корниловъ пріобрѣлъ среди моряковъ такую довѣренность, что, какъ увидимъ ниже, въ минуту опасности, они, руководимые своимъ начальникомъ штаба, заслужили безсмертную славу въ исторіи русскаго народа.

Другимъ предводителемъ Черноморскаго флота и представителемъ его славы былъ вице-адмиралъ Нахимовъ.

Нахимовъ былъ вполнѣ лихой морякъ. Это былъ человѣкъ самой чистой и свѣтлой души, горячаго и любящаго сердца, человѣкъ на удивленіе храбрый, необыкновенно дѣятельный, неограниченно преданный своему дѣлу, любившій своихъ подчиненныхъ, какъ родныхъ братьевъ и дѣтей и, въ свою очередь, обожаемый ими.

Человѣкъ высокихъ душевныхъ качествъ, прямой, откровенный и любящій, онъ, съ первыхъ же дней командованія отдѣльными судами, пріобрѣлъ себѣ любовь и уваженіе своихъ подчиненныхъ.

Одною изъ самыхъ достойныхъ чертъ Нахимова была простота, доступность и терпѣніе, съ которымъ онъ выслушивалъ нужды своихъ подчиненныхъ. Каждый матросъ шелъ къ нему смѣло, говорилъ откровенно, случалось, просилъ и помощи. Нахимовъ никогда не отказывалъ. Получая довольно значительное содержаніе, но, не имѣя семейства и живя очень скромно, онъ почти никогда не имѣлъ денегъ, потому что раздавалъ ихъ

бѣднымъ, и въ особенности на пособіе матросамъ и ихъ семействамъ. Эта заботливость о матросѣ не укрылась отъ вниманія тѣхъ, о которыхъ всю свою жизнь хлопоталъ Нахимовъ.

— «Ребята! вотъ отецъ матросовъ идетъ»:—говорили солдаты, завидя издали Нахимова.

Высокое уваженіе къ личности каждаго и строгое исполненіе служебныхъ обязанностей ставили Нахимова образцомъ для всѣхъ его подчиненныхъ.

Самъ служа примѣромъ неутомимой дѣятельнооти, онъ, какъ знатокъ дѣла, требовалъ того же и отъ ввѣренной ему команды. Подчиненные, видя, что Нахимовъ трудится болѣе ихъ, исполняли тяжелую работу безъ ропота, вполнѣ увѣренные, что, если можно въ чемъ сдѣлать облегченіе, командиромъ не будетъ забыто. Эта любовь къ дѣлу и умѣнье внушить его своей командѣ сдѣлали Нахимова однимъ изъ лучшихъ командировъ Черноморскаго флота.

Поэтому Черноморскій флотъ былъ силенъ не одними величественными кораблями и большими пушками: корабли гніютъ, пушки ржавятъ,—а силенъ онъ былъ нравственною, живою силою, тѣмъ, что называлось Черноморскимъ духомъ. Этотъ духъ не зависитъ ни отъ мѣста, ни отъ времени, а зависитъ онъ отъ дружбы и единства семьи, и проявился во всемъ блескѣ тогда, когда кораблей не было, когда на стѣнахъ севастопольскихъ храбрый матросъ сдѣлался еще болѣе храбрымъ солдатомъ.

Здѣсь все дышало отвагой и любовью къ родинѣ. Даже женщины, рыночныя бабы отличались смѣлостью и сознаніемъ собственнаго достоинства.

26 августа, турецкія и англо-французскія войска отплыли изъ Турціи къ берегамъ Крыма.

Часу въ десятомъ утра, 1-го сентября въ Севастополѣ замѣтили приближавшіеся, со стороны моря, сначала два корабля,

а за ними густое облако дыма отъ большаго числа пароходовъ. Находившійся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, телеграфъ сообщилъ: что прошло семьдесять непріятельскихъ судовъ; потомъ, что появившійся флотъ идетъ въ трехъ колоннахъ; что число судовъ съ каждымъ часомъ увеличивается, и наконецъ, въ шесть часовъ вечера, было сообщено, что насчитано до 106 непріятельскихъ судовъ. Прискакавшій затѣмъ въ городъ, казакъ объявилъ, что судовъ видимо-невидимо, такая сила, что и пересчитать нельзя.

Въ самомъ дѣлѣ, издали казалось, что къ берегу подходитъ большой, движущійся городъ со множествомъ дымныхъ трубъ, фабрикъ и заводовъ. Это былъ союзный флотъ, шедшій въ трехъ колоннахъ и имѣвшій на себѣ болѣе 63.000 человѣкъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, и состоявшій изъ 89 военныхъ судовъ и 300 транспортныхъ.

Теперь стало очевиднымъ для каждаго изъ жителей Севастополя, что всѣ усилія врага клонились къ овладѣнію этимъ городомъ, служившимъ средоточіемъ флота и опорою могущества Россіи на Черномъ морѣ; всѣмъ стало понятно, что уничтоженіе этого могущества составляло главную цѣль экспедиціи, предпринятой союзниками. Со стороны каждаго русскаго, явилось естественное желаніе противодѣйствовать врагу всѣми средствами и преградить путь къ осуществленію его желаній и намѣреній. Въ городѣ проявилась усиленнія и торопливая дѣятельность, но ни въ комъ не замѣтно было ни упадка духа, ни унынія. При первомъ извѣстіи о появленіи непріятеля, улицы наполнились народомъ; всѣ шумѣли, спорили и разсуждали о предстоящихъ событіяхъ.

Часовъ въ 8-мь вечера получено было свѣдѣніе, что флотъ становится на якорь у Евпаторіи, и потому войска, бывшія въ Севастополѣ и его окрестностяхъ, получили приказаніе быть

готовыми къ выступленію по тревогѣ. Въ лагерѣ засуетились, осматривали оружіе, оттачивали штыки, раздавали сухари, патроны и проч. Всѣ были одушевлены и спокойно ожидали встрѣчи съ непріятелемъ.

Съ ранняго утра, 2-го сентября въ лагерѣ замѣтно было большое движеніе: солдаты расхаживали въ аммуниціи, чтобы, по первому сигналу тревоги, быть готовыми къ выступленію. Утро было весьма прохладное, но солнце свѣтило ярко. Непріятельскій флотъ очень ясно былъ виденъ изъ города; многочисленныя суда его то сдвигались, то расходились, то подходили къ Евпаторіи, то удалялись отъ нея. Небольшихъ размѣровъ пароходы то-и-дѣло шныряли между береговъ и, дѣлая промѣры, то приближались къ Севастополю, то уходили къ Евпаторіи, по направленію къ которой тянулись наши войска, выступившія изъ города. Къ полудню Севастополь опустѣлъ; но отсутствіе войскъ пока не смущало еще жителей. Вечеромъ они узнали, что кн. Меншиковъ остановился на р. Алмѣ и занялъ войсками высоты лѣваго берега.

Въ восьмомъ часу утра, 3-го, съ корабля, на которомъ находился маршалъ Сентъ-Арно, былъ поданъ сигналъ начать дессантъ, и вся первая французская дивизія, одновременно по всей линіи, стала садиться на опущенныя для того гребныя суда. Буксируемыя пароходами по 8-ми и болѣе, украшенныя флагами и съ музыкою, гребныя суда, наполненныя дессантомъ, отчалили отъ флота, и скоро до 80 судовъ пристало къ берегу.

Процессъ высадки шелъ настолько успѣшно и быстро, что къ 7-ми часамъ вечера были высажены три дивизіи, вся кавалерія, 59 запряженныхъ орудій, 52 зарядныхъ ящика, съ зарядами для артиллеріи и патронами для пѣхоты, и всѣ лошади Главнаго Штаба. Къ вечеру высадились и англичане. Пока высаживался непріятель, наши войска собирались съ

разныхъ концовъ Крыма на рѣку Алму. Союзники продолжали высадку на другой и послѣдующіе дни, и окончили ее только 6-го сентября. Въ этотъ день на Крымской землѣ было болѣе 62.000 человѣкъ союзниковъ, имѣвшихъ 134 полевыхъ орудія.

7-го числа союзники оставили лагерь и двинулись вдоль морскаго берега, по направленію къ Севастополю.

Въ составъ войскъ, собранныхъ на Алмѣ, входили: вся 16-я пѣхотная дивизія, въ полномъ ея составѣ, пришедшая въ Крымъ съ своимъ начальникомъ дивизіи, генералъ-лейтенантомъ Квинцинскимъ; три полка 17-ой пѣхотной дивизіи съ артиллеріею и начальникомъ дивизіи, генералъ-лейтенантомъ Кирьяковымъ; первая бригада 14-й пѣхотной дивизіи, съ артиллеріею и начальникомъ генералъ-лейтенантомъ Моллеромъ, оставленнымъ въ Севастополѣ; четыре резервные батальона 13-й пѣхотной дивизіи, 6-й стрѣлковой, 6-й саперной и сводно-морской батальоны и, наконецъ, вторая бригада 6-й легкой кавалерійской дивизіи, съ ея бригаднымъ командиромъ. Всего на позиціи было собрано $42^1/_2$ батальона, 16 эскадроновъ кавалеріи, 11 сотенъ казаковъ, 87 орудій. Все это составляло 33.600 человѣкъ; у непріятеля было отъ 62 до 67 тысячъ. Несмотря на геройское сопротивленіе и на отчаянную храбрость нашихъ войскъ, сраженіе было нами пропграно, и войска отступили на сѣверную сторону Севастополя, а союзники—на южную.

Севастополь въ это время совсѣмъ не былъ готовъ; укрѣпленія его были ничтожны, а сухопутныхъ войскъ почти не было.

Севастополь оставался неподдержаннымъ до послѣдней минуты. Скоплявшіяся въ теченіе двухъ мѣсяцевъ тучи, наконецъ, разразились надъ городомъ, не имѣвшимъ громоотвода.

Съ уходомъ войскъ на р. Алму, въ городѣ оставлено было;

четыре резервные батальона Виленскаго и Литовскаго егерскихъ полковъ, четыре дессантныхъ батальона, съ двумя подвижными морскими батареями, и разныя морскія команды, находившіяся частію на судахъ, частію на берегу. Городъ защищался еще флотомъ, состоявшимъ изъ 15 кораблей, 7 фрегатовъ, 2 корветовъ, 2 бриговъ, 11 пароходовъ и нѣсколькихъ мелкихъ военныхъ судовъ. Всѣ они, имѣя главнѣйшею цѣлію защиту входа на Севастопольскую бухту, были разставлены такъ, что, защищая входъ на рейдъ, въ то же время, по возможности содѣйствовали и сухопутной оборонѣ.

Встрѣтивъ въ лицѣ подполковника Тотлебена дѣятельнаго и энергическаго помощника, Корниловъ поручилъ ему главное и общее завѣдываніе всѣми оборонительными работами. Оставшіеся свободными, рабочіе были обращены на вновь устраиваемыя земляныя укрѣпленія, возводимыя одновременно по всей линіи, съ тою цѣлію, чтобы, откуда ни явился непріятель, можно было бы вездѣ дать ему отпоръ. Необходимо было работать такъ, чтобы укрѣпленіе, сегодня насыпаемое, завтра могло огнемъ своимъ встрѣтить непріятеля и оказать сопротивленіе при его нападеніи. Труда было много, но не задумались надъ нимъ защитники, — и въ городѣ закипѣла необыкновенная дѣятельность. Всѣ рабочіе, какіе только были подъ рукою, обращены на постройку укрѣпленій: писаря, вахтера, музыканты, пѣвчіе, рота карантинной стражи и даже арестанты были высланы на работу, и все-таки такого люду насчитывалось не болѣе 800 человѣкъ. Жители города — старый и малый, богатый и бѣдный, чиновный и простой — всѣ спѣшили туда, гдѣ строились укрѣпленія, гдѣ устанавливались преграды непріятелю. Телѣги, лошади и волы, тачки и носилки, принадлежащія частнымъ лицамъ, безъ всякаго требованія, по доброй волѣ, употреблены были для переноски и перевозки различныхъ

Видъ города Сю бомбардировки.

639078

предметовъ. Полиція, обходя дома, приглашала обывателей на работу, и, случалось, долго стучалась въ дверь, чтобы услышать отъ ребенка, что отецъ и мать давно ушли туда безъ всякаго приглашенія. Такихъ работниковъ разнаго званія, пола и возраста собралось около пяти тысячъ человѣкъ. Оставшіеся въ городѣ, солдаты и матросы были вооружены лопатами, кирками, мотыгами и прочими инструментами, необходимыми при постройкѣ укрѣпленій. Рабочіе носили землю во всемъ, въ чемъ было можно: носили ее въ корзинахъ, мѣшкахъ и полахъ шинелей. По улицамъ города тащили бревна, доски и другіе матеріалы.

Работа кипѣла; шумъ и всеобщее движеніе замѣтно усилились въ Севастополѣ. Звуки мѣдныхъ роговъ и бой барабановъ, въ разныхъ частяхъ города призывали рабочихъ къ дѣятельности послѣ кратко-временнаго отдыха; звучно гремѣли якорныя цѣпи кораблей, переводимыхъ съ мѣста на мѣсто, для лучшаго пораженія подступающаго къ городу непріятеля. Стклянки, или морскіе часы, черезъ каждые полчаса указывали время безчисленнымъ звономъ, но за ними некогда было слѣдить, да и некому, исключая часовыхъ.

Объѣзжая работы по нѣскольку разъ въ день, адмиралъ Корниловъ радовался успѣху, видя, что въ недѣлю сдѣлано столько, сколько въ другой разъ не сдѣлаешь въ цѣлый годъ.

И, дѣйствительно, въ самое короткое время, передъ глазами непріятеля выростали твердыни севастопольскія, мощныя не толщиною и крѣпостію своихъ стѣнъ, а силою духа русскаго, безусталью народа православнаго. Выше всякой похвалы и достойна всякаго уваженія та необыкновенная дѣятельность, которую выказали севастопольцы, какъ мужчины, такъ и женщины. Батареи и укрѣпленія насыпались по всей линіи, тянувшейся верстъ на семь, и повсюду кипѣла работа съ

КРЫМ. ОБЛ. БИБЛИОТЕКА
имени Франко
ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАНИЕ

одинаковымъ успѣхомъ: мужчины долбили каменистый грунтъ, а женщины таскали, иногда издали, землю въ своихъ подолахъ. Появилась и такая батарея, которая, безъ участія мужчинъ, насыпана была только однѣми женщинами. Батарея эта до конца осады Севастополя сохранила названіе *Дѣвичьей* и осталась свидѣтельницею ихъ любви къ родной, странѣ.

Лишь только укрѣпленіе приходило къ концу, какъ оставшіеся въ городѣ матросы снимали съ кораблей свои огромныя орудія и перевозили ихъ на батареи. Люди, человѣкъ по сту, впрягались въ тяжелую пушку, и гдѣ съ припѣвомъ «*дубинушки*», а гдѣ и просто съ крикомъ «ура»! тащили ее на гору и ставили на батарею. Изъ порта доставляли на укрѣпленія станки подъ орудія, орудійную принадлежность, снаряды и мѣшки отъ провіанта, для насыпки ихъ землею и ускоренія устройства амбразуръ.

Подъ руководствомъ инженеръ-подполковника Тотлебена, работа производилась день и ночь. Тысячъ пять человѣкъ съ разсвѣтомъ начинали работу по укрѣпленіямъ и продолжали ее безъ перерыва цѣлый день. Ночью работали при свѣтѣ факеловъ и фонарей. Всякій работалъ отъ души, понимая ясно, что работа эта необходима и что онъ долженъ работать.

Во все это время жители Севастополя, не имѣя никакихъ свѣдѣній ни о непріателѣ, ни о дѣйствіи нашихъ войскъ, терялись въ предположеніяхъ и разнаго рода догадкахъ.

Наконецъ наступило раннее утро 8-го сентября. Съ возвышенныхъ мѣстъ города можно было видѣть лѣсъ мачтъ непріятельскаго флота, вытягивавшагося противъ устья р. Алмы. Клубы чернаго дыма съ непріятельскихъ пароходовъ высоко подымались въ воздухѣ, и легкій вѣтерокъ сгонялъ его по направленію къ позиціи, занятой нашими войсками. Около

часу по полудни, до Севастополя достигла отдаленная канонада съ непріятельскихъ судовъ, а вслѣдъ за тѣмъ, въ два часа по полудни, телеграфъ подалъ послѣдній свой сигналъ: *армія вступила въ бой.*

Выстрѣлы, слышавшіеся сначала у морскаго берега, постепенно подвигались вправо и становились все глуше и глуше. Канонада то какъ будто стихала, то прекращалась на нѣсколько минутъ, то вдругъ разсыпалась бѣглымъ огнемъ.

Севастополь переживалъ томительныя минуты ожиданія.

Около пяти часовъ по-полудни, выстрѣлы смолкли, и надъ кровавымъ полемъ колыхались только однѣ облака пороховаго дыма.

Находясь между страхомъ и надеждою, жители до сумерекъ оставались на улицѣ, и все-таки разошлись по домамъ въ неизвѣстности о результатѣ сраженія. Позднимъ вечеромъ привезли въ городъ раненаго флигель-адъютанта, полковника Сколкова, съ отнятою рукою, и севастопольцы узнали отъ него, что сраженіе было кровопролитное, что наши войска дрались славно, лихо, по-русски, но все-таки принуждены были отступить.

Между тѣмъ, съ первыми выстрѣлами на р. Алмѣ, вице-адмиралъ Корниловъ и подполковникъ Тотлебенъ поскакали на поле сраженія, но успѣли прибыть туда только тогда, когда войска наши, отступая послѣ кровопролитнаго боя, подходили къ рѣкѣ Качѣ.

Возвратившись въ Севастополь поздно вечеромъ, Корниловъ прежде всего сдѣлалъ распоряженіе о размѣщеніи по госпиталямъ и лазаретамъ раненыхъ, прибывающихъ съ поля сраженія. На сѣверной сторонѣ рейда ожидали ихъ шлюпки, для переправы черезъ бухту, а на пристаняхъ южнаго берега стояли люди съ носилками. Вся дорога вплоть до госпиталей и

*

казармъ, назначенныхъ для пріема раненыхъ, была освѣщена факелами «и всю ночь тянулись по ней мрачныя тѣни, говорившія о нашей потерѣ».

Переправа эта продолжалась и на слѣдующій день; вся бухта была покрыта гребными судами, перевозившими раненыхъ. Улицы наполнялись народомъ, но среди населенія не было уже слышно ни радостныхъ привѣтствій, ни восторженныхъ возгласовъ. Большинство сознавало предстоящую опасность и трудное положеніе Севастополя. Всѣ, заключенные въ стѣнахъ города, хорошо понимали, что теперь настало время, когда каждый долженъ стать на защиту отечества и своего роднаго пепелища.

Утромъ 9-го сентября, Корниловъ собралъ военный совѣтъ изъ адмираловъ и капитановъ, *) и предложилъ смѣлый планъ-выйти въ море и атаковать непріятельскій флотъ. По его мнѣнію, въ случаѣ успѣха, мы могли уничтожить непріятельскіе корабли и тѣмъ лишить союзную армію продовольствія и возможности получить подкрѣпленія, а въ случаѣ неудачи, Корниловъ предлагалъ стараться сцѣпиться на абордажъ, взорвать себя и часть непріятельскаго флота на воздухъ, и умереть со славою.

Спасая честь роднаго флага, Корниловъ видѣлъ въ такой геройской смерти храбрыхъ залогъ къ спасенію города.

Такъ думалъ Корниловъ, но не такъ думали собравшіеся члены совѣта. Большинство ихъ было несогласно съ отважнымъ предложеніемъ адмирала, какъ съ предложеніемъ, не обѣщающимъ въ дѣйствительности никакого успѣха.

Среди союзнаго флота только французская эскадра была нагружена войсками и припасами, но за то англійская эска-

*) Капитанами во флотѣ называются командиры судовъ.

дра —въ составѣ 10 линейныхъ кораблей, нѣсколькихъ фрегатовъ и большаго числа пароходовъ—не была вовсе занята дессантомъ и явилась въ виду крымскихъ береговъ въ боевой линіи, готовая принять атаку нашего флота. Если вспомнить при этомъ, что въ числѣ англійскихъ кораблей было пять винтовыхъ, то очевидно, что силы непріятеля были слишкомъ несоразмѣрны съ нашими.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, большинство членовъ совѣта готово было предложить другой проектъ дѣйствій—прегражденіе непріятелю входа на рейдъ. Мысль эта явилась не моментально, не въ день собранія совѣта, она обсуждалась моряками ранѣе, и можно сказать, что со дня высадки непріятеля, въ Севастополѣ поговаривали уже объ этой мѣрѣ.

Идею затопленія кораблей можно назвать геніальною, а приведеніе ея въ исполненіе—однимъ изъ крупныхъ подвиговъ въ жизни Севастополя. Жертвуя нѣсколькими старыми судами, мы прегражадали непріятелю всякую возможность ворваться на рейдъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, усиливали Севастополь болѣе чѣмъ 10.000 человѣкъ матросовъ, испытанной храбрости.

Принимая противъ воли на себя исполненіе этой мѣры, Корниловъ составилъ новую диспозицію судамъ Черноморскаго флота и приказалъ всѣмъ фрегатамъ и мелкимъ судамъ войдти въ Южную бухту, приготовить пять старыхъ кораблей и два фрегата къ затопленію, и, наконецъ, приготовить къ затопленію всѣ безъ исключенія суда и корабли, на тотъ случай, если бы пришлось уступить городъ непріятелю.

Въ четыре часа по полудни, по сигналу съ корабля «Великій Князь Константинъ» суда стали переходить на вновь назначенныя имъ мѣста, и въ $10^1/_2$ часовъ вечера передвиженіе было окончено.

Утромъ 10-го сентября, суда, назначенныя для потопленія,

были поставлены на указанныя имъ мѣста, а около 6-ти часовъ вечера, Корниловъ, грустный и задумчивый, вошелъ на библіотеку и приказалъ надъ бывшею на ней башнею поднять русскій національный флагъ—сигналъ, что рѣшеніе топить корабли принято безвозвратно.

Въ теченіе ночи приказано было свезти на берегъ все, что можно, за исключеніемъ орудій; а на разсвѣтѣ слѣдующаго дня срубить мачты и погрузить корабли на дно.

Въ восемь часовъ вечера, на этихъ корабляхъ, по морскому обычаю, сыграли зорю и опустили флаги. Ничто не напоминало ихъ близкой гибели, и только тогда, когда уже совершенно стемнѣло, экипажи ихъ съѣхали на берегъ. Большинство матросовъ и многіе изъ офицеровъ были грустны: имъ было жаль, что корабли, на которыхъ они служили, съ которыми сроднились, должны погибнуть, не помѣрявшись силами съ врагами отечества въ честномъ и горячемъ бою.

Въ полночь 11-го сентября, глухой трескъ и клокотаніе воды возвѣстили, что потопленіе кораблей совершилось. Поутру надъ поверхностью моря плавали лишь обломки мачтъ шести потопленныхъ судовъ. Одинъ только корабль «Трехъ Святителей», оставаясь на поверхности, долго сопротивлялся, не желая разставаться съ жизнію. Съ шумомъ лилась вода въ отверстія, прорубленныя въ подводной его части, но кораблю все-таки не хотѣлось погружаться въ воду. Тогда приказано было пароходу «Громоносецъ» подойти и пустить нѣсколько бомбъ въ подводную часть несчастнаго корабля.

У Корнилова навернулись при этомъ слезы.

—«Вотъ горькое зрѣлище»!—сказалъ онъ окружающимъ.—«Что вѣками создавалось, о чемъ Михаилъ Петровичъ (Лазаревъ) такъ усердно хлопоталъ,—все въ одинъ мигъ уничтожено. Черноморскій флотъ погибъ»!

Видя, что, несмотря на выстрѣлы «Громоносца», корабль все еще стоитъ на поверхности воды, Корниловъ, казалось, досадовалъ на его упорство.

«Не могу равнодушно смотрѣть»,—сказалъ онъ: —«это хуже, чѣмъ разстрѣливаютъ человѣка».

Онъ готовъ былъ подать сигналъ прекратить стрѣльбу но было уже поздно. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, обреченный на гибель, корабль «Трехъ Святителей» зашатался, волны разступились передъ нимъ, и онъ, послѣ долгой борьбы, какъ герой, отстаивающій самого себя, свое величіе и славу, медленно опустился на дно, предназначенное быть его могилой... Шумъ воды, трескъ ломающихся мачтъ, вмѣстѣ съ грохотомъ пушекъ, скатывающихся съ одного борта на другой, сопровождали эту борьбу съ моремъ корабля,—владыки моря. Не одна горячая слеза скатилась съ рѣсницъ зрителей этой печальной сцены.

Выстрѣлы «Громоносца» болѣзнено отозвались въ сердцахъ моряковъ. Смотря, какъ тонулъ корабль «Три Святителя», многіе изъ нихъ горько плакали. Грустный и задумчивый, стоялъ Корниловъ, слѣдившій за его движеніями; но когда корабль, шатаясь, сталъ опускаться на дно, онъ какъ бы встрепенулся, лицо его оживилось, онъ обратился къ собравшимся съ словами утѣшенія:

«Товарищи»!—сказалъ онъ:—«войска наши, послѣ кровавой битвы съ превосходнымъ непріятелемъ, отошли къ Севастополю, чтобы грудью защищать его. Вы пробовали непріятельскіе пароходы и видѣли корабли его, не нуждающіеся въ парусахъ? Онъ привелъ двойное число такихъ, чтобъ наступать на насъ съ моря. Намъ надо отказаться отъ любимой мысли—разразить врага на водѣ! Ктому же мы нужны для защиты города».

«Главнокомандующій рѣшилъ затопить 5-ть старыхъ кораблей на фарватерѣ: они временно преградятъ входъ на рейдъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свободныя команды усилятъ войска.

«Грустно уничтожать свой трудъ! много было употреблено нами усилій, чтобы держать корабли, обреченные жертвѣ, въ завидномъ свѣту порядкѣ. Но надо покориться необходимости!

«Москва горѣла, а Русь отъ этого не погибла: напротивъ, стала сильнѣе. Богъ милостивъ! Конечно, Онъ и теперь готовитъ вѣрному Ему народу русскому такую же участь.

«И такъ помолимся Господу, и не допустимъ врага сильнаго покорить себя! Онъ цѣлый годъ набиралъ союзниковъ и теперь окружилъ царство Русское со всѣхъ сторонъ. Зависть коварна! Но Царь шлетъ уже свою армію; и если мы не дрогнемъ, то скоро дерзость будетъ наказана и врагъ будетъ въ тискахъ»!

Затопленіе кораблей было громовымъ ударомъ для Черноморскаго флота; но оно было еще большимъ ударомъ для союзниковъ, совершенно не ожидавшихъ такой мѣры.

Какъ громомъ, поразило это извѣстіе союзныхъ адмираловъ. Англійскій адмиралъ Лайонсъ самъ сознавался впослѣдствіи, что отъ досады рвалъ на себѣ волосы, а французскій адмиралъ Гамеленъ счелъ необходимымъ безотлагательно отправить нарочнаго на берегъ, съ донесеніемъ къ маршалу Сентъ-Арно, который вполнѣ оцѣнилъ все значеніе подобнаго дѣйствія.

Дѣйствительно, преграждение непріятелю входа на рейдъ передавало въ распоряженіе кн. Меншикова все морское народонаселеніе Севастополя и дозволяло главнокомандующему употребить его на защиту города противъ наступающаго непріятеля.

11 сентября князь Меншиковъ отдалъ приказъ о назна-

ченіи Корнилова для обороны Сѣверной, а Нахимова—Южной стороны Севастополя. Такъ какъ Сѣверной сторонѣ не угрожала опасность, то Корниловъ также остался на Южной, и оба они стали на защиту города.

Подъ начальствомъ Нахимова, на южной сторонѣ было не болѣе 3.000 человѣкъ, разбросанныхъ на пространствѣ 7 верстъ и, притомъ, расположенныхъ въ едва-начатыхъ укрѣпленіяхъ.

Находясь въ ежеминутномъ ожиданіи штурма, защитники принуждены были позаботиться прежде всего о томъ, чтобы въ самое короткое время окружить весь городъ непрерывною линіею укрѣпленій и выставить на нихъ наибольшее число орудій.

При совокупномъ усиліи начальниковъ, работа по всей линіи укрѣпленій закипѣла пуще прежняго.

Теперь малочисленному гарнизону приходилось, для защиты обширной мѣстности, окончить бастіоны, углубить рвы, поднять и утолстить бруствера и связать ихъ непрерывною линіею батарей; приходилось укрѣпить мѣстность множествомъ новыхъ построекъ и вооружить ихъ огромными корабельными пушками. Словомъ сказать, нужно было создать огромную линію такихъ преградъ, которыя не допустили бы непріятеля взять городъ открытою силою, а заставили его приступить къ правильной осадѣ и приближаться медленно, шагъ за шагомъ.

Въ Севастополѣ въ эти дни проявилась необыкновенная дѣятельность. Ко всѣмъ тремъ пристанямъ свозились съ судовъ орудія, со станками и снарядами; тамъ выгружались и потомъ доставлялись на бастіоны и батареи. По улицамъ тащили орудія, лафеты, снаряды, бревна и доски; несли плотничьи инструменты, желѣзныя оковки, гвозди, мѣшки, пустые и наполненные землею. Все это спѣшило къ укрѣпленіямъ,

гдѣ рабочіе рыли рвы, насыпали бруствера и утрамбовывали землю. Тысячи тружениковъ, выкидывая изъ рвовъ землю, насыпали тотъ непрерывный семиверстный валъ, для овладѣнія которымъ союзники употребили почти годъ времени.

Работы производились безпрерывно, безъ устали, не переводя дыханія, днемъ и ночью. Утромъ выходило отъ 5 до 6 тысячъ человѣкъ, которые вечеромъ смѣнялись другими, хотя и въ меньшемъ числѣ, но работавшими всю ночь. Въ земляныхъ работахъ участвовали всѣ, кто только могъ: солдаты, вольные мастеровые, мѣщане, лавочники, лакеи и, словомъ, всѣ, свободные жители города, женщины и дѣти. Женщины носили воду и пищу, засѣли за шитье мѣшковъ и кулей, дѣти—таскали землю на укрѣпленія. Двери порта и арсенала растворились настежь; изъ сараевъ вытаскивали запасныя орудія, лѣсъ, такелажъ, мѣшки и разные строительные матеріалы; тамъ же раздавали желающимъ инструменты: ломы, лопаты, заступы и проч. Кто имѣлъ тачку, или лошадь съ телѣгою, тотъ спѣшилъ на укрѣпленія, зная, что имъ найдется работа; даже водовозныя бочки были употреблены въ дѣло:—въ нихъ развозилась вода для утоленія жажды трудившихся. Словомъ сказать, всѣ средства города были обращены на содѣйствіе рабочимъ.

Своимъ примѣрнымъ самоотверженіемъ, Корниловъ призвалъ всѣхъ къ строгому выполненію обязанности; безполезные споры о старшинствѣ уступили теперь мѣсто благоразумію, и всѣ подчинились человѣку, полному одушевленія и энергіи. Лѣнтяевъ и тунеядцевъ тутъ не было: мужчина и женщина трудились одинаково.

«Теперь нужно бросить всѣ занятія»,—сказалъ однажды Корниловъ, обращаясь къ Батьянову, состоявшему чиновникомъ по дипломатической части при главнокомандующемъ:—

«теперь надо думать только объ оборонѣ и защитѣ Севастополя. Я васъ прошу перевозить ядра на бастіоны».

«Я тотчасъ поспѣшилъ исполнить его приказаніе»,—пишетъ Батьяновъ,—«и съ того времени занимался перевозкою ядеръ и другихъ военныхъ запасовъ къ бастіонамъ».

Вся аванпостная служба вокругъ города исполнялась нѣсколькими казаками, оставленными кн. Меншиковымъ, да флотскими и вышедшими изъ госпиталя кавалерійскими офицерами, разъѣзжавшими на фурштатскихъ лошадяхъ. Граждане образовали родъ ополченія для содержанія городскихъ карауловъ. Начальство надъ этою милиціею приняли два актера—Пиллони и Дрейсихъ.

Здѣсь любовь къ отечеству проявилась въ полномъ своемъ величіи. Совокупныя усилія севастопольцевъ сдѣлали небывалую вещь: въ двѣ ночи и одинъ день было поставлено на батареяхъ болѣе ста орудій большихъ калибровъ. Явившись на Южной сторонѣ города, союзники повѣсили нѣсколькихъ татаръ, увѣрявшихъ ихъ, что городъ вовсе не защищенъ съ Южной стороны. Повѣшанные потерпѣли должное возмездіе, какъ измѣнники Россіи, но были справедливы въ своихъ показаніяхъ. Все это выросло почти мгновенно.

Находясь почти въ предсмертной агоніи, со дня сраженія на р. Алмѣ, Сентъ-Арно все еще старался казаться бодрымъ. Онъ надѣялся дожить до взятія Севастополя и связать свое имя съ паденіемъ этого города. Мысль о скоромъ и безотлагательномъ приступѣ лелѣяла его самолюбіе и питала надежду на возможность блестящей побѣды. Маршалъ полагалъ, что, послѣ краткаго усиленнаго бомбардированія, легко будетъ овладѣть городомъ.

«Императоръ будетъ доволенъ вами», — говорилъ онъ окружающимъ. — «Мы исполнили его приказаніе. Конечно, ему

принадлежитъ вся честь этой экспедиціи... *Черезъ 10-ть дней ключи Севастополя будутъ въ его рукахъ»*...

Завѣтныя мечты маршала не осуществились. Сентъ-Арно, въ ночь съ 13-го на 14-е сентября, почувствовалъ приближеніе смерти и, находясь почти въ постоянномъ забытьи, принужденъ былъ отказаться отъ командованія арміею. Мѣсто его заступилъ Канроберъ.

Между тѣмъ, наши защитники значительно подвинулись въ устройствѣ укрѣпленій и сдѣлали все, что могли, по своимъ средствамъ. Они успѣли утолстить и возвысить нѣкоторые бастіоны и батареи, удлиннить ихъ фасы, приспособить ихъ къ ружейной оборонѣ, вырыть рвы, поставить на укрѣпленія орудія, устроить завалы, исправить нѣкоторые пороховые погреба и насыпать нѣсколько новыхъ батарей, частію изъ мѣстной, частію изъ приносной земли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ успѣли сдѣлать засѣки и устроить волчьи ямы, чтобы хотя сколько-нибудь затруднить непріятелю доступъ къ городу.

Къ вечеру 14-го сентября, на оборонительной линіи Южной стороны было поставлено 172 орудія и, для защиты ихъ, сосредоточено около 15.000 челов. разнаго рода оружія, даже съ пиками; но все это, конечно, было ничтожно и не могло бы остановить предпріимчиваго непріятеля.

Къ этому надо прибавить, что хотя на оборонительной линіи и было поставлено 172 орудія, но они были разбросаны на семиверстномъ разстояніи и имѣли незначительную дальность выстрѣла, такъ-что оборона впереди лежащей мѣстности была весьма слаба, а многія мѣста и вовсе не имѣли никакой обороны.

Несмотря на всѣ невыгоды и опасное положеніе, въ которомъ находился гарнизонъ, защитники готовы были на всякаго рода пожертвованія. Каждый изъ бывшихъ на укрѣ-

пленіяхъ положилъ стоять, пока хоть искра жизни останется въ тѣлѣ.

Жители, матросы и солдаты сразу, безъ всякихъ толкованій, поняли свое положеніе: они рылись въ землѣ, воздвигая линію батарей; они же носили землю тамъ, гдѣ нехватало ея, для насыпи укрѣпленій, и ставили на батареи свои огромныя пушки. Все это дѣлалось такъ просто и естественно, какъ задушевная мысль, какъ свѣтлая жизнь, вся отданная за вѣру и отечество. Одинаково вскормленные, всѣ они составляли часть одного народа русскаго, подвластнаго одному Монарху, принадлежащаго одной вѣрѣ, имѣющаго одинъ языкъ, одушевленнаго и проникнутаго одною волею. Стойкій и рѣшительный народъ рѣшился защищать городъ отъ нашествія иноплеменниковъ и встрѣтить врага безъ ключей и хлѣба-соли, а по-русски—штыками и чугунными снарядами.

Утромъ 14-го сентября, въ виду Севастополя появилось нѣсколько непріятельскихъ пароходовъ и судовъ. Одни изъ нихъ шли по направленію къ Балаклавѣ, другіе дѣлали промѣры, заглядывали въ различныя бухты, отыскивая удобныя мѣста для стоянки своего флота. Въ то же время изъ Севастополя видно было, какъ союзные главнокомандующіе производили рекогносцировку ближайшихъ окрестностей города, а вице-адмиралъ Корниловъ объѣзжалъ оборонительную линію укрѣпленій. Осмотрѣвъ работы, онъ рѣшился на слѣдующій день, по русскому обычаю, начать защиту города крестомъ и молитвою, знаменующими начало всякаго желаннаго дѣла на православной Руси.

«Пусть прежде всего напомнятъ войскамъ слово Божіе»,—говорилъ Корниловъ:—«а потомъ я передамъ имъ слово Царское».

Съ ранняго утра стали наши войска на свои боевыя по-

зиціи, въ ожиданіи торжественной процессіи. Духовенство, съ образами, хоругвями и крестами, совершало крестный ходъ, медленно подвигаясь по всей оборонительной линіи. Почти въ каждомъ укрѣпленіи процессія останавливалась, чтобы отслужить молебенъ, окропить войско св. водою и осѣнить крестнымъ знаменіемъ. Горячо молились защитники не о спасеніи своего живота, а о спасеніи роднаго имъ города, о спасеніи славы отечества. Тысячи теплыхъ молитвъ возносились къ небесамъ, молитвъ чистыхъ, солдатскихъ-безслезныхъ, но горячихъ и искреннихъ. По окончаніи крестнаго хода, Корниловъ объѣзжалъ войска. Одѣтый въ блестящую генералъ-адъютантскую форму, окруженный многочисленною свитою, онъ ѣхалъ вдоль линіи, привѣтствуемый громкими криками.

«Царь надѣется»,—говорилъ онъ войскамъ,—«что мы отстоимъ Севастополь; да намъ и некуда отступать: позади насъ море, впереди—непріятель. Кн. Меншиковъ обманулъ и обошелъ его, и когда непріятель насъ атакуетъ, то наша армія ударитъ на него съ тыла. Помни же, не вѣрь отступленію. Пусть музыканты забудутъ играть ретираду; тотъ измѣнникъ, кто протрубитъ ретираду! и если я самъ прикажу отступить—коли и меня»!

Громкое неумолкаемое «ура»! было отвѣтомъ войскъ на слова любимаго начальника.

— «Ваше дѣло»,—говорилъ Корниловъ, «подвигаясь далѣе и обращаясь къ одному изъ пѣхотныхъ батальоновъ,—ваше дѣло сначала строчить непріятеля изъ ружей, а если ему вздумается забраться на батареи,—такъ принимайте его по-русски: тутъ ужь знакомое дѣло—штыковая работа».

Стоявшіе на укрѣпленіяхъ, матросы, завидя издали приближеніе своего начальника, привѣтствовали его громкимъ «ура»!

« — Я давно знаю васъ за молодцовъ»,—говорилъ имъ Корниловъ:—«а съ молодцами говорить долго нечего».

« — Умремъ за родное мѣсто!» — отвѣчали моряки на слова адмирала.

Одушевленіе войскъ и желаніе, постоявъ за себя, отмстить врагу сдѣлались всеобщими.

Смотря въ это время на пропеченныя южнымъ солнцемъ загорѣлыя лица стоявшихъ на укрѣпленіяхъ, можно было видѣть, что всѣ они одушевлены спокойною и разумною готовностью ко всѣмъ случайностямъ; видно было, что всякій постоитъ за себя и исполнитъ свой долгъ, какихъ бы жертвъ онъ ни потребовалъ. Увѣренность въ своей силѣ солдатъ и радостные крики ихъ, на привѣтливыя слова Корнилова, закончили этотъ величественный день въ жизни Севастопольскаго гарнизона.

Корниловъ днемъ не сходилъ съ лошади, переѣзжая съ позиціи на позицію, а вечеромъ всѣ собирались къ нему за приказаніями. Онъ слѣдилъ за строгимъ исполненіемъ аванпостной службы и за порядкомъ расположенія войскъ.

Безустанная дѣятельность начальника штаба Черноморскаго флота скоро доставила ему всеобщее уваженіе и довѣренность.

Въ эти немногіе дни Корниловъ, проявившій необыкновенную дѣятельность и добровольно принявшій на себя всю отвѣтственность передъ отечествомъ, сталъ неизмѣримо выше его окружающихъ. Это былъ одинъ изъ немногихъ, не потерявшихся въ столь трудныхъ обстоятельствахъ; это былъ человѣкъ, сдѣлавшійся руководителемъ обороны не по старшинству, а по своимъ способностямъ и энергіи. Хладнокровный въ столь трудныхъ обстоятельствахъ, Корниловъ смотрѣлъ на дѣло прямыми глазами, не увлекаясь, но и не отчаиваясь.

II.

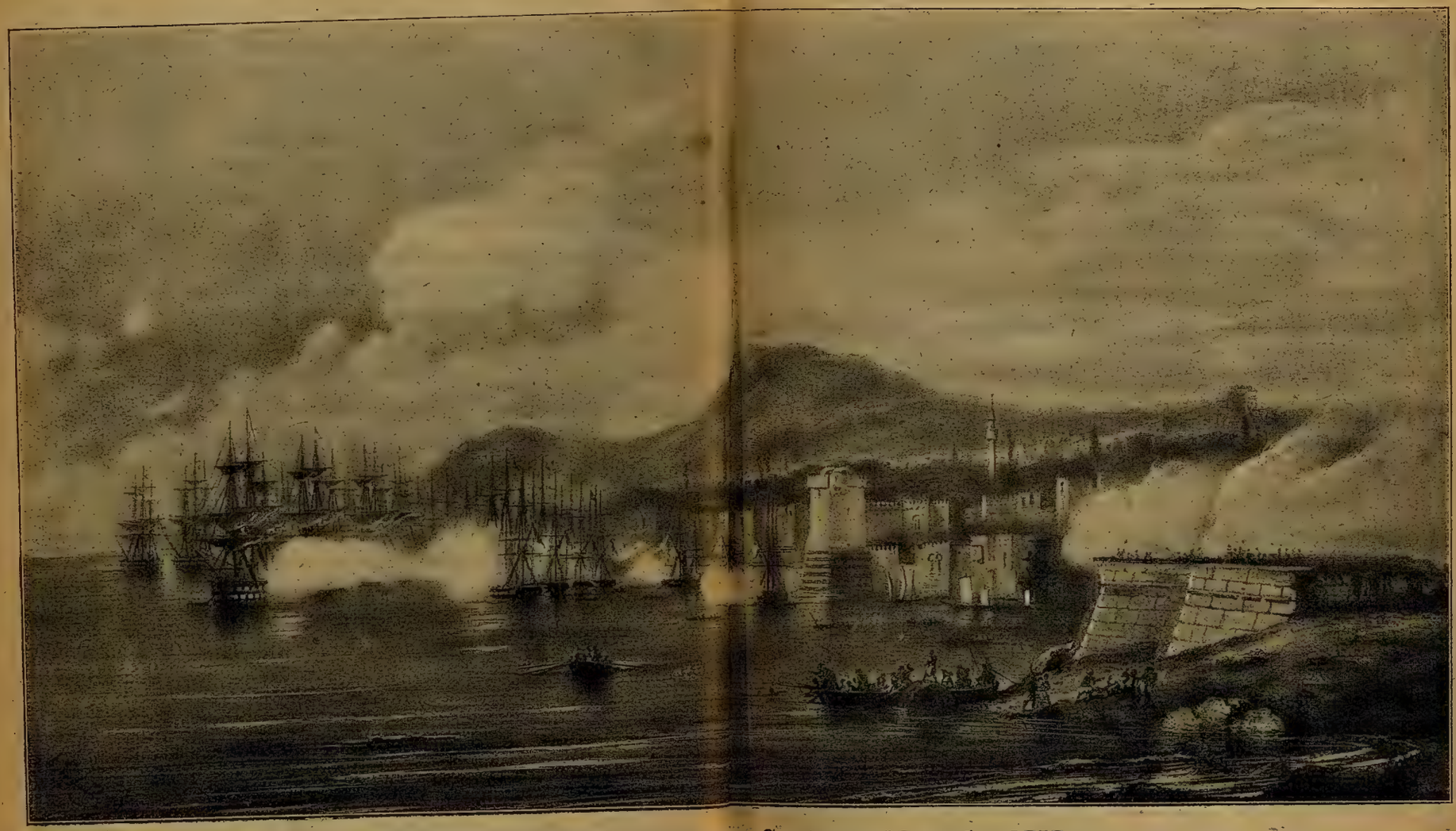
Переходъ князя Меншикова на Южную сторону Севастополя.—Разореніе союзниками Ялты.—Открытіе союзниками осадныхъ работъ.—Прибытіе пластуновъ.—Распоряженія Корнилова.—Вылазки.

Перейдя на Южную сторону, князь Меншиковъ сталъ исключительно заботиться объ оборонѣ Севастополя и объ усиленіи его гарнизона. Между тѣмъ союзники, расположившись вокругъ Севастополя пятью лагерями, повидимому, готовились къ правильной осадѣ и бомбардированію города. У нихъ не было замѣтно никакихъ движеній, кромѣ подвозки, изъ занимаемыхъ ими бухтъ,—фашинъ, и туровъ.

Недостатокъ продовольствія заставилъ ихъ прибѣгнуть къ реквизиціи, и съ этою цѣлію былъ предпринятъ набѣгъ на Ялту.

Вечеромъ 21-го сентября въ виду Ялты показался непріятельскій пароходъ съ нѣсколькими судами. Въ то же самое время со всѣхъ судовъ были спущены канонерскія лодки, каждая съ пушкою на носу и съ дессантомъ отъ 50-ти до 70-ти человѣкъ солдатъ.

Въ городѣ поднялась суматоха. Нѣкоторые изъ жителей, забравши, что могли, изъ имущества, спѣшили отправиться вмѣстѣ съ присутственными мѣстами въ Симферополь, куда и прибыли 24-го сентября, подъ прикрытіемъ 35-ти человѣкъ Таврическаго гаризоннаго батальона, при офицерѣ и 11-ти казакахъ. Тѣ, которые не успѣли пристать къ этому каравану, уходили изъ города въ одиночку, съ дѣтьми и узлами на спинѣ. Томимые голодомъ и жаждою, они тянулись почти по всей дорогѣ къ Симферополю. Оставшіеся въ городѣ, за неимѣніемъ средствъ выбраться, бродили какъ тѣни, не сознавая ясно, что вокругъ нихъ происходитъ. Не унывали только



Истребленіе турецкой эскадры подъ Синопомъ 18 ноября 1853 года.

одни татары. Собравшись на пристани, они ожидали прибытія парламентера.

— «Жители города могутъ быть спокойны»,—сказалъ парламентеръ, причаливъ къ берегу.—Мы пришли сюда за провизіею. Намъ нужны рогатый скотъ, птицы, яица и вино. Все это мы будемъ покупать и платить условленную цѣну. Вреда никому не будетъ. Впрочемъ, кто не хочетъ оставаться въ городѣ, пусть выѣзжаетъ».

Управляющій имѣніемъ гр. Мордвинова, швейцарецъ Ларье просилъ парламентера сдержать данное слово и не разорять жителей.

— Мы не варвары,—отвѣчалъ тотъ,—и слово наше свято.

— Долго ли вы пробудете здѣсь?—спросилъ Ларье.

— Не менѣе трехъ и не болѣе пяти сутокъ. Успокойте жителей и потрудитесь передать имъ, что если кто осмѣлится обижать ихъ, оскорблять, грабить и вообще дѣлать какое бы то ни было насиліе, тотъ будетъ судимъ военнымъ судомъ и немедленно повѣшенъ на мѣстѣ преступленія.

Съ отъѣздомъ парламентера, къ берегу пристали кононерскія лодки. Вышедшія на берегъ команды оцѣпили городъ и у воротъ почти каждаго дома поставили часовыхъ. Между тѣмъ со всѣхъ кораблей спустили гички, шлюпки и баркасы, нагруженные вооруженными командами, которыя и не замедлили выйти на берегъ.

Овладѣвъ городомъ и не заботясь о выполненіи даннаго обѣщанія не разорять жителей, союзники стали забирать все, что попадалось подъ руку. Они ловили домашнихъ птицъ, забирали скотъ, не успѣвшій уйти изъ города на пастбище, и перевозили его живьемъ на корабли. Хозяевъ, защищавшихъ свою собственность, отгоняли прикладами, или приставляли къ груди штыкъ. Англо-французы врывались въ дома, разбивали

двери, разламывали комоды и шкафы, вынимали всѣ вещи и брали, что нравилось; они рубили картины, били посуду, рвали и разбрасывали бумаги—словомъ, безчинствовали въ высшей степени. Они совершенно ограбили и разорили Ливадію, дачу кн. Дондукова-Корсакова, забрали тамъ дорогія вещи, книги, вино, виноградъ и уничтожили виноградники. Изъ казеннаго магазина взяли 200 четвертей ржаной муки и крупъ, которыя и перевезли на суда; взяли со станціи почтовыя телѣжки, конскую сбрую, сѣдла и проч. Въ имѣніи гр. Воронцова забрали каменный уголь, дубовый и ясневый лѣсъ, 128 головъ сахару, который потомъ мѣняли у ялтинскихъ евреевъ на мыло.

«Ужасно было смотрѣть,»—пишетъ одинъ изъ пострадавшихъ—на эти сцены грабежа и разрушенія. Почти ни въ одномъ домѣ не осталось ни дверей, ни оконъ. И дѣти, и взрослые бѣгали по улицамъ, рыдая: непріятели забрали все, что нашли, несмотря на то, кому принадлежитъ имущество и какъ велика его цѣнность».

По всему видно было однако же, что союзники, боясь быть настигнутыми, торопились окончить свои подвиги и только по тому не были въ Оріандѣ, Алупкѣ и далѣе.

Въ ночь съ 23-го на 24-ое сентября они оставили Ялту и, перебравшись на суда, ушли въ море. Запасъ награбленнаго былъ не многочисленъ; непріятель не нашелъ въ Ялтѣ того, что надѣялся получить, и положеніе продовольственной его части немного имъ улучшилось. Союзники терпѣли значительный недостатокъ во всемъ и, потому, не могли приступить съ полною энергіею къ осаднымъ работамъ: съ пустымъ желудкомъ трудно настойчиво и успѣшно работать.

Первая ихъ дѣятельность по открытію осадныхъ работъ была замѣчена утромъ 22-го сентября.

Въ это же самое время вице-адмиралъ Корниловъ, объѣз-

жая по обыкновенію линію укрѣпленій, подъѣхалъ къ четвертому бастіону. Бастіонъ этотъ былъ далеко еще не такъ грозенъ, какъ казался онъ впослѣдствіи союзникамъ. Онъ состоялъ изъ неоконченнаго еще бруствера, на которомъ не было ни траверсовъ, ни блиндажей, не было даже и полнаго вооруженія:—стояло всего нѣсколько орудій, а для другихъ готовились платформы.

Былъ полдень. Матросы, работовшіе на бастіонахъ, собирались «пошабашить», какъ вдругъ сигнальщикъ, смотрѣвшій въ трубу возлѣ насыпи, крикнулъ: «непріятель идетъ на приступъ!» На бастіонѣ все пришло въ движеніе: кто хваталъ ружье, кто бѣжалъ къ орудію, и задымились фитили, готовые, по первому приказанію, пустить ядро по наступавшимъ колоннамъ. Между тѣмъ, нѣсколько офицеровъ подошли къ сигнальщику; каждый смотрѣлъ въ трубки и дѣлалъ свои замѣчанія.

— Въ самомъ дѣлѣ,—говорилъ одинъ:—видны французскія войска.

— У нихъ,—прибавлялъ другой:—что-то въ рукахъ блестить на солнцѣ. Должно быть, штуцера.

Вдали видна была колонна человѣкъ въ тысячу. Подойдя ближе къ нашимъ укрѣпленіямъ, она остановилась; солдаты, казалось, начали копать землю.

«Не закладываютъ ли они траншею?»—спрашивали другъ друга присутствующіе.

Всѣ стали всматриваться пристальнѣе. При помощи зрительныхъ трубъ, можно было видѣть, что только немногіе солдаты имѣли ружья, остальные несли ломы, лопаты, кирки и другіе инструменты для копанія земли. Не было сомнѣнія, что непріятель, не рѣшаясь атаковать укрѣпленій открытою силою, намѣренъ устроить батареи и громить ими нашъ родной городъ.

*

На обоихъ концахъ оборонительной линіи былъ тотчасъ же открытъ огонь, препятствовавшій непріятельскимъ работамъ.

Надежда на лучшій исходъ дѣла не покидала и защитниковъ. Видя, что непріятель не предпринимаетъ никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій, что онъ намѣренъ вести правильную осаду, севастопольцы готовились къ встрѣчѣ бомбардированія. Адмиралъ Нахимовъ дѣлалъ распоряженія по флоту: приказалъ запастись водою на палубахъ, имѣть возлѣ мачтъ хорошіе топоры, смочить паруса, а въ случаѣ пожара какого-либо судна стараться потопить его и проч. На оборонительной линіи сосредоточивали огонь съ разныхъ батарей на болѣе выдающіяся возвышенности, на которыхъ скорѣе всего союзники могли построить батареи, чтобы громить Севастополь. Открытіе осадныхъ работъ произвело особенно радостное впечатлѣніе на генералъ-адъютанта Корнилова. Будучи руководителемъ защиты и душою ея, онъ въ своихъ распоряженіяхъ заглядывалъ уже впередъ. Онъ принималъ теперь мѣры къ усиленію артиллерійскаго огня противъ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ непріятель началъ устраивать свои батареи; хлопоталъ о болѣе выгодномъ сосредоточеніи выстрѣловъ и для того перемѣнялъ направленіе амбразуръ на устроенныхъ уже батареяхъ и бастіонахъ; принималъ мѣры къ возведенію новыхъ укрѣпленій, къ постановкѣ на оборонительной линіи большихъ мортиръ и бомбовыхъ орудій и заботился о заготовленіи запасовъ пороха, снарядовъ и готовыхъ зарядовъ.

Заботы объ укрытіи нижнихъ чиновъ, ихъ довольствіи и даже одеждѣ не покидали Корнилова до самыхъ послѣднихъ минутъ его жизни. Онъ выхлопоталъ для гарнизона усиленное довольствіе и заработныя деньги; отпустилъ въ полки паруса для палатокъ, теплыя рубахи морскимъ нижнимъ чинамъ и наконецъ снабдилъ одеждою черноморскіе пѣшіе № 2 и № 8-го ба-

тальоны, которые, придя съ Кавказа, крайне нуждались въ этомъ. Нижніе чины этихъ батальоновъ совершенно обносились отъ продол жительной службы и безпрерывныхъ движеній. Подходя къ Симферополю, они были встрѣчены за городомъ многочисленною толпою любопытныхъ и однимъ изъ генераловъ, осматривавшимъ всѣ войска, проходившія черезъ этотъ городъ. Былъ жаркій день. Встрѣчавшій ихъ генералъ приказалъ, для облегченія похода идти вольно и поднять полы шинелей.

« — Не можно, ваше превосходительство», — отвѣчалъ на это командиръ батальона.

« — Это почему?» — спросилъ генералъ.

« — Бо е богацько такыхъ що безъ штаныу» [1]).

Появившись въ Севастополѣ, черноморскіе пластуны обращали на себя вниманіе своимъ полуазіатскимъ, изношеннымъ до крайности костюмомъ. Одѣтые въ чекмени, папахи, шаровары различныхъ цвѣтовъ и узоровъ, они имѣли на ногахъ пастолы—обувь безъ подошвы, изъ сырой, не выдѣланной воловьей кожи.

Смотря на оборванную одежду пластуновъ, на неуклюжій ихъ видъ, на отсутствіе военной выправки, солдаты подсмѣивались первое время надъ этимъ войскомъ, состоявшимъ преимущественно изъ людей малорослыхъ и пожилыхъ.

« — Вотъ, братцы, пряничное войско какое явилось»:—говорили солдаты между собою.

Пряничное войско это скоро стало образцомъ для смѣявшихся. Пластунамъ принадлежатъ самые отважные подвиги, начавшіеся со дня вступленія ихъ въ Севастополь; имъ же принадлежитъ самая трудная передовая служба—секреты, ко-

[1]) Много такихъ, что вовсе безъ штановъ.

торые они содержали во время осады Севастополя, почти подъ носомъ непріятеля.

Вооруженный отличнымъ штуцеромъ, пластунъ не зналъ промаха; обутый въ пастолы безъ подошвы, онъ, какъ кошка, подкрадывался, никѣмъ не слышимый, къ непріятелю, залегалъ за камень, и, привычный ко всякаго рода засадамъ, лежалъ неподвижно въ теченіе цѣлаго дня,—зорко слѣдя за врагомъ.

Одежда пластуновъ, удобная въ ихъ мягкой Черноморіи, оказалось весьма неудобною въ каменистомъ Севастополѣ. Здѣсь ветхія шаровары ихъ скоро обратились въ лохмотья.

Заботясь о каждомъ изъ защитниковъ, Корниловъ не берегъ себя. Посѣщая ежедневно оборонительную линію, онъ не рѣдко выѣзжалъ одинъ на нѣсколько верстъ впередъ, чтобы только лично обозрѣть мѣстность или расположеніе непріятеля.

Отдавая должную дань справедливости каждому роду оружія, мы должны сказать, что успѣхъ первыхъ дней обороны принадлежалъ исключительно морякамъ Черноморскаго флота. Съ образованіемъ экипажей, они были размѣщены на оборонительной линіи такъ, что каждый изъ адмираловъ, командовавшій сухопутною дистанціею, имѣлъ подъ своимъ начальствомъ тѣ же самыя части, которыми командовалъ на судахъ; командиры кораблей и экипажей назначались начальниками тѣхъ бастіоновъ или батарей, на которыхъ стояли ввѣренные ихъ командованію офицеры и нижніе чины. Такимъ образомъ были удовлетворены условія старшинства, единоначалія и нераздробляемости отдѣльныхъ частей. Матросы перенесли на бастіоны и батареи всѣ порядки, которые они привыкли исполнять на судахъ, теперь ими оставленныхъ. Они точно такъ же содержали вахты съ безсонными ночами, ввели всюду морскіе термины и названія; по свистку боцмана приглашались къ обѣду, на работы и проч.

Бруствера легко напоминали воображенію ихъ корабельные борты, а темныя и тѣсныя землянки и устроенные впослѣдствіи блиндажи—кубрики судовъ. Вода на батареяхъ хранилась въ цистернахъ, врытыхъ въ землю. Время считалось стклянками, или песочными часами, и каждые полчаса часовой возвѣщалъ ударомъ въ колоколъ.

Назначеніе флотскихъ офицеровъ командирами бастіоновъ и батарей имѣло еще и другую, весьма важную выгоду. Каждый изъ флотскихъ офицеровъ, по особенностямъ своей службы, смотрѣлъ на бастіонъ, какъ на корабль, гдѣ обязанъ заботиться обо всемъ до мельчайшихъ подробностей. Всѣ свои попеченія на кораблѣ морякъ перенесъ теперь на ввѣренный ему бастіонъ или батарею. Онъ хлопоталъ объ усиленіи укрѣпленія и рылъ землю, весьма часто не ожидая распоряженія и указанія инженеровъ; онъ ставилъ на своей батареѣ орудія, не говоря, что это дѣло артиллериста; запасался зарядами и даже продовольствіемъ, не сваливая этой обязанности на интендантство. И такъ вотъ главная заслуга моряковъ: она состоитъ въ томъ, что командиры бастіоновъ и батарей дѣйствовали совершенно самостоятельно и, не ожидая ни распоряженія, ни указанія начальства, сами изыскивали средства къ усиленію обороны, что было весьма важно въ то трудное для Севастополя время.

Не укрѣпленіями своими держался Севастополь столь долгое время, но держался живою стѣною православнаго воинства, своею грудью защищавшаго родной городъ противъ усилій четырехъ націй, употреблявшихъ гигантскія средства къ его уничтоженію...

Оба союзные главнокомандующіе были увѣрены, что послѣ нѣсколькихъ часовъ бомбардированія Севастополь самъ собою падетъ къ ногамъ побѣдителей.

Съ этихъ поръ противники усиленно трудились: одинъ надъ атакой, другой—надъ обороною.

Союзники трудились такъ же усердно: пыль столбомъ подымалась отъ ударовъ шанцевыхъ инструментовъ, но работы ихъ все-таки подвигались очень медленно. Съ большимъ затрудненіемъ выгружали они съ судовъ свою артиллерію, медленно перевозили ее на назначенныя мѣста. Огромныя массы металла приходилось тащить нерѣдко на разстояніи десяти верстъ, или на рукахъ, или при помощи немногихъ лошадей, которыми могли располагать какъ французы, такъ и англичане; приходилось перевозить тяжести по крутизнамъ и оврагамъ, по дурнымъ и испортившимся дорогамъ. Чтобы дать понятіе о трудности этого дѣла,—пишетъ очевидецъ англичанинъ,—довольно сказать, что въ день 10-го октября (28-го сентября), не менѣе 33-хъ лошадей, употреблявшихся для перевозки тяжестей, пали или были въ такомъ истощеніи, что надобно было убить ихъ. Для усиленія своихъ рабочихъ силъ и прислуги при орудіяхъ, союзники принуждены были также свести на берегъ часть людей съ судовъ своего флота.

Непривычные къ такой трудной работѣ, солдаты ихъ болѣли, и въ рядахъ союзниковъ, въ особенности у турокъ, потеря и смертность были весьма значительны.

Съ удивленіемъ смотрѣлъ непріятель на наши войска и на выроставшія укрѣпленія севастопольскія. «Круглый фортъ направо (Малаховъ курганъ),—писалъ одинъ изъ иностранныхъ корреспондентовъ, — почти скрылся за огромными земляными насыпями, которыя русскіе возвели прошлою ночью и сегодня... Русскіе работали день и ночь, чтобы усилить укрѣпленія Севастополя. Воздвигнуты новые редуты, построены брустверa; каменныя башни, наиболѣе подверженныя нашимъ

выстрѣламъ, исчезали подъ насыпями. Непріятель заслуживаетъ величайшую похвалу своею энергіею».

Точно такъ же, живя подъ открытымъ небомъ, трудясь день и ночь надъ постройкою укрѣпленій и пользуясь удовлетворительнымъ состояніемъ здоровья, русскія войска находили еще время и средства безпокоить непріятеля. Ежедневно цѣпь штуцерныхъ выдвигалась впередъ за оборонительную линію и своими выстрѣлами или значительно замедляла работы непріятеля, или совершенно разгоняла рабочихъ.

Независимо отъ вреда, наносимаго огнемъ нашей артиллеріи, Севастопольскій гарнизонъ постоянно тревожилъ врага и останавливалъ его работы своими вылазками, производимыми днемъ и ночью.

Имѣя одинъ общій характеръ и цѣль—безпокоить противника, нападать на него врасплохъ и на разныхъ пунктахъ, и стараться уничтожить непріятельскія работы,—вылазки представляютъ въ рукахъ обороняющагося могущественное средство къ замедленію работъ противника. Севастопольскій гарнизонъ пользовался этимъ средствомъ превосходно и производилъ вылазки безпрерывно. Наши охотники, подъ штуцернымъ огнемъ непріятеля, истребляли стоги сѣна, жгли запасы лѣса,—находившіеся впереди 4-го бастіона, по Балаклавской дорогѣ,—уничтожали ограды и стѣны хуторовъ, окружавшихъ городъ и дававшихъ пріютъ непріятелю, и неоднократно выбивали изъ этихъ оградъ непріятельскихъ стрѣлковъ, дѣйствовавшихъ по нашимъ казачьимъ разъѣздамъ. «Удаль нашихъ штуцерныхъ»,—писалъ Корниловъ,—«продолжаетъ насъ тѣшить и надоѣдать непріятелю... Грустно думать, что съ такимъ войскомъ потеряли Алму».

Ночныя вылазки изъ Севастополя особенно безпокоили непріятеля. Съ наступленіемъ ночи, наши охотники пробирались

тайкомъ къ земляным постройкамъ союзниковъ, нападали на нихъ врасплохъ, уничтожали, насколько можно, ихъ работы и, произведя всеобщую тревогу въ лагерѣ, возвращались домой, забравъ въ добычу оружіе, одежду, инструменты и проч. Случалось, что нѣсколько десятковъ солдатъ, отправившихся ночью распотѣшить свою удаль, поднимали на ноги всю непріятельскую армію. Съ первымъ крикомъ «ура!» нашихъ охотниковъ, бросавшихся въ штыки, союзники, не разсмотрѣвъ числа ихъ, били тревогу по всему лагерю. Проходило нѣсколько часовъ послѣ того; наши удальцы давно уже отступили и, сидя въ кругу товарищей, разсматривали кто захваченную у непріятеля шапку, иной ружье, либо одѣяло, которымъ покрывался англичанинъ, а въ непріятельскомъ лагерѣ солдаты все еще стояли подъ ружьемъ, ожидая нападенія рускихъ.

Вылазки эти были особенно тяжелы для англичанъ и весьма утомляли ихъ солдатъ. Французы собирались быстро при первой тревогѣ, и если она оказалась ложною, то точно такъ же быстро расходились. У англичанъ же напротивъ: они прекращали всякую работу, свертывали одѣяла и плащи, застегивались съ головы до ногъ и, пока собирались на выручку товарищей, наши охотники уже оставляли ихъ траншеи.

Съ уходомъ охотниковъ британскія войска все-таки оставались неподвижны, какъ статуи, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній, которыя, случалось, не приходили въ теченіе всей ночи.

Безпокоя день и ночь противника и замедляя его работы, Севастопольскій гарнизонъ успѣлъ построить укрѣпленія и пороховые погребки, сдѣлать необходимые запасы снарядовъ, поставить корабли такъ, чтобы они могли обстрѣливать рвы и овраги, спускавшіеся къ городу, и устроить нѣсколько мостовъ для свободнаго сообщенія. Словомъ сказать, къ вечеру 4-го

октября для защиты Севастополя было построено болѣе сорока отдѣльныхъ большихъ и малыхъ укрѣпленій, вошедшихъ въ составъ такъ называемой оборонительной линіи.

Охвативъ полукругомъ весь городъ и упираясь своими концами въ рейдъ, оборонительная линія заключила въ себя весь Севастополь. На его укрѣпленіяхъ и бастіонахъ было поставлено 333 морскихъ и сухопутныхъ орудій различныхъ калибровъ. Тутъ было собрано все, что нашлось подъ рукою: пушки, единороги, карронады и мортиры.

Для защиты укрѣпленій и города было сосредоточено 43 пѣхотныхъ и морскихъ батальона, одинъ саперный, 28-мь полевыхъ орудій и сотня Донскаго казачьяго № 67-го полка.

Много труда и неимовѣрныхъ усилій было положено при постройкѣ укрѣпленій и ихъ вооруженіи. Большая часть батарей строилась изъ приносной земли, добываемой изъ мѣстъ весьма отдаленныхъ. Приносимая въ мѣшкахъ, куляхъ и просто на рогожахъ, земля эта была большею частію дурнаго качества, перемѣшана съ камнемъ и щебнемъ. При тогдашней сухой и жаркой погодѣ, это была пыль, лишенная всякой прочности и вязкости. Несмотря на то, что надъ утрамбованіемъ этой пыли трудилось нѣсколько тысячъ рукъ до кроваваго пота, насыпи были все-таки слабы и дурно держались; многія изъ нихъ состояли изъ одного щебня, только присыпаннаго землею; поддержать или одѣть насыпи было нечѣмъ, ибо не было дерна, туровъ и фашинъ, по недостатку лѣса. Въ крайнихъ случаяхъ внутреннія крутости батарей поддерживали стѣнками, сложенными изъ камня насухо, или изъ глины, причемъ насыпка земли производилась по мѣрѣ возведенія этихъ стѣнокъ.

Чтобы имѣть понятіе о томъ, до какой степени прочны были нѣкоторыя изъ укрѣпленій, достаточно указать на рапортъ инженернаго офицера коменданту города, въ которомъ онъ про-

силъ принять зависящія отъ него мѣры противъ козла, принадлежащаго священнику, который уже третій разъ, въ разныхъ мѣстахъ, на правомъ фланге Малахова кургана, рогами разноситъ оборонительную стѣнку.

III.

Бомбардировка 5, 6 и 7 октября.—Смерть Корнилова.—Бомбардировка съ кораблей.—Неудача союзниковъ.—Прибытіе подкрѣпленій.—Секреты.

Наступило четвертое октября, канунъ крещенія Севастополя, канунъ его славы и всемірной извѣстности. Работы непріятеля подвинулись впередъ настолько, что слѣдовало ежеминутно ожидать бомбардированія города и можно было догадываться, что оно произойдетъ именно на слѣдующій день.

«Завтра будетъ жаркій день» — говорилъ Корниловъ его окружающимъ; — англичане употребятъ всѣ средства, чтобы произвести полный эффектъ; я опасаюсь за большую потерю отъ непривычки; впрочемъ, наши молодцы скоро устроятся— безъ урока же сдѣлать ничего нельзя, а жаль, многіе изъ нихъ завтра слягутъ».

Вечеръ прошелъ покойно. Въ двухъ частяхъ города, на Корабельной и Городской, два полка русской арміи, Московскій и Тарутинскій, готовились къ своимъ полковымъ праздникамъ, бывающимъ у перваго 5-го, а у втораго—6-го октября. Въ ротахъ замѣтна была большая дѣятельность: — всѣ чистились, приводили въ порядокъ свой туалетъ, а ротные командиры хлопотали о заготовленіи пироговъ и кулебякъ для общаго праздника. Солдаты разсчитывали закусить и выпить лишнюю чарку. На кухняхъ варилось и пеклось все вдвойнѣ; порціи говядины увеличены были козлятиной.

Въ тотъ же день, какъ бы предвидя грозу, на нѣкоторыхъ батареяхъ нижніе чины дѣлали складчину, пригласили священника и служили молебны. Послѣ молитвы у многихъ явилась закуска, потомъ музыка, и веселая пляска продолжалась до глубокой ночи.

Пасмурно было утро 5-го октября. Густой туманъ закрылъ весь городъ и бухту до такой степени, что въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Въ городѣ и на оборотительной линіи происходила обычная дѣятельность: у адмиралтейства кипѣлъ муравейникъ рабочихъ, по рейду сновали пароходы, баркасы и гички, перевозившія людей и тяжести; на бастіонахъ и батареяхъ шла смѣна вахтенныхъ или дежурныхъ, шли команды на работу, ставились орудія, додѣлывались амбразуры и проч.

Въ непріятельскомъ лагерѣ не было слышно ни особаго шума, ни усиленной дѣятельности.

Съ нѣсколькихъ пунктовъ оборонительной линіи замѣчено было, что вдоль французскихъ траншей, въ разныхъ мѣстахъ, стояло по нѣсколько паръ людей, открывавшихъ амбразуры, выбрасывая изъ нихъ землю и мѣшки, которые служили ихъ закрытіемъ. Этому обстоятельству не придавали еще большой важности, и, возлѣ одно-этажныхъ казармъ № 3-го бастіона, собирались два первые батальона Московскаго полка, для слушанія молебна, по случаю полковаго ихъ праздника. Составивъ ружья въ козла, батальоны приступили уже къ молитвѣ, какъ вдругъ, въ половинѣ седьмаго часа, французы, бросивъ три бомбы, одну за другою, подали тѣмъ сигналъ къ началу стрѣльбы по осажденному городу. Вслѣдъ за свистомъ сигнальныхъ ядеръ, съ удивительною быстротою открыли огонь 49 орудій французскихъ и 71 англійскихъ. Въ отвѣтъ на этотъ погромъ посылались частые выстрѣлы 118 орудій на-

шихъ укрѣпленій съ такою мѣткостію, которая заставила союзниковъ понять, что нелегко имъ будетъ сладить съ укрѣпленіями, выросшими на ихъ глазахъ.

Внезапно раздавшіеся непріятельскіе выстрѣлы и ядра, завизжавшія со всѣхъ сторонъ, произвели въ первое время страшный хаосъ. Все, кромѣ прислуги при орудіяхъ, искало средства укрыться отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Траверзы не только не представляли достаточнаго прикрытія, но напротивъ, насыпанные изъ каменнаго щебня, увеличивали только вредъ, наносимый непріятельскими снарядами. Каждое ядро, попадавшее въ насыпь или траверзъ, осыпало скрывавшихся за ними камнями, какъ картечью. Къ тому же траверзовъ было весьма мало, такъ что скрываться было почти не зачѣмъ.

Стрѣльба по городу и окружавшимъ его укрѣпленіямъ съ каждымъ часомъ усиливалась, и въ самое короткое время все пространство, раздѣляющее двухъ противниковъ, покрылось такимъ густымъ пороховымъ дымомъ, что и на близкомъ разстояніи не было возможности видѣть предмета. Облака пороховаго дыма, носясь надъ городомъ, скрывали отъ глазъ не только всѣ батареи и всю окрестность, но и самое солнце. Свѣтъ его померкнулъ, и оно казалось раскаленнымъ шаромъ, или кровавымъ кругомъ, медленно опускавшимся на горизонтѣ. Были такія минуты, когда вокругъ ничего не было видно, кромѣ дыма, прорѣзываемаго огненными языками, вырывавшимися изъ орудій. О правильномъ прицѣливаніи не могло быть и рѣчи: приходилось наводить орудія по сверкавшимъ огонькамъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Севастополь, какъ разъяренный левъ, отбивался на всѣ стороны. Выстрѣлъ за выстрѣломъ, залпъ за залпомъ посылали моряки въ отвѣтъ на огонь непріятельскихъ батарей. Нѣсколько разъ отдавалось приказаніе стрѣлять рѣже, чтобы

дать разсѣяться дыму, имѣть возможность осмотрѣться и, наконецъ, предупредить разрывъ орудій; но моряки, по привычкѣ стрѣлять цѣлыми бортами и при томъ увлеченіи, которое вызывалось желаніемъ нанести наибольшій вредъ противнику, продолжали вести частую стрѣльбу.

Тучи снарядовъ скрещивались въ воздухѣ; одни летѣли къ намъ, другіе къ непріятелю. Ядра, бомбы, гранаты, камни, щебень, земля и пыль—все завертѣлось и закружилось въ воздухѣ. Обернутые пеленою пороховаго дыма, бастіоны и батареи представляли собою непрерывный дымный валъ, посреди котораго рисовалась закопченная артиллерійская прислуга и виднѣлся рыжеватый монахъ съ крестомъ въ рукахъ, обходившій вдоль по линіи укрѣпленій, облегавшихъ Корабельную сторону... Современники, свидѣтельствуя о безстрашномъ пастырѣ, служившемъ примѣромъ долга и самоотверженія, къ сожалѣнію, не сохранили его имени; но спокойный его образъ и медленная походка остались навсегда въ памяти его видѣвшихъ. Только желаніе приложиться ко кресту и получить, быть можетъ, послѣднее благословеніе заставляло матросовъ покидать на время свои орудія и поодиночкѣ подбѣгать къ безстрашному монаху-воину, благославлявшему русскихъ людей на новые подвиги и на славную смерть, а она—смерть—гуляла во всѣхъ концахъ города. Повсюду лопались бомбы и гранаты, сыпались ихъ осколки и даже камни мостовой выворачивались отъ ударовъ ядеръ. На площадяхъ и улицахъ толпились войска, осыпаемыя со всѣхъ сторонъ непріятельскими снарядами. Потери были весьма значительны и заставляли колонны нѣсколько разъ перемѣнять свои мѣста.

По совершенному отсутствію вѣтра, воздухъ былъ сгущенъ дотого, что трудно было дышать. Отъ непрерывнаго гула орудій

и отъ сотрясенія, производимаго выстрѣлами, казалось, дрожала земля, а древесный листъ трепеталъ какъ на осинѣ.

Въ городѣ не замѣтно было особаго смущенія. Правда, нѣкоторые изъ жителей, съ началомъ бомбардированія, покинули свои дома и спѣшили на Графскую пристань, съ намѣреніемъ перебраться на Сѣверную сторону рейда; они толпились на пристани, въ ожиданіи очереди и возможности переѣхать; но число ихъ было незначительно сравнительно со всѣмъ населеніемъ, большинство котораго оставалось въ домахъ, какъ бы выжидая рѣшенія своей участи. Возлѣ одного изъ такихъ домовъ стояла 3-я рота 45-го флотскаго экипажа. Безропотно и равнодушно смотрѣли матросы на лопавшіяся вокругъ нихъ бомбы и гранаты. Жаръ и духота томили ихъ. Услужливые хозяева старались утолить жажду защитниковъ; солдаты пили выставленную воду, а офицеры—чай, передаваемый въ окно хозяйкою дома.

«Господа офицеры»!—сказала она имъ, между прочимъ:—«помните, что женщина присоединила Крымъ къ Россіи [1]), а вы, мужчины, смотрите, не отдайте его непріятелю».

Въ эти грозно-торжественныя минуты страданія славнаго города, отрадно было видѣть каждому изъ стоявшихъ на бастіонахъ, что, посреди всеобщаго разрушенія храмовъ Божіихъ, домовъ и укрѣпленій,—представители защитниковъ Россіи, адмиралы: Нахимовъ, Корниловъ и другіе вожди Черноморскаго флота—явились примѣромъ полнаго самоотверженія и готовности умереть за родину. Чуждые страха, но полные хладнокровія и спокойствія, эти достойные оберегатели могущества и славы Россіи не только не сходили въ тотъ день съ верковъ Севастополя, но, переходя съ бастіона на бастіонъ, съ одной батареи на другую, своимъ примѣромъ личной храбрости переливали въ

[1]) Екатерина Великая.

своихъ подчиненныхъ тотъ внутренній жаръ и энергію, которыми были воодушевлены сами.

Съ первыми выстрѣлами непріятельскихъ батарей, оба адмирала, Корниловъ и Нахимовъ, были на коняхъ и скакали: первый на четвертый бастіонъ, а второй—на пятый. Восторженные крики войскъ, стоявшихъ за укрѣпленіями, привѣтствовали Корнилова, когда онъ взошелъ на банкетъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ своего штаба.

Четвертый бастіонъ, по своему положенію, обратилъ на себя особенное вниманіе союзниковъ. И французы, и англичане одинаково хлопотали объ уничтоженіи этого укрѣпленія. Противъ него направлены были выстрѣлы французской батареи и двухъ англійскихъ батарей. Такимъ образомъ, внутри бастіона скрещивались французскія бомбы съ англійскими ядрами; черезъ него же летѣли и русскіе снаряды съ двухъ батарей, расположенныхъ позади бастіона.

Корнилова просили, чтобы онъ поберегъ себя и оставилъ бастіонъ, но онъ не слушалъ просьбъ и продолжалъ наблюдать за дѣйствіями батарей, своихъ и непріятельскихъ. Разговаривая съ солдатами, наводившими орудія, указывая имъ, куда цѣлить, Корниловъ переходилъ отъ одной группы къ другой.

«Смотри, молодцы»!—говорилъ онъ матросамъ:—«палить хорошенько, не торопиться—безъ суеты,—вамъ дѣло это хорошо извѣстно. Никому не оставлять своей пушки, пока можно стоять на ногахъ».

Покойно и строго было выраженіе его лица: легкая улыбка едва-замѣтно играла на устахъ; глаза его свѣтились ярче обыкновеннаго; высоко держалъ онъ голову, смотря на твореніе своихъ рукъ, на севастопольскія укрѣпленія. Сухощавый и нѣсколько согнутый станъ Корнилова, казалось, въ этотъ день выпрямился, и весь онъ какъ будто сдѣлался повыше ростомъ.

Поговоривъ съ командиромъ 4-го бастіона, вице-адмираломъ Новосильскимъ, высидѣвшимъ впослѣдствіи безотлучно на этомъ опасномъ посту въ теченіе $8^1/_2$ мѣсяцевъ, и отдавъ ему нѣкоторыя приказанія, Корниловъ отправился на 5-ый бастіонъ, по которому вмѣстѣ съ окружающими его укрѣпленіями дѣйствовали три французскія батареи.

Проѣзжая мимо Тарутинскаго полка, адмиралъ былъ радостно привѣтствуемъ солдатами.

«Вотъ, этотъ такъ молодецъ»! — говорили между собою солдаты, смотря на адмирала.

На 5-мъ бастіонѣ всею стрѣльбою распоряжался Нахимовъ; онъ самъ наводилъ орудія и слѣдилъ за полетомъ снарядовъ. Одѣтый въ сюртукъ съ эполетами и рѣзко отдѣляясь отъ другихъ одеждою, Нахимовъ хозяйничалъ на батареѣ, какъ на кораблѣ. Принимая самое живое и горячее участіе въ защитѣ и презирая опасность, Нахимовъ, въ самомъ началѣ боя, чуть-было не погибъ: онъ былъ раненъ въ голову, но, къ счастію, легко.

— Вы ранены, Павелъ Степановичъ,—сказалъ одинъ изъ приближенныхъ ему офицеровъ.

— Не правда-съ! — отвѣчалъ онъ съ неудовольствіемъ, желая скрыть свою рану отъ любившихъ его матросовъ, съ тѣмъ чтобы не разстроить ихъ.

Спустя нѣкоторое время, проведя рукою по окровавленному лбу, онъ прибавилъ: «Слишкомъ мало-съ, чтобъ объ этомъ заботиться, слишкомъ мало-съ!»

Опасность, которой подвергались всѣ находящіеся на бастіонѣ, заставила капитанъ-лейтенанта Ильинскаго просить Корнилова оставить бастіонъ.

— Присутствіемъ своимъ на бастіонахъ вы доказываете свое недовѣріе къ подчиненнымъ,—замѣтилъ Ильинскій и ручался, что каждый исполнитъ свой долгъ.

— А зачѣмъ же,—отвѣчалъ Корниловъ:—вы хотите мѣшать мнѣ исполнить мой долгъ?—мой долгъ видѣть всѣхъ.

Разговаривая съ Нахимовымъ, Корниловъ долго слѣдилъ вмѣстѣ съ нимъ за тѣмъ разрушеніемъ, которое производили наши снаряды въ непріятельскихъ укрѣпленіяхъ. Оба они стояли открыто, подъ самымъ сильнымъ огнемъ союзниковъ; ядра свистѣли около, обдавая ихъ землею и бровью убитыхъ; бомбы лопались вокругъ, поражая своими осколками прислугу у орудій. Трудно себѣ представить что-либо ужаснѣе этой борьбы. Громъ выстрѣловъ слился въ одинъ страшный гулъ надъ головами сражающихся. Тысячи снарядовъ бороздили землю, бороздили укрѣпленія и разносили смерть и увѣчья повсюду.

Видя, что люди томятся жаждою, Нахимовъ приказалъ лейтенанту Жандру позаботиться о доставленіи на бастіоны воды, а самъ отправился на бастіонъ № 6-го, противъ котораго дѣйствовали двѣ французскія батареи.

Между тѣмъ прицѣльный и навѣсный огонь непріятеля, послѣ нѣсколькихъ часовъ усиленной канонады, произвелъ значительныя разрушенія въ нашихъ укрѣпленіяхъ. Наибольшія поврежденія понесла Малахова башня. На послѣдней были подбиты почти всѣ орудія и разбитъ каменный парапетъ, при чемъ осколки камней такъ часто поражали прислугу, что принуждены были снять ее. Башня смолкла, но контръ-адмиралъ Истоминъ съ успѣхомъ отстрѣливался изъ своихъ земляныхъ батарей. Въ то же самое время съ оборонительной линіи постоянно получались извѣстія, что непріятельскіе выстрѣлы сильно разрушаютъ наши укрѣпленія; что амбразуры, поддерживаемыя досками, загораются, и что для тушенія ихъ необходимо назначить особыхъ рабочихъ. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Корниловъ поскакалъ къ острогу, гдѣ содержалось много арестантовъ.

*

— «Послать караульнаго офицера,»—сказалъ онъ, обращаясь къ часовому.

На вызовъ явился 6-го резервнаго батальона Минскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Штейнъ.

— Всѣхъ арестантовъ, неприкованныхъ къ тачкамъ,—сказалъ Корниловъ,—отведите на Малаховъ курганъ. Я сейчасъ самъ буду и распоряжусь работою.

— Караульный офицеръ не въ правѣ отлучаться съ поста—замѣтилъ Штейнъ.

— Знаю; но обстоятельства сегодняшняго дня измѣняютъ порядокъ. Скажите, что вамъ приказалъ Корниловъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ вынулъ изъ кармана визитную карточку и передалъ ее Штейну.

— Это будетъ знакомъ, что я вамъ приказалъ,—прибавилъ онъ.—Выводите арестантовъ на плацъ безъ конвоя.

Прикованные къ тачкамъ просили, какъ милости, и ихъ пустить на батареи. Имъ совѣстно было за самихъ себя, совѣстно за то, что имъ не довѣряютъ даже и въ такія минуты.

— Мы не останемся здѣсь, простите насъ,—кричали они;—пустите сражаться съ врагами, мы умремъ на батареяхъ.

Удержать ихъ не было возможности. При содѣйствіи товарищей кандалы въ мигъ были сняты, и арестанты выстроились въ три шеренги.

— Ребята!—сказалъ имъ Корниловъ,—маршъ за мною на Малаховъ курганъ: тамъ, самоотверженіемъ и храбростью, заслужите прощеніе нашего милостиваго государя за прежніе ваши проступки.

Съ крикомъ «ура!» тысячная толпа арестантовъ хлынула за лошадью Корнилова, поскакавшаго впередъ.

Высоко оцѣнили арестанты довѣріе къ нимъ адмирала—и отслужили они свою службу вѣрою и правдою. Несмотря на дурное прошлое, люди эти, одѣтые въ костюмъ отверженниковъ, одинаково съ другими любили свое отечество и готовы были жертвовать за него своею жизнію. Распредѣленные частью на Малаховъ курганъ, частью на третій бастіонъ, арестанты съ большимъ стараніемъ, готовностію и безстрашіемъ исполняли возлагаемыя на нихъ работы. Они тушили пожары, замѣняли подбитыя орудія, подносили на бастіоны воду, снаряды и подбирали раненыхъ. Съ послѣдними они обращались съ большимъ состраданіемъ: бережно клали на носилки, помогали имъ повернуться какъ удобнѣе, поили водой и несли осторожно, чтобы излишнимъ сотрясеніемъ не вызвать страданій. Какъ бы сознавая необходимость заслужить общее прощеніе, арестанты отличались особенною предупредительностію ко всѣмъ вообще нижнимъ чинамъ; они угощали ихъ водкою, приносили закуску, отдавали послѣднюю копѣйку.

Многіе изъ арестантовъ были убиты на бастіонахъ Севастопольскихъ, а оставшіеся въ живыхъ заслужили полное прощеніе, перемѣнили свое поведеніе и, ставъ честными людьми, были удостоены наградою.

Было около девяти съ половиною часовъ. Съ обѣихъ сторонъ шла усиленная стрѣльба на всѣхъ пунктахъ; оба противника, казалось, не хотѣли уступить другъ другу, какъ вдругъ на французской батареѣ, дѣйствовавшей противъ 5-го бастіона, поднялся огромный черный столбъ дыма, сквозь который можно было отличить форму боченка. То былъ взрывъ пороховаго магазина, разрушившій батарею, убившій и ранившій до 50-ти челов. артиллерійской прислуги. На бастіонѣ прислуга при орудіяхъ прокричала «ура!» подхваченное позади стоявшимъ прикрытіемъ. Этотъ успѣхъ ободрилъ защитниковъ. Ма-

тросы повели огонь еще живѣе, и, къ ихъ удовольствію, черезъ нѣсколько времени, взлетѣлъ другой пороховой погребъ, послѣ чего выстрѣлы непріятельской батареи постепенно рѣдѣли, а наконецъ, около половины одиннадцатаго, т. е. послѣ четырехъ часовъ состязанія, и совсѣмъ смолкли.

Въ такомъ положеніи была оборона Корабельной стороны, когда вице-адмиралъ Корниловъ пріѣхалъ на третій бастіонъ

Поражаемый огнемъ двухъ англійскихъ батарей, третій бастіонъ былъ въ критическомъ положеніи: многія орудія были уже подбиты, нѣсколько амбразуръ засыпано; ластовыя казармы и бараки представляли кучу развалинъ, а площадка позади бастіона была вся изрыта англійскими снарядами.

Нѣкоторые изъ офицеровъ, сопровождая Корнилова по бастіону, просили его и здѣсь не подвергать свою жизнь опасности и быть увѣреннымъ, что все будетъ въ точности исполнено.

— Хотя я совершенно убѣжденъ,—отвѣчалъ на это Корниловъ,—что каждый изъ васъ исполнитъ свой долгъ, какъ честь и обстоятельства требуютъ, но, въ такой торжественный день, я имѣю душевную потребность видѣть нашихъ героевъ на полѣ ихъ отличія.

Видя, что Корниловъ отправляется на Малаховъ курганъ, офицеры просили его ѣхать по крайней мѣрѣ черезъ Госпитальную слободку, гдѣ представлялось менѣе опасности.

— Отъ ядра не уѣдешь!—отвѣчалъ на это Корниловъ.

На Малаховомъ курганѣ, Корниловъ, какъ и вездѣ, былъ встрѣченъ громкимъ «ура!» 44-го флотскаго экипажа.

— Будемъ кричать «ура!» тогда, когда собьемъ англійскія батареи, а теперь покамѣстъ только эти замолчали,—сказалъ онъ, указывая на французскія батареи.

Распорядившись устройствомъ перевязочнаго пункта и при-

Генералъ-адъютантъ Корниловъ.

Убитъ 5 октября 1854 года.

казавъ послать за докторомъ, Корниловъ хотѣлъ было взойти на верхнюю площадку башни, но контръ-адмиралъ Истоминъ рѣшительно воспротивился этому, сказавъ, что тамъ никого нѣтъ. Уничтоженіе башни, какъ самаго высокаго и выдающагося пункта, составляло особую заботу англійскихъ батарей, не щадившихъ средствъ на ея разрушеніе. Снаряды одинъ за другимъ такъ и ложились возлѣ башни, оставаться близъ которой было крайне опасно. Поэтому, находившійся при Корниловѣ лейтенантъ Жандръ снова просилъ его возвратиться домой.

— Постойте, мы поѣдемъ еще къ тѣмъ полкамъ,—сказалъ онъ, указывая на Бородинской и Бутырскій полки,—«а потомъ госпитальною дорогою домой».

Постоявъ еще нѣсколько минутъ, Корниловъ, въ половинѣ 12-го часа произнесъ:—«ну, теперь поѣдемъ»; но не успѣлъ сдѣлать и трехъ шаговъ, какъ ядро оторвало ему лѣвую ногу у самаго живота. Адмиралъ упалъ; его подняли, перенесли за насыпь и положили между орудіями.

— «Ну, господа, предоставляю вамъ отстаивать Севастополь. Не отдавайте его,»—сказалъ Корниловъ окружавшимъ и скоро потерялъ память, не испустивъ ни одного стона.

Онъ пришелъ въ себя только на перевязочномъ пунктѣ и причастился Св. Таинъ. Замѣтивъ, что его хотятъ переложить на носилки, но затрудняются приподнять, чтобы не повредить рану, онъ самъ черезъ раздробленную ногу перекатился въ носилки и былъ отнесенъ въ морской госпиталь. Чувствуя приближеніе смерти, онъ ожидалъ минуту эту съ совершеннымъ спокойствіемъ.

— Скажите всѣмъ,—говорилъ онъ окружающимъ,—какъ пріятно умирать, когда совѣсть спокойна.

— Благослови, Господи, Россію и государя, — прибавилъ онъ; — спаси Севастополь и флотъ.

Между тѣмъ часу въ десятомъ утра, когда туманъ, стоявшій надъ Севастополемъ, окончательно разсѣялся, съ городскаго телеграфа замѣтили, что непріятельскій флотъ приближается къ нашимъ береговымъ укрѣпленіямъ, съ цѣлію принять участіе въ общемъ бомбардированіи города.

Бомбардированіе съ моря, по рѣшенію союзныхъ главнокомандующихъ, должно было начаться одновременно съ дѣйствіемъ сухопутныхъ батарей.

Около девяти часовъ утра всѣ приготовленія кончились, и корабли подняли якоря.

Подойдя на разстояніе около 1.500 саженъ отъ береговыхъ батарей, суда разсыпались вѣеромъ и затѣмъ двигались по разнымъ направленіямъ и поодиночкѣ, становясь на свои мѣста, означенныя наканунѣ буйками.

Охвативъ почти со всѣхъ сторонъ двѣ наши батареи—Александровскую и № 10-го—шестнадцатью линейными кораблями съ одиннадцатью буксирующими ихъ пароходами, французы и турки имѣли на вооруженіи своихъ судовъ около 1,600 орудій. Дѣйствуя только однимъ бортомъ, они въ состояніи были открыть одновременно огонь изъ 794 орудій, которымъ могли отвѣчать, при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, только 96 орудій нашихъ батарей.

При значительныхъ калибрахъ орудій флота, обширности цѣли, которую представляли наши батареи, и наконецъ возможности выпустить небывалую цифру 50 или 60 тысячъ выстрѣловъ, преимущественно разрывными снарядами,—французы не считали нужнымъ подходить близко и тѣмъ подвергать корабли опасности понести значительныя поврежденія отъ огня нашихъ батарей. Они справедливо признавали болѣе выгоднымъ для себя остановиться и дѣйствовать съ такого разстоянія, съ ко-

тораго дѣйствительность выстрѣловъ нашихъ батарей уменьшалась почти на половину.

При такихъ условіяхъ пораженіе наше считалось несомнѣннымъ.

Еще большими шансами на успѣхъ владѣли англичане.

Число орудій одного борта всей англійской эскадры, остановившейся противъ сѣверныхъ укрѣпленій, простиралось до 546 орудій, которымъ могли быть противопоставлены, при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, только 59 орудій нашихъ батарей, дѣйствовавшихъ съ 700 саж. Слѣдовательно, число орудій, англійскаго флота почти въ девять разъ превышало число орудій, бывшихъ на сухопутныхъ нашихъ батареяхъ. Сводя общій итогъ, мы увидимъ, что 1,340 орудій союзнаго флота шли на борьбу съ 155, или, правильнѣе, только со 115 орудіями нашихъ сухопутныхъ батарей.

Будучи вообще значительно сильнѣе, союзный флотъ имѣлъ и другія преимущества: онъ дѣйствовалъ, какъ сказано, по неподвижной цѣли, тогда какъ самъ имѣлъ возможность всегда выйти изъ-подъ выстрѣловъ, или же перемѣнить свою позицію, смотря по направленію линіи огня береговыхъ батарей. Занимая положеніе, охватывающее наши укрѣпленія съ фронта, фланга и тыла, непріятель дѣйствовалъ сосредоточенными выстрѣлами, тогда какъ наши батареи должны были разсѣевать ихъ.

Всѣ эти преимущества были настолько уважительны, что союзники надѣялись на полный успѣхъ и блестящую побѣду.

Въ спокойномъ и медленномъ движеніи союзнаго флота было что-то торжественное. Томительны были минуты ожиданія стоявшихъ на батареяхъ, но каждый изъ нихъ съ твердостью готовился встрѣтить небывалое по своимъ средствамъ морское бомбардированіе города. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ слѣ-

дила артиллерійская прислуга за движеніемъ непріятельскаго флота и, по мѣрѣ того, какъ суда входили въ сферу выстрѣловъ, наши батареи открывали по нимъ самый учащенный и живой огонь.

«Въ одномъ только бѣльѣ»,—пишетъ свидѣтель этого дня,—«сбросивъ шинели, потому что и безъ нихъ было жарко, несмотря на октябрскій холодъ, орудійная прислуга, почти не сходившая съ бруствера, усердно работала при орудіяхъ. Выстрѣлы гремѣли за выстрѣлами неумолкаемо, но непріятель не отвѣчалъ до окончательнаго построенія своихъ боевыхъ линій».

Прекрасна и величественна была картина боя для тѣхъ, кто могъ любоваться ею издали, не подвергаясь опасности быть убитымъ или раненымъ. Вырывавшійся клубами изъ портовъ, густой пороховой дымъ началъ постепенно закрывать корабли. При совершенно тихой погодѣ, чистомъ и ясномъ небѣ, при свѣтѣ полуденнаго солнца, густые клубы дыма, заколыхавшіеся сначала по темно-синей поверхности моря, стали подыматься все выше и выше и наконецъ совершенно закрыли корабли, съ ихъ мачтами и снастями. Непроницаемая завѣса эта по временамъ прорѣзывалась, какъ молніею, отблесками выстрѣловъ, за которыми слышались частая дробь града снарядовъ, лопавшихся въ воздухѣ, прыгавшихъ по землѣ, или ударявшихся въ стѣны укрѣпленій. Спустя нѣсколько секундъ послѣ начала бомбардированія, густой дымъ скрылъ корабли и раздѣлилъ противниковъ: они не видали другъ друга. Хотя одновременно стрѣляло около 1.500 орудій, но звукъ ихъ не былъ громоподобенъ:—онъ превратился въ глухой рокотъ, какъ бы въ клокотаніе, покрываемое свистомъ и визгомъ снарядовъ, въ несчетномъ множествѣ проносившихся надъ нами. Только ревъ собственнаго орудія, при выстрѣлѣ, рѣзко отдѣлялся въ

этомъ морѣ несвязныхъ звуковъ и царилъ надъ ними, до своего повторенія.

Болѣе часа продолжалась самая усиленная борьба огромнаго флота съ нашими приморскими батареями, но ощутительнаго перевѣса не было ни на той, ни на другой сторонѣ. Но вотъ одна изъ нашихъ бомбъ упала на первый вступившій въ дѣло корабль «Шарлемань», и, пройдя всѣ его деки, разорвалась въ машинѣ. Получивши столь значительное поврежденіе и потерю въ людяхъ, «Шарлемань» принужденъ былъ выйти изъ общаго строя. Выстрѣлы его прекратились, снаряды съ той стороны, гдѣ стоялъ онъ, перестали летѣть на батарею; но куда ушелъ корабль, за густотою дыма, не было видно. Вскорѣ послѣ того, оставилъ свою боевую позицію корабль «Наполеонъ», получившій опасную подводную пробоину, а за нимъ корабль «Парижъ». Послѣдній получилъ 50 пробоинъ, изъ коихъ три въ подводную часть, около 100 снарядовъ попало въ его оснастку, произведено было нѣсколько пожаровъ, и наконецъ разрывомъ одной изъ бомбъ снесенъ былъ ютъ, убитъ адъютантъ адмирала Гамелена и ранено нѣсколько офицеровъ, окружавшихъ адмирала. Съ выходомъ корабля «Парижъ», боевая позиція атакующихъ судовъ совершенно разстроилась, тѣмъ болѣе, что получившія поврежденія суда выходили изъ линіи и уже болѣе не возвращались въ нее.

Въ то время, когда французская эскадра значительно уже потерпѣла отъ огня нашихъ батарей, англичане все еще боролись съ береговыми укрѣпленіями Сѣверной стороны.

Было уже три часа по полудни, а Севастополь все еще стоналъ подъ огнемъ непріятельскихъ батарей. Въ городѣ было нѣсколько пожаровъ, которые успѣли впрочемъ потушить, а на оборонительной линіи укрѣпленій произведены значительныя поврежденія. Потеря въ людяхъ была такъ значительна, что

прислуга при орудіяхъ смѣнялась два раза, но и вторая смѣна не досчитывала уже многихъ товарищей. Командиръ бастіона, 2-го ранга Попандопуло, былъ раненъ осколкомъ бомбы. Перевязавъ наскоро рану, онъ оставался на мѣстѣ. Спустя нѣсколько времени послѣ того былъ смертельно раненъ сынъ его, находившійся на одной изъ батарей того же бастіона.

«Скоро увидимся»! — сказалъ старый капитанъ, подойдя къ сыну, чтобы благословить его.

Попандопуло поцѣловалъ сына и приказалъ отнести его на перевязочный пунктъ.

«Дружнѣй, ребята»! — крикнулъ онъ потомъ, обращаясь къ прислугѣ. — «Умремъ со славой за родной Севастополь».

Одушевленная прислуга удвоила свои усилія, — но, вслѣдъ затѣмъ, Попандопуло былъ вторично раненъ и отнесенъ въ госпиталь. Слова храбраго моряка сбылись: онъ увидѣлъ сына, помѣщенъ былъ рядомъ съ нимъ и имѣлъ послѣднее утѣшеніе своими руками закрыть ему глаза на-вѣки.

На третьемъ бастіонѣ — доносилъ кн. Меншиковъ, — три раза орудійная прислуга была замѣняема, а между тѣмъ люди, съ весельемъ и пѣснями, соперничая другъ передъ другомъ, исполняли свое дѣло. Руководимые примѣромъ такихъ офицеровъ, какъ Ергомышевъ, Лесли, Рачинскій и другіе, нижніе чины исправляли поврежденія, расчищали амбразуры и быстро замѣняли убитыхъ и раненыхъ. Они употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы не дать восторжествовать врагу, какъ вдругъ, около трехъ съ половиною часовъ пополудни, непріятельская бомба пробила пороховой погребъ и страшный взрывъ поднялъ на воздухъ часть третьяго бастіона.

Огромный столбъ чернаго дыма, смѣшанный съ землею, снарядами, бревнами и людьми, разорванными на части, высоко поднялся вверхъ и затѣмъ чугуннымъ дождемъ спустился на

тѣхъ же защитниковъ. Картечныя пули, разорвавъ жестянки и разлетѣвшись въ стороны, съ высоты падали въ траншеи, нанося ушибы и увѣчья занимавшимъ ихъ солдатамъ. Камни, комочки, куски чего-то, пыль разнаго цвѣта, какъ будто шерсть въ хлопьяхъ, медленно опускались и ложились на землю тонкимъ слоемъ.

Взрывъ пороховаго погреба нанесъ страшное разрушеніе и свалилъ въ ровъ весь исходящій уголъ бастіона, вмѣстѣ съ орудіями и находившеюся при нихъ прислугою. Бастіонъ буквально обратился въ груду земли; изъ числа 22-хъ орудій осталось неподбитыми только два; но и при нихъ было лишь пять человѣкъ прислуги. Всѣ почти офицеры выбыли изъ строя: начальникъ артиллеріи 3-го отдѣленія оборонительной линіи, капитанъ 1-го ранга Ергомышевъ, упалъ замертво, контуженный въ голову; начальникъ бастіона, лейтенантъ Лесли, разорванный на части, первое время пропалъ безслѣдно, но потомъ, спустя нѣсколько дней послѣ бомбардированія, нашли его за валомъ укрѣпленія засыпаннымъ землею. До ста человѣкъ нижнихъ чиновъ погибло въ этомъ взрывѣ. Обезображенные и обгорѣлые трупы ихъ валялись во рву и между орудіями: тамъ груда рукъ, тутъ однѣ головы безъ туловища, а вдали, среди грохота выстрѣловъ, слышались крики торжествующаго непріятеля. Бастіонъ представлялъ картину полнаго разрушенія, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ не могъ производить выстрѣловъ. Послѣ этого, казалось, исчезла уже всякая возможность противодѣйствовать непріятельской артиллеріи: оборона была совершенно уничтожена, и на Корабельной сторонѣ ожидали, что непріятель, пользуясь достигнутымъ имъ результатомъ, немедленно пойдетъ на штурмъ.

Торжествующій врагъ не воспользовался однако этимъ удоб-

нымъ моментомъ, а защитники, не падая духомъ, принимали всѣ мѣры къ возстановленію огня.

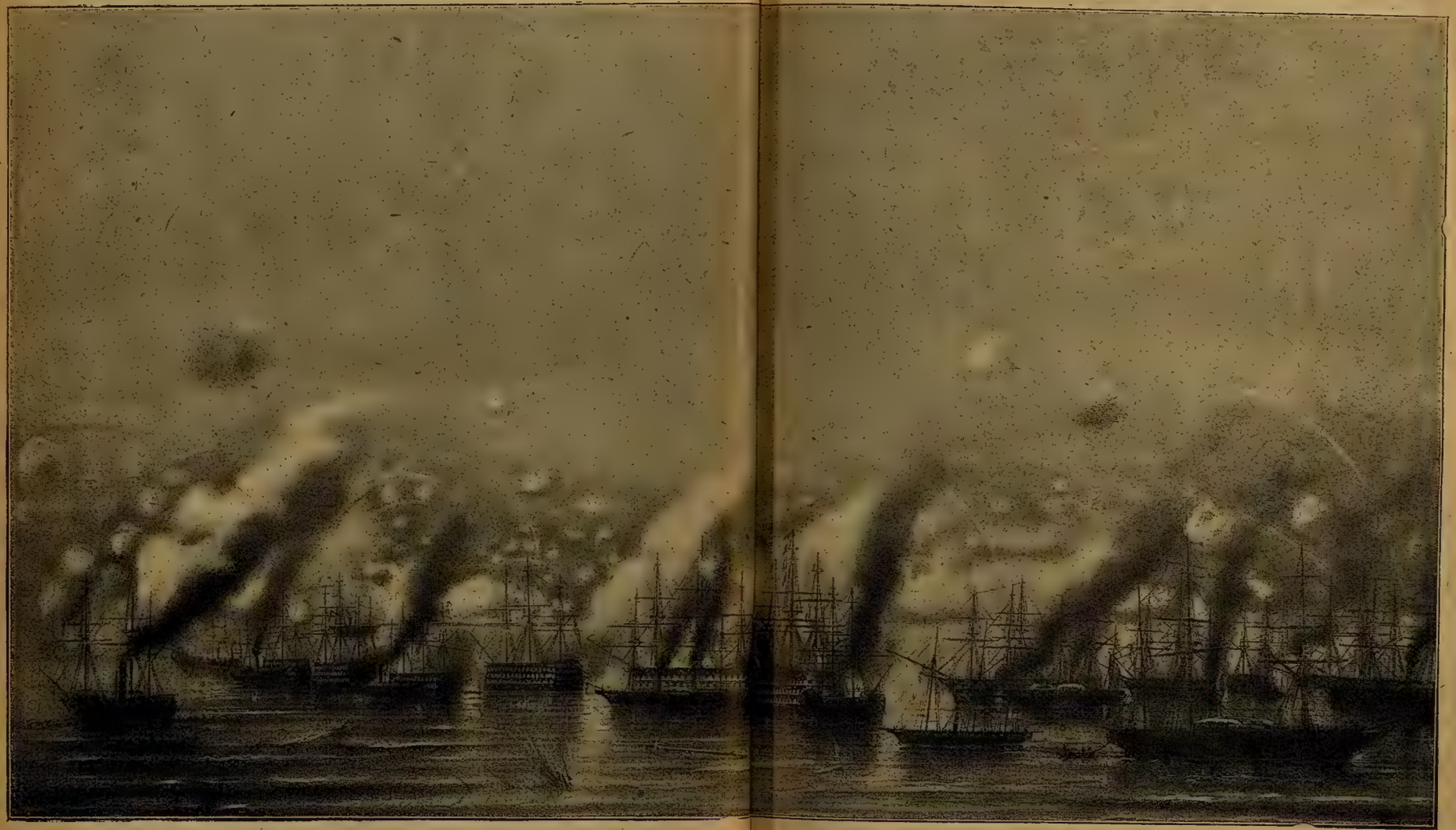
На Малаховомъ курганѣ, около четырехъ часовъ по полудни, взлетѣлъ на воздухъ зарядный ящикъ, не причинившій впрочемъ, значительнаго вреда. Не обращая вниманія на взрывъ, защитники продолжали вести здѣсь самую ожесточенную стрѣльбу, ободряемые примѣромъ офицеровъ и пастыремъ церкви. Посреди ядеръ и бомбъ, расхаживалъ по кургану священникъ въ епитрахилѣ, съ крестомъ въ рукахъ, и благословлялъ прислугу. Болѣе двухъ часовъ достойный пастырь не оставлялъ мѣста боя и не выходилъ изъ огня. Одушевляемые его примѣромъ, матросы удвоили усилія, и скоро бомба съ Малахова кургана взорвала пороховой погребъ на той англійской батареѣ, на которой развѣвался англійскій флагъ. Взрывъ этотъ былъ такъ губителенъ, что все остальное время англичане могли стрѣлять только изъ двухъ орудій.

Отличное дѣйствіе нашей артиллеріи заставило союзниковъ прекратить бомбардированіе города. Выстрѣлы ихъ становились все рѣже и рѣже, а потомъ и совсѣмъ смолкли.

Около шести часовъ по полудни и союзный флотъ, выпустившій болѣе 50.000 снарядовъ, прекратилъ стрѣльбу по береговымъ батареямъ и отошелъ на прежнее свое мѣсто. Проходя мимо Константиновской батареи, корабли французской эскадры дѣлали залпъ, какъ бы въ послѣдній привѣтъ, послѣ котораго *во все время осады союзный флотъ, оставаясь праздным зрителемъ борьбы, не принималъ уже участія въ бою и не пробовалъ состязаться съ нашими береговыми батареями.*

Причиною тому было, кончено, неудачное дѣйствіе его въ день перваго бамбардированія Севастополя.

Какъ французы, такъ и англичане не могли не сознать ту



Бомбардированіе Севастополя 5 октября 1854 года.

ничтожность вреда, который они нанесли береговымъ батареямъ, сравнительно съ матеріальными расходами, съ тою потерею и тѣми поврежденіями, которыя получили сами.

По сознанію самихъ союзниковъ, приступая къ морскому бомбардированію, они надѣялись покончить съ Севастополемъ. Но долго еще пришлось имъ возиться съ безстрашными защитниками.

Такъ кончился этотъ день, называемый днемъ перваго бомбардированія Севастополя. Онъ кончился полнымъ торжествомъ для русской арміи.

Торжество защитниковъ было полное, тѣмъ болѣе-что наши противники сами сознавались въ своемъ нравственномъ пораженіи.

«Кто изъ насъ»,—говорили англичане:—«безъ тяжести на сердцѣ видѣлъ приближеніе вечера этого дня! Мы остались на мели, и намъ предстояла продолжительная, ужасная борьба. Мы безразсудно сочли слабыми средства непріятеля и дали ему возможность развить свои силы. Случайный взрывъ на русской батареѣ или вѣрный выстрѣлъ съ нашей стороны могутъ на минуту еще возбудить энтузіазмъ въ нашихъ солдатахъ, но для всякаго благоразумнаго человѣка слишкомъ ясно, что мы, не приготовясь, пустились на исполинское предпріятіе».

Несмотря на успѣхъ нашей артиллеріи, день 5-го октября дорого стоилъ русской арміи. Самая чувствительная потеря для Севастополя, его гарнизона и всей Россіи заключалась въ смерти Корнилова.

Вечерѣло. — Французскія батареи сохраняли глубокое молчаніе; союзный флотъ отошелъ на мѣста якорной стоянки. Только одни англичане изрѣдка пострѣливали. Высоко подымавшіяся бомбы ихъ, съ горящими трубками, издали казались вертящимися звѣздами; но и тѣ, съ наступленіемъ ночи, пре-

кратили свой полетъ. Мало-по-малу гулъ выстрѣловъ умолкъ, пороховой дымъ разсѣялся, и наступила всеобщая тишина. Нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ, утомленные продолжительнымъ боемъ, бросились въ изнеможеніи на землю, тутъ же въ нѣсколькихъ шагахъ отъ орудій, чтобы перевести духъ и отдохнуть хотя нѣсколько минутъ. Другіе, еще не выбившіеся изъ силъ, пошли утолять голодъ и жажду, потому что съ самаго утра никто не бралъ въ ротъ ни куска хлѣба, ни капли воды. Подкрѣпивъ себя пищею, матросы и солдаты, съ чувствомъ довольства и гордости, вспоминали о небываломъ въ ихъ жизни днѣ, который казался всѣмъ страшнымъ тяжелымъ сномъ.

Не отдыхъ и спокойствіе принесла ночь защитникамъ, а напротивъ того призывала ихъ къ величайшей дѣятельности, къ исправленію всѣхъ поврежденій, къ замѣнѣ подбитыхъ орудій и къ пополненію израсходованныхъ снарядовъ. Малочисленному гарнизону приходилось, въ одну ночь, исправить все, что разрушили сотни тысячъ снарядовъ въ теченіе цѣлаго дня. Единодушное желаніе удивить врага и разстроить его разсчеты сдѣлало то, что въ теченіе ночи гарнизонъ уничтожилъ всѣ слѣды разрушенія и, на слѣдующее утро, передъ глазами изумленнаго непріятеля, наши батареи явились сильнѣе прежнихъ.

Получившіе значительныя поврежденія третій бастіонъ и Малаховъ курганъ (Корниловъ бастіонъ) были исправлены и усилены.

Самое раннее утро 6-го октября застало 3-й бастіонъ и Малаховъ курганъ совершенно готовыми опять бороться съ англійскими батареями. Такая же точно дѣятельность кипѣла и по всей оборонительной линіи, гдѣ всѣ поврежденія были исправлены; наконецъ, большая часть орудій, стоявшихъ на нашихъ батареяхъ и бастіонахъ, была замѣнена другими, болѣе

дальняго выстрѣла. Однимъ словомъ, къ утру слѣдующаго дня, мы готовы были по всей линіи отвѣчать непріятелю съ большею силою, чѣмъ наканунѣ.

Въ это же время стали подходить въ Крымъ подкрѣпленія съ Дуная; сначала прибыла 12-я пѣхотная дивизія, а потомъ полки 10 и 11 дивизій, а спустя нѣсколько дней, по той же дорогѣ, спѣшили въ Севастополь, чтобы раздѣлить боевые труды войскъ, два царскихъ сына, великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи.

«Полагаю»—писалъ Императоръ князю Горчакову:—«что долгъ чести требуетъ, чтобы ты моихъ *рекрутъ* немедля отправилъ въ Крымъ къ Меншикову, съ тѣмъ чтобы они тамъ оставались при немъ до минованія опасности, или до изгнанія непріятеля; потомъ же чтобъ воротились къ тебѣ. Ежели опасность есть, то не моимъ дѣтямъ удаляться отъ нея, а собой подавать примѣръ другимъ. И такъ съ Богомъ, вели имъ отправиться туда».

Скорѣйшее, по возможности, прибытіе подкрѣпленій было крайне необходимо для кн. Меншикова и выводило его изъ затруднительнаго положенія, такъ какъ и безъ того превышавшій своею численностію непріятель былъ усиленъ значительно.

Съ разсвѣтомъ 6-го октября, англичане открыли снова огонь по бастіонамъ № 3-го, № 4-го и по Малахову кургану. Французы молчали. Сильно пострадавшіе наканунѣ, они исправляли еще свои поврежденія, строили двѣ новыхъ батареи.

Несмотря на усиленное дѣйствіе англійскихъ батарей въ теченіе цѣлаго дня, поврежденія въ бастіонахъ были незначительны. Оба бастіона упорно выдерживали бой, и англичане не имѣли того преимущества и успѣха, какъ наканунѣ. Только на третьемъ бастіонѣ былъ опять взорванъ пороховой погребокъ,

*

не причинившій, впрочемъ, никакого вреда ни бастіону, ни его защитникамъ;

Послѣ полудня огонь сталъ уменьшаться.

Въ ночь на 7-е октября поврежденія, произведенныя въ нашихъ укрѣпленіяхъ, были снова исправлены.

Въ шесть съ половиною часовъ утра, 7-го октября, съ обѣихъ сторонъ открылась самая ожесточенная канонада, подобная той, какая была въ день перваго бомбардированія Севастополя. Канонада эта продолжалась почти безъ всякихъ промежутковъ вплоть до 13-го октября.

Въ оба дня, 6-го и 7-го октября, непріятель хотя и не достигъ никакихъ результатовъ, но успѣлъ нанести намъ значительную потерю въ людяхъ: 852 человѣка выбыло изъ строя убитыми, ранеными и контуженными.

Столь сильныя бомбардированія стоили намъ до 24.000 артиллерійскихъ снарядовъ.

Со дня перваго бомбардированія города началась та однообразная, тяжелая и утомительная жизнь Севастопольскаго гарнизона, которую онъ несъ въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ. Ежедневно десятки тысячъ снарядовъ, нашихъ и непріятельскихъ, бороздили воздухъ съ ранняго утра до поздней ночи. Отъ такого безпрерывнаго огня не только оборонительныя казармы, но и почти всѣ строенія, находившіяся вблизи укрѣпленій, были значительно повреждены, и многія изъ нихъ готовы были обвалиться.

Во всѣ эти дни на улицахъ Севастополя проходящихъ почти не было; одни только носильщики таскали раненыхъ да убитыхъ. Изрѣдка кто-нибудь спѣшилъ на бастіоны и то только съ экстреннымъ приказаніемъ. Для уменьшенія убыли въ войскахъ, ротамъ приказано было располагаться за закрытіями. Кучками сидѣли солдаты у стѣнъ, положивъ ружья

передъ собою, изъ предосторожности, чтобы непріятель не замѣтилъ войска и составленныхъ въ козла ружей. Знойный и солнечный день былъ утомителенъ для сражавшихся. Ядра свистали со всѣхъ сторонъ; но не страшны были они русскому солдату. Шутки, прибаутки и разныя присловья сыпались со всѣхъ сторонъ. Иногда, по большей части ночью, говорились сказки, съ примѣненіемъ ихъ къ окружающей обстановкѣ.

— Вотъ летитъ Змѣй-Горынычъ, шумитъ, гремитъ, точь въ-точь какъ эта бомба!—говаривалъ разсказчикъ, указывая на пролетавшую надъ головами бомбу.

Въ это время нѣкоторые изъ молодыхъ солдатъ, заслыша свистъ снаряда, невольно преклонялись. Хладнокровный разсказчикъ замѣчалъ и это.

— Не наклоняйся,—подшучивалъ онъ надъ молодымъ.—Всякому ядру станешь кланяться, свихнешь шею; погоди, коли попадетъ, само сломитъ.

Съ наступленіемъ сумерекъ противники принимались за работы. Севастопольцы исправляли поврежденія, строили новыя укрѣпленія, производили почти ежедневныя вылазки, уничтожали работы непріятеля, заклепывая его орудія, а французы съ каждымъ днемъ, хотя медленно, но все-таки ближе и ближе подвигались къ 4-му бастіону.

Цѣпь парныхъ часовыхъ требовала весьма много людей для занятія такого обширнаго пространства, какое имѣла оборонительная линія, и притомъ парные часовые не имѣли достаточной силы для того, чтобы остановить даже и незначительной силы противника. Прорванная въ одномъ мѣстѣ цѣпь аванпостовъ, изъ опасенія быть захваченною съ тыла, принуждена бы была отступать всею линіею, и тогда впереди нашихъ укрѣпленій не оставалось никакихъ наблюдательныхъ

постовъ. Ктому же, назначаемые въ цѣпь люди, перемѣняя каждый разъ свои мѣста и занимая ихъ ночью, не имѣли никакой возможности познакомиться съ окружающею мѣстностію и съ положеніемъ непріятеля.

Эти недостатки устранялись назначеніемъ секретовъ, сильныхъ по составу, состоявшихъ изъ 15 или 20 человѣкъ каждый и располагаемыхъ въ наиболѣе важныхъ пунктахъ.

Польза секретовъ сознана была въ самомъ началѣ осады Севастополя: это было единственное средство для ночнаго наблюденія за непріятелемъ и единственный вѣрный источникъ для полученія точныхъ свѣдѣній о работахъ противника. Составленные первое время изъ пластуновъ, привычныхъ къ такого рода службѣ, секреты располагались въ мѣстахъ наиболѣе важныхъ и опредѣленныхъ заранѣе днемъ. Въ каждый секретъ назначались обыкновенно одинъ саперъ, для выслушиванія непріятельскихъ работъ, и одинъ матросъ изъ артиллерійской прислуги, для наблюденія за дѣйствіемъ нашихъ выстрѣловъ.

Безпрерывный огонь, поддерживаемый обѣими сторонами въ теченіе шести дней, и ночныя вылазки стоили намъ 1.539 челов., выбывшихъ изъ строя, въ томъ числѣ 212 человѣкъ убитыми. Въ эти дни съ оборонительной линіи было выпущено до 72 тысячъ артиллерійскихъ снарядовъ, что составляло до 12 тысячъ пудовъ пороха.

Англичане жаловались, что имъ приходится отдыхать только 6 часовъ въ сутки, а русскіе люди сидѣли на бастіонахъ безсмѣнно, тамъ обѣдали и ужинали, тамъ дремали,— и не жаловались. Напротивъ, когда по Севастопольскому гарнизону было сдѣлано распоряженіе, чтобы прислуга на батареяхъ изъ флотскихъ экипажей смѣнялась днемъ и ночью для отдыха, то матросы 4-го бастіона единогласно просили

позволенія оставаться при орудіяхъ безсмѣнно, говоря, что они готовы защищаться и умереть на своихъ мѣстахъ.

«Стоящіе при орудіяхъ моряки», — писалъ князь Меншиковъ, — «несмотря на каждодневныя и непрестанныя потери, приводятъ меня въ удивленіе. Имъ помогаютъ арестанты, которые трудятся надъ исправленіемъ батарей и перемѣною орудій, производя все это подъ непріятельскимъ огнемъ съ удивительнымъ презрѣніемъ къ опасности и съ самоотверженіемъ почти героическимъ».

Всѣ эти подвиги, конечно, далеко не составляютъ принадлежности каждаго войска, — они принадлежали, во всѣ времена, исключительно русскому солдату, обладающему неограниченнымъ терпѣніемъ и стойкостью; но никто не станетъ спорить и о томъ, что силы человѣческія имѣютъ предѣлъ, и что напряженіе союзной арміи было настолько сильно и тяжело, что человѣческая природа недолго могла выдерживать такое состояніе. Тифъ, холера, лихорадка и поносъ явились естественнымъ послѣдствіемъ истощенія силъ, и союзники теряли людей не столько отъ огня нашихъ батарей, сколько отъ различнаго рода болѣзней. У однихъ англичанъ ежедневная потеря простиралась до 80 человѣкъ, изъ которыхъ убитыхъ и раненыхъ бывало не болѣе 30 челов., а остальные 50 человѣкъ оставляли строй и отправлялись въ госпиталь, по болѣзни. Англичане сознавались сами, что изъ 35.000 человѣкъ, прибывшихъ въ Крымъ, осталось только до 16.500 челов. такихъ, которые въ состояніи были нести службу. О туркахъ и говорить нечего: положеніе ихъ было ужасно. Полуголодные и лишенные всѣхъ средствъ къ пропитанію, они бродили какъ тѣни, подвергались различнаго рода болѣзнямъ, и, не имѣя вовсе врачей, переполняли всѣ дома и даже валялись по улицамъ Балаклавы.

«При продолжающемся неумолкаемо уже восьмыя сутки бомбардированіи города можно было опасаться за Севастополь», доносилъ князь Меншиковъ:—«приближается и то время, въ которое непріятель по всѣмъ вѣроятіямъ получитъ рѣшительный надъ нами перевѣсъ, и настанетъ для насъ минута необходимости вывести весь гарнизонъ на Сѣверную сторону подъ прикрытіемъ кораблей».

Во избѣжаніе столь печальнаго событія, являлась необходимость отвлечь на время вниманіе союзниковъ отъ города и хотя на нѣсколько дней замедлить движеніе впередъ ихъ осадныхъ работъ. Съ этою цѣлію предпринято было наступленіе къ Балаклавѣ, которое, впрочемъ, только временно отвлекло вниманіе непріятеля отъ Севастополя. Предпринятое позже, 24 октября, сраженіе подъ Инкерманомъ было тоже неудачно.

Несмотря на то, что союзники, вооруженные нарѣзными ружьями, наносили намъ огромное пораженіе, они не могли остановить нашихъ стремительныхъ атакъ. Не было ни одного полка, который бы, несмотря на убійственный огонь непріятеля, не достигъ бы до штыковаго боя. Инкерманское сраженіе лучше всего показываетъ, на какіе подвиги способенъ русскій солдатъ, какъ велика его стойкость, мужество и храбрость, которыя, при разумномъ употребленіи, могутъ принести блестящіе результаты.

Много выказано было въ этотъ день подвиговъ мужества, самоотверженія и храбрости отдѣльными лицами, и даже можно сказать, что весь бой отъ начала до конца состоялъ изъ ряда отдѣльныхъ геройскихъ подвиговъ полковъ, принимавшихъ участіе въ бою.

Кровавый бой 24 октября дорого стоилъ какъ намъ, такъ и союзникамъ: обѣ стороны не досчитывались въ своихъ рядахъ нѣсколькихъ тысячъ храбрыхъ. Много было пролито въ этотъ

день драгоцѣнной русской крови; много вѣрныхъ сыновъ своихъ лишилась Россія. Потеря наша въ Инкерманскомъ бою состояла изъ 4 генераловъ, 281 офицера и 10.442 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Французы и англичане потеряли болѣе 5 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ 10 генераловъ.

Потери наши объясняются тѣмъ, что войска наши наступали по изрытой мѣстности, представляющей множество закрытій для непріятельскихъ стрѣлковъ, вооруженныхъ нарѣзными ружьями, дозволявшими имъ открывать огонь съ весьма дальняго разстоянія. Поэтому наши войска несли уже уронъ, котораго не было въ рядахъ непріятеля по недосягамости нашихъ ружей. Потеря наша еще болѣе увеличивалась отъ скопленія значительной массы войскъ на тѣсномъ пространствѣ поля сраженія. Непріятельскіе снаряды находили себѣ обильную пищу въ густой толпѣ наступавшихъ. Однимъ словомъ, Инкерманское сраженіе дорого стоило русской арміи, и хотя кончилось не въ нашу пользу, но и союзники, такъ-же понеся чувствительныя потери, должны были сознать, что тотъ непріятель, который съ такою стремительностью и упорствомъ велъ атаку и отступилъ въ совершенномъ порядкѣ, несмотря на неудачу, остается все-таки сильнымъ врагомъ, противъ котораго трудно надѣяться на успѣхъ при штурмѣ.

Инкерманское сраженіе произвело столь сильное впечатлѣніе на непріятеля, что сгоряча союзные главнокомандующіе хотѣли снять осаду, посадить войска на суда и оставить Крымъ. Правда, оправившись, они отказались отъ этого намѣренія, остались попрежнему подъ Севастополемъ, но изъ атакующихъ перешли въ обороняющихся и стали окапываться со всѣхъ сторонъ, изъ боязни, чтобы подобное сраженіе не повторилось снова. По поводу этого сраженія англичане писали слѣдующее: «Въ Инкерманской битвѣ нѣтъ ничего для насъ радостнаго. Мы ни

на шагъ не подвинулись ближе къ Севастополю, а между тѣмъ понесли страшный уронъ. Конечно, русскіе понесли, можетъ быть, бо̀льшую потерю, нежели союзники, и были принуждены отступить, но они возвратились на свои прежнія позиціи. Они вознаградятъ свои потери и могутъ возобновить свои нападенія всякій разъ, когда найдутъ то нужнымъ. Нельзя не сказать, что положеніе наше отчаянное».

Таковы были послѣдствія Инкерманскаго сраженія, ознаменованнаго участіемъ двухъ царскихъ сыновей, братски дѣлившихъ опасность со славными полками русской арміи. Великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, доказавъ уже на полѣ сраженія свое мужество и хладнокровіе, пожелали въ тотъ же день посѣтить Севастополь, побывать на бастіонахъ и батареяхъ, чтобы передать храбрымъ защитникамъ Царское спасибо. Въ это время всѣ батареи были въ дѣйствіи, и въ особенности на Малаховомъ курганѣ огонь былъ неумолкаемый; во всю дорогу громъ ядеръ и свистъ штуцерныхъ пуль провожали великихъ князей. На Малаховомъ курганѣ почти къ ихъ ногамъ упали два непріятельскія ядра; третьимъ засыпало прислугу, и наконецъ бомба предъ ихъ глазами разрушила зданіе въ то время, какъ они передавали войскамъ благодарность Государя.

Получивъ отъ князя Меншикова свѣдѣнія объ исходѣ Инкерманскаго сраженія, императоръ Николай не падалъ духомъ.

«Не унывай, любезный Меншиковъ», писалъ Государь: «начальствуя севастопольскими героями, имѣя въ своемъ распоряженіи отличное войско, вновь доказавшее, что нѣтъ ему невозможнаго, лишь бы вели его какъ слѣдуетъ и куда должно,—съ такими молодцами стыдно было бы думать объ конечной неудачѣ. Скажи вновь всѣмъ, что я ими доволенъ и благодарю за

прямой русскій духъ, который, надѣюсь, никогда въ нихъ не измѣнится. Бросить Севастополь постыдно и помышлять; это значило бы забыть долгъ, забыть стыдъ и не быть русскими, потому этого и быть не можетъ, и я не допускаю сего даже и въ мысляхъ. Пасть съ честью, но не сдавать и не бросать».

IV.

Севастополь во время осады. — Жизнь въ городѣ и на бастіонахъ. — Наступленіе осени.—Буря 2 ноября.—Охотники.—Тяжелая жизнь въ союзномъ лагерѣ.—Лишенія въ русской арміи.—Сестры милосердія.—Заложеніе Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ.—Генералъ Хрущовъ.

Прошло два мѣсяца осады; но и теперь точно такъ же, какъ вначалѣ, надъ Севастополемъ виситъ гулъ постоянныхъ выстрѣловъ и шлепанье снарядовъ. Обитатели города привыкли ко всему этому настолько, что не обращаютъ вниманія. Женщины и дѣти расхаживаютъ по городу; въ церквахъ идетъ богослуженіе, и лишь только пробитыя крыши, разбитыя стекла и рамы, да разрушенные дома свидѣтельствуютъ, что это не мирный городъ, а городъ брани и тревогъ.

Гулъ выстрѣловъ, падающіе и катящіеся по землѣ снаряды, приковывая къ себѣ вниманіе дѣтей, поражали ихъ молодое воображеніе. Въ ту пору начинавшій лепетать ребенокъ, вмѣсто родныхъ словъ: *папа*, *мама* или *няня*, явственно говорилъ: *ядро*, *бомба* или *граната*. Бѣгавшія по улицамъ дѣти проявляли еще болѣе воинственное настроеніе въ своихъ играхъ. Раздѣлившись на двѣ партіи, они затѣвали потѣшную войну. Одна партія представляла русскихъ, другая—союзныхъ враговъ. Сначала комки грязи и камни замѣняли сражающимся бомбы,

но потомъ шуточная возня скоро переходила въ дѣйствительную драку, и часто обѣ окровавленныя партіи оставляли мѣсто сраженія только при появленіи квартальнаго надзирателя, или внушительной казачьей нагайки.

Вся сѣверная и западная стороны Малахова кургана, были покрыты домиками матросовъ, наполненными ихъ семействами. Женщины мыли бѣлье офицерамъ, торговали не только въ городѣ, но даже и на самомъ Малаховомъ курганѣ. Сидя около воротъ укрѣпленія, онѣ продавали булки, пироги, квасъ, закуску и всякую всячину, которую солдаты тутъ же, у кого бывала лишняя копѣйка, запивали сбитнемъ. Дня не проходило, чтобы не было несчастнаго случая съ кѣмъ-либо изъ подобныхъ торговокъ, между тѣмъ остальныя спокойно продолжали свои занятія, не обращая на это никакого вниманія. Убьетъ такую бабу: два тутъ же закусывавшихъ солдата подхватятъ убитую и понесутъ въ часовню.

— Откуда, земляки, несете?—спроситъ одна изъ торгующихъ.

— Съ Малахова!—отвѣтятъ они.

— Что-жъ такъ?

— Да вотъ грѣхъ-то нонѣ по-утру случился: осколокъ въ брюхо воткнись—ну, и померла. Баба вѣдь: много ль ей надо!

— Ишь оказія!—проговоритъ равнодушно торговка и станетъ сзывать покупателей, какъ будто ей не угрожаетъ точно такая же опасность.

Въ Севастополѣ подобныя сцены повторялись ежеминутно, и къ нимъ всѣ привыкли.

На мѣстахъ, можно сказать, засыпаемыхъ штуцерными пулями непріятеля, люди ходили день и ночь безъ всякой торопливости, не удостоивая даже взглядомъ мѣста, откуда сыпались выстрѣлы. Передъ проходящимъ солдатомъ идетъ това-

рищъ, глядь—и повалился; солдатъ равнодушно или пройдетъ мимо, или, поднявъ товарища, понесетъ куда слѣдуетъ, долго преслѣдуемый докучливымъ свистомъ пуль.

Среди оставшихся жителей не было замѣтно ни отчаянія, ни безпокойства. Правда, съ наступленіемъ утра они не справлялись о здоровьи сосѣда, а старались узнать, цѣлъ ли его домъ, живъ ли онъ самъ.

— Дунька, а Дунька! Жива-ль ты? — слышался женскій голосъ, кричавшій изъ окна и черезъ узкую улицу выкликивавшій сосѣдку.

— Жива,—отвѣчаетъ голосъ изъ избенки:—только ночью, слышь, осколокъ крышу провалилъ.

— Хорошо, что не голову.

— Вѣстимо, хорошо!—отвѣчаетъ тотъ же голосъ.

— Пойдешь за водой?

— Пойдемъ.

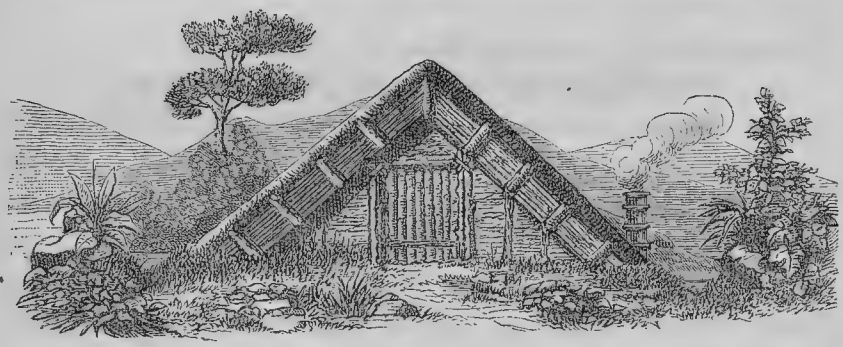
И поплетутся онѣ вдоль улицы, подъ градомъ всякаго рода снарядовъ.

Было утро 20-го октября. Тобольскій полкъ шелъ на смѣну Тарутинскаго, сидѣвшаго на четвертомъ бастіонѣ и сосѣднихъ батареяхъ. Подвинувшись къ театру, тобольцы выстроились продольно по одной сторонѣ Морской улицы. Роты Тарутинскаго полка частичками пробѣгали опасное пространство и строились противъ тобольцевъ, по другой ея сторонѣ. Снаряды съ шумомъ, одинъ за другимъ, ложились на улицу и знакомили тобольцевъ съ предстоящею имъ боевою обстановкою. На лѣвомъ флангѣ была уже жертва новаго ихъ знакомства съ Севастополемъ: рослый молодой солдатъ лежалъ на спинѣ съ разбитымъ животомъ... Спокойно и угрюмо стояли тобольцы. Облокотившись на ружья, они толковали между собою о постороннихъ предметахъ, не обращая вниманія ни на па-

давшіе снаряды, ни на лежавшаго возлѣ нихъ павшаго товарища...

Разорвавшаяся граната не замедлила проститься и съ тарутинцами, вырвавъ на память выступленія одного солдата. Солдаты бросились-было къ убитому, но командиръ батальона, подполковникъ Горевъ, остановилъ ихъ. Солдаты перекрестились.

— Царство ему небесное! — послышалось нѣсколько голосовъ. — Вишь какая смерть... сразу... и не пикнулъ!.. Богъ скорѣй грѣхи отпуститъ, райская теперь душа будетъ...



Крошечная землянка служитъ жилищемъ начальника бастіона. Это небольшое углубленіе въ насыпи, огражденное отъ выстрѣловъ съ трехъ сторонъ и сверху. Четвертая сторона составлена изъ заржавленныхъ жестянокъ и кусковъ плитняка, наскоро накиданныхъ. Небольшая дверца, съ отверстіемъ въ ней для свѣта, прилажена кое-какъ, на скорую руку. Устроенная изъ нѣсколькихъ досокъ постель и небольшой столикъ возлѣ занимаютъ все пространство *конуры* бастіоннаго начальника, или одного изъ офицеровъ. Войдя въ такую конуру, по необходимости приходилось садиться на постель, потому что

другого мѣста, гдѣ бы можно было приткнуться, не было. Въ конурѣ грязно и душно; милліоны самыхъ несносныхъ насѣкомыхъ атакуютъ каждаго вошедшаго въ землянку; но, не-

смотря на все это, она составляетъ единственное мѣсто для отдыха. Землянки для солдатъ устраивались болѣе помѣстительныя, на нѣсколько человѣкъ. Человѣкъ пять могли сидѣть на общихъ нарахъ; тамъ они отдыхали и обшивались. Въ

углу висѣлъ образъ; на стѣнахъ — картинки. Точно такой же образъ на столбикѣ, подъ навѣсомъ, находился и въ одномъ изъ угловъ каждаго бастіона или батареи.

Въ нѣкоторыхъ бастіонахъ можно было встрѣтить два или три образа съ кисейнымъ или даже шелковымъ покрываломъ. Множество свѣчъ, а иногда и лампада теплилась у образовъ, въ особенности вечеромъ. Всѣ, проходя мимо того мѣста, гдѣ стоялъ образъ, снимали шапки и набожно крестились, творя молитву. Въ блиндажахъ многихъ бастіоновъ были устроены церкви.

Стоитъ только взойти на площадку,—и однообразная бастіонная жизнь вся передъ вами. На батареѣ, возлѣ образа, сидятъ кучки матросъ и пѣхотныхъ солдатъ; одни играютъ въ карты, другіе слушаютъ разсказчика. Посреди укрѣпленія видѣнъ пѣхотный солдатъ, проходящій чрезъ батарею и съ трудомъ вытаскивающій ноги изъ липкой грязи. Помѣстившись въ амбразурѣ и поставивъ передъ собою котелокъ, солдаты ѣдятъ кашу. Пріютившись на платформѣ у орудія, сидитъ матросъ съ женою, принесшею ему домашній обѣдъ. Она ждетъ, пока мужъ поѣстъ, чтобы взять посуду и отправиться домой подъ градомъ пуль; возлѣ нихъ, на другомъ орудіи, сидитъ флотскій офицеръ и свертываетъ папироску, изрѣдка поглядывая въ амбразуру, сквозь которую виденъ бѣлый каменистый валъ непріятельскихъ траншей, лентой протянувшихся передъ нашими укрѣпленіями. Во многихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, передъ четвертымъ бастіономъ, непріятельскія траншеи расположены были не далѣе 40 саженъ.

Четвертый бастіонъ въ это время считался самымъ опаснымъ мѣстомъ въ Севастополѣ. Случались дни и ночи, въ которые на небольшую площадку бастіона падало до 2.000 бомбъ, и по бастіону дѣйствовало нѣсколько сотъ орудій. Когда кто говорилъ: «Я иду на четвертый бастіонъ», онъ говорилъ это съ особымъ удареніемъ; когда хотѣли подшутить надъ кѣмъ-нибудь, то говорили: «тебя бы отправить на четвертый бастіонъ»; если

встрѣчались носилки и спрашивали, откуда?—говорили: «Съ четвертаго бастіона». Всѣ, не бывавшіе или случайно бывшіе на бастіонѣ, были увѣрены, что четвертый бастіонъ вѣрная могила каждаго, кто появится на немъ. А между тѣмъ защитники бастіона, люди, сроднившіеся съ нимъ, никогда не хвалились, что живутъ день и ночь на бастіонѣ. На вопросъ: «Что на четвертомъ бастіонѣ?» они отвѣчали: грязно или сухо тамъ, тепло или холодно въ ихъ незатѣйливыхъ землянкахъ.

На бастіонахъ, несмотря на близость непріятеля, все казалось спокойно, точно какъ въ мирномъ городѣ. Люди не бѣгали, не суетились; каждый занятъ былъ своимъ дѣломъ. Полетъ снаряда не производилъ въ нихъ замѣшательства. Проводя день и ночь подъ открытымъ небомъ, защитники не знали безопаснаго мѣста, гдѣ бы можно было скрыться. Для нихъ единственною защитою отъ непріятельскихъ снарядовъ былъ сигнальщикъ.

Живши долго на батареяхъ и прислушавшись къ выстрѣламъ, солдаты дотого понаторѣли въ звукахъ, что, сидя въ закрытомъ мѣстѣ или зажмуривши глаза, могли вѣрно опредѣлить, съ какихъ батарей стрѣляютъ, какіе летятъ снаряды и гдѣ они лягутъ.

— Вотъ пролетѣла молоденькая *), а вотъ и лебедушка **) къ намъ жалуетъ! — говорили солдаты, отличая различныя пули по звуку, который онѣ издаютъ при полетѣ. Болѣе храбрый и опытный въ умѣньи распознавать сняряды исполнялъ должность *сигнальщика*. Сигнальщикъ зорко слѣдитъ за непріятельскими орудіями, и преимущественно за тѣми, которыя дѣйствуютъ по его батареѣ.

— Пушка!—кричитъ онъ, и вслѣдъ затѣмъ слышенъ

*) Молоденькими назывались англійскія пули съ чашечками.
**) Лебедушка—пуля глухая, безъ чашечки.

свистъ ядра и видны брызги, обозначающія мѣсто его паденія.

— Мортира!—провозглашаетъ онъ снова, и присутствующіе на бастіонѣ слышатъ равномѣрное посвистываніе бомбы, вертящейся въ воздухѣ. Сигнальщикъ еще разъ успѣетъ оповѣстить о ней; люди это знаютъ и продолжаютъ работу.

Днемъ по звуку, ночью по полету и огоньку дымящейся трубки, сигнальщикъ опредѣляетъ направленіе снаряда, и если, по его разсчету, онъ упадаетъ на батарею, онъ кричитъ: «*Бомба!*»—и тогда люди ложатся на землю, спасаясь отъ осколковъ.

Бомба упала на батареѣ; она вертится, шипитъ и дымится; приникнувъ къ землѣ, лежатъ солдаты, ожидая разрыва. Быстрая вспышка огня, небольшой клубъ дыма, выстрѣлъ и звонъ осколковъ подымаютъ тѣхъ, кто остался цѣлъ, и вызываютъ стоны раненыхъ.

— Носилки! — крикнетъ нѣсколько голосовъ быстро, но безъ замѣшательства, кидаясь къ упавшему товарищу.

— Простите, братцы! умираю! — говоритъ слабымъ голосомъ раненый.

Его бережно кладутъ на носилки; онъ хочетъ сказать еще что-то, и видно, что хочетъ сказать что-то трогательное, но повторяетъ только еще разъ «Простите, братцы!» Товарищъ-матросъ надѣваетъ раненому упавшую съ головы фуражку и, не сказавъ ни слова, равнодушно возвращается на свое мѣсто.

— Это каждый день этакъ человѣкъ двадцать или тридцать,—скажетъ вамъ поселившійся на бастіонѣ со дня осады морской офицеръ, хладнокровно свертывая папиросу изъ желтой бумаги.

Смеркается. Полный мѣсяцъ давно плаваетъ дозоромъ по небу, освѣщая враждебно размежеванное пространство окрестно-

стей Севастополя. Море, окутанное мракомъ ночи, плещется о скалистый берегъ. Далеко на водѣ виднѣется линія огоньковъ на непріятельскомъ флотѣ. Глухо отдаются выстрѣлы во влажномъ и сыромъ воздухѣ. Въ темной вышинѣ, надъ бастіонами, какъ свѣтящіяся во мракѣ звѣзды, пролетаютъ бомбы, то перекрещивая свои полеты, то одна другую нагоняя. Оставляя за собою огненный слѣдъ, онѣ вдругъ вознесутся стрѣлой, потомъ плавно подымутся до крайней высоты своего полета и тамъ будто остановятся на нѣсколько мгновеній, словно выбирая себѣ мѣсто паденія. Вслѣдъ затѣмъ, шатаясь со стороны въ сторону, онѣ опускаются, все быстрѣе и быстрѣе и, наконецъ, стремглавъ, какъ падучая звѣзда, падаютъ, на землю.

— Лохматка (бомба)! — слышится въ темнотѣ голосъ сигнальщика.

Привычные къ такимъ сценамъ, люди бросаются на землю.

— Не наша: — крикнетъ сигнальщикъ, — армейская! и прилегшіе-было къ землѣ матросы приподнимаются, зная, что бомба полетѣла за батарею, въ прикрытіе или въ городъ.

— Э, да непріятели никакъ раскутились, — замѣтитъ командиръ батареи или бастіона и, выйдя изъ блиндажа, прикажетъ послать прислугу къ бомбической пушкѣ.

— Есть! — по морской привычкѣ отзовется комендоръ, и нѣсколько человѣкъ матросовъ мигомъ подбѣгутъ къ орудію.

— Чѣмъ заряжено: бомбой или картечью?

— Бомбой на сторикѣ, (т. е. съ веревочной, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было вытащить бомбу изъ канала орудія)!

— Ну, валяй!

Чугунная махина, слишкомъ въ 300 пудовъ, разомъ отпрыгнетъ назадъ; клубы горячаго пороховаго дыма охватятъ прислугу, грянетъ выстрѣлъ, и тяжелая бомба, шипя и гудя по воздуху, понесется къ непріятелю. Вслѣдъ затѣмъ не одно, а

*

нѣсколько отвѣтныхъ ядеръ пролетятъ надъ головами стоящихъ на бастіонѣ.

Сигнальщикъ то и дѣло кричитъ: «*Бомба, пушка, берегись, граната!*»

— Не части, Михеичъ!—крикнутъ ему товарищи.

— Съ ноги собьешься!—подхватятъ со смѣхомъ другіе.

На звуки выстрѣловъ своихъ и непріятельскихъ, отзовутся сосѣдніе бастіоны,—и пошла потѣха! Третій бастіонъ угоститъ непріятельскія траншеи *темной*, т. е. картечью, а четвертый пошлетъ—*капральство*, или штукъ 30 гранатъ, вложенныхъ заразъ въ мортиру. Букетомъ свѣтлыхъ звѣздъ разсыпятся гранаты надъ непріятельскою траншеею, и съ перекатнымъ трескомъ онѣ разорвутся у него въ гостяхъ.

— Пали черезъ каждыя четверть часа, пока я не прикажу перестать!—скажетъ командиръ батареи или бастіона, уходя въ свою землянку.

Съ наступленіемъ темноты, на бастіоны вводятъ прикрытіе и рабочихъ. Пѣхотныя роты размѣщаются у насыпи, кто гдѣ найдетъ себѣ мѣсто; матросы сидятъ у своихъ орудій. Никто почти не спитъ; люди курятъ и разговариваютъ вполголоса. Пѣхотные офицеры обходятъ, отъ времени до времени, свои ряды.

— Смѣна! пошелъ на саперныя работы! — слышится голосъ въ темнотѣ.

Очередные люди собираются въ сторонѣ. Является саперный офицеръ и, собравъ нѣсколько десятковъ, отправляетъ на работу при своемъ унтеръ-офицерѣ. На бастіонѣ, во рву и въ амбразурахъ, слышны работающіе. Непріятель открываетъ учащенную стрѣльбу. Слышны требованія носилокъ; но работающіе такъ привыкли къ этому крику, что не обращаютъ на него вниманія, какъ будто дѣло это до нихъ не касается.

Возлѣ рабочихъ, попрежнему, сидитъ сигнальщикъ и слѣдитъ за непріятельскими выстрѣлами.

— Бережись (сопитъ)!—кричитъ онъ,—и бомба упала возлѣ самаго сигнальщика и посреди работающихъ.

Всѣ бросаются въ разныя стороны, но сигнальщикъ не трогается съ мѣста. По счастью, трубка погасла, и бомбу не разорвало.

— Не ховайсь! (не прячься)—померла,—протянетъ онъ—и работа закипитъ съ новою силою.

Изо-дня въ день тянулась такая однообразная жизнь на севастопольскихъ батареяхъ. Она разнообразилась только изрѣдка фальшивыми тревогами да почти ежедневными новыми вылазками.

Осеннее время и ненастье были чрезвычайно губительны для непріятельскихъ войскъ. Трудно переносили они жизнь въ траншеяхъ, залитыхъ водой и переполненныхъ грязью. Въ такіе дни союзники держали въ своихъ подступахъ войска менѣе обыкновеннаго, и, чтобы показать намъ, что всегда готовы къ бою, и что нечаянное нападеніе на нихъ невозможно, они нерѣдко прибѣгали къ различнаго рода хитростямъ. Вдругъ, среди всеобщей тишины, французы или англичане откроютъ самый сильный огонь изъ своихъ траншей, и въ темнотѣ ночи, не вылѣзая изъ своихъ норъ, забьютъ наступленіе, кричатъ «ура» съ такимъ одушевленіемъ, что такъ и кажется, что вотъ цѣлыя тучи ихъ бросаются на штурмъ какого-либо пункта нашей оборонительной линіи. Батальный огонь изъ траншей заставитъ отступить наши секреты. Расположенная за секретами, стрѣлковая цѣпь, за темнотою, не видя ничего, кромѣ выстрѣловъ, и слыша наступленіе, начнетъ стрѣльбу по воображаемому противнику; ближайшія батареи, для поддержки цѣпи, также откроютъ огонь, ихъ примѣру послѣдуютъ сосѣднія—и загорится

пальба по всей оборонительной линіи, пока успѣютъ освѣтить мѣстность свѣтящими ядрами и не узнаютъ, что это только фальшивая тревога.

Такія тревоги повторялись весьма часто, и хотя онѣ изнуряли гарнизонъ, но къ нимъ были всегда внимательны и относились весьма серьезно, зная, что во время военныхъ дѣйствій весьма часто случается, что ложная тревога обращается въ дѣйствительную, а фальшивая атака или штурмъ, безъ достаточной осторожности обороняющагося, можетъ кончиться паденіемъ укрѣпленія.

Чтобы отучить непріятеля отъ подобныхъ выходокъ, защитники предпринимали почти ежедневно ночныя вылазки, въ которыхъ проявлялась русская удаль и молодечество.

Вылазки—превосходное средство къ утомленію противника и къ задержанію его движенія впередъ. Заставляя непріятеля въ теченіе цѣлой почти ночи быть готовымъ къ отраженію атаки по всей линіи, защитники вынуждены его содержать въ траншеяхъ большое число войскъ, которыя, находясь подъ выстрѣлами нашихъ батарей, несли значительную потерю. Независимо отъ этого, кучки храбрыхъ, врываясь въ непріятельскіе подступы, производили въ нихъ возможную порчу: срывали насыпи, разбрасывали туры, фашины, мѣшки и проч.

Частыя вылазки составляли особенность защиты Севастополя. Въ рукахъ славнаго гарнизона это было могущественное средство наносить вредъ непріятелю и даже на время останавливать его работы.

Бывало, въ темную ночь собиралось нѣсколько десятковъ охотниковъ изъ различныхъ пѣхотныхъ полковъ, отправлявшихся на стыкъ непріятельскихъ кирокъ и лопатъ. Мѣстность хорошо извѣстна морякамъ: непріятельскія батареи построены на землѣ и изъ земли, имъ принадлежащей. Имѣя при себѣ

проводникомъ одного изъ матросовъ, смѣльчаки тихо подползаютъ къ траншеямъ... Вдругъ вдали раздается громкое протяжное «ура!» Французы бросаютъ кирки и лопаты, хватаются за оружіе, а мы уже въ траншеѣ. Что происходитъ тамъ, описать трудно: тамъ душно и тѣсно, тамъ звукъ оружія и скрещиваніе штыковъ, тамъ русское «ура», тамъ стоны и проклятія, съ которыми часто сливается молитва умирающаго...

Натѣшившись вдоволь, наши молодцы возвращаются на батарею. Французы густой цѣпью двигаются ихъ преслѣдовать... Секреты даютъ знать, что идетъ непріятель; на бастіонѣ раздался крикъ «Къ орудіямъ»! — и тучи картечи запрыгаютъ по темному полю. Съ первыми выстрѣлами орудій, въ прикрытіи батарей и бастіоновъ раздается громъ барабановъ — и закипитъ дѣятельность оборонительной линіи. Все небо избороздено огненными слѣдами отъ бомбъ и гранатъ; глухой гулъ отъ бѣгающихъ, топотъ лошади промчавшагося ординарца, трескъ лопающихся снарядовъ—все это сливается въ одинъ общій и продолжительный стонъ, висящій надъ Севастополемъ. Въ особенности отличался смѣлостью вылазокъ лейтенантъ Бюрюлевъ.

Чудно-величественную картину представляютъ въ эти минуты бастіоны севастопольскіе, съ ихъ гарнизономъ, по временамъ освѣщаемымъ пламенемъ выстрѣла. Вездѣ видны толпы солдатъ, то стоящихъ, опершись на ружья, то, лежа съ шанцевымъ инструментомъ, ожидающихъ, что дѣлать. Тамъ, у брустверa, прислуга хлопочетъ у своихъ орудій и посылаетъ выстрѣлъ за выстрѣломъ; здѣсь видна уходящая въ ворота команда, идущая на подкрѣпленіе карауламъ, охраняющимъ передовые ложементы...

Наступила глубокая осень. Сильные вѣтры давно уже чередовались съ холодными проливными дождями, и наконецъ, съ

разсвѣтомъ 2-го ноября, поднялась сильная буря, нанесшая большой ущербъ намъ и непріятелю. Наканунѣ 1-го ноября, пошелъ проливной дождь съ порывистымъ вѣтромъ, дотого сильнымъ, что люди съ трудомъ могли противъ него держаться. Въ англійскомъ лагерѣ сорвало нѣсколько палатокъ, причинившихъ своимъ паденіемъ всеобщую тревогу. Смѣшанные крики людей, хлопанье парусины, скрипъ петлей и носящіеся въ воздухѣ сучья, собранные солдатами, чтобъ развести огонь,—все это, посреди ночной темноты и завыванія вѣтра, представляло печальную картину. При самомъ началѣ вѣтра, англичане тотчасъ же принялись тушить огни, изъ боязни, чтобы пылающіе сучья и щепки не подожгли палатки.

Къ вечеру погода сдѣлалась еще хуже: дождь не прекращался, вѣтеръ свѣжѣлъ, и защитники, опасаясь, чтобы непріятель не воспользовался такою бурею и не предпринялъ штурма, выслали съ четвертаго бастіона секреты, и въ теченіе всей ночи поддерживали сильный огонь съ батарей.

Между тѣмъ постепенно усиливавшійся вѣтеръ, къ утру 2-го ноября, перешелъ въ такой ураганъ, какого не запомнятъ старожилы Севастополя и опытные моряки Черноморскаго флота. Тучи находили быстро, засверкала ослѣпительная молнія, раздались удары грома и, вслѣдъ за ужаснѣйшимъ вѣтромъ, полился такой ливень, что на ровной степи въ нѣсколько минутъ образовались рѣки. Море волновалось и пѣнилось, какъ кипящій котелъ,—въ этотъ день оно было дѣйствительно черным. Темныя тучи, пробѣгая надъ поверхностью мрачныхъ волнъ, изливали потоки дождя, смѣшаннаго съ мелкими хлопьями снѣга и града. Вѣтеръ срывалъ верхушки волнъ и разбрасывалъ ихъ на берегъ такою мелкою и густою пылью, что карабли, стоявшіе въ глубинѣ бухты, исчезали въ этой морской пѣнѣ. Сквозь стѣну водяной пыли и брызгъ виденъ былъ

только лѣсъ мачтъ, наклонявшихся отъ качки въ разныя стороны, видны были разорванныя снасти и болтающіеся въ воздухѣ лоскутья парусовъ. Дневной свѣтъ затемнялся то крупнымъ градомъ, то мелкою крупою, то снѣгомъ. Вѣтеръ разрушалъ дома *), ломалъ деревья, срывалъ черепицу и желѣзные листы съ крышъ, унося ихъ какъ листъ писчей бумаги. Въ Симферополѣ домъ губернатора, дворянское собраніе и центральный хлѣбный магазинъ остались безъ крышъ. На южномъ берегу Крыма была сорвана половина крыши Оріандскаго дворца, принадлежавшаго императрицѣ. Въ Бердянскѣ выброшено на берегъ и разбито до 46-ти разной величины судовъ, въ томъ числѣ большихъ; самая пристань была разрушена, и морскія волны отъ сильнаго напора вѣтра залили улицы и площадь такъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высота воды достигала до 3 футовъ.

Волненіе въ морѣ достигло необыкновенныхъ размѣровъ. Среди непріятельскаго флота появилось всеобщее смятеніе. Корабли и прочія суда, до сихъ поръ стоявшіе неподвижно, утратили свое спокойное, величавое положеніе и, бросаясь изъ стороны въ сторону, сталкивались между собою, цѣплялись своими снастями и наносили другъ другу важныя поврежденія. Нѣкоторые изъ нихъ затонули, другіе сѣли на мель. Повсюду слышались сигнальные выстрѣлы, свидѣтельствовавшіе о гибели непріятельскихъ судовъ.

При началѣ бури французскія и англійскія суда бросили всѣ свои якоря: они готовились къ борьбѣ со стихіею на жизнь и смерть. Вскорѣ якорныя цѣпи оказались не въ силахъ противиться напору вѣтра: ихъ разрывало на части и

*) Старый сарай инженернаго вѣдомства былъ разрушенъ до основанія. Пароходъ „Громоносецъ“, стоявшій на якоряхъ въ бухтѣ, выброшенъ на берегъ.

суда начало выбрасывать на берегъ. Качка была такъ ужасна, что никто не въ состояніи былъ держаться на палубѣ, не прицѣпившись къ мачтѣ. Снѣгъ и градъ рѣзали лицо, а холодный вѣтеръ сковывалъ всѣ члены.

Сквозь сѣроватый туманъ видны были исполинскія волны, покрытыя обломками кораблей, которые съ ужаснымъ трескомъ разбивались о прибрежные скалы и камни. При каждомъ отливѣ волны, слѣдующая загибалась огромнымъ пѣнистымъ свиткомъ и, какъ водопадъ, скрывалась въ глубинѣ безпредѣльнаго моря, унося съ собою все встрѣчающееся на пути. Посреди всеобщаго хаоса видны были носящіеся въ безпорядкѣ части и остовы кораблей, пробитыя бочки и раздробленныя мачты. Союзники потеряли въ этотъ день болѣе 30-ти купеческихъ кораблей и транспортовъ, частію разбитыми, частію сѣвшими на мель. Изъ военныхъ судовъ пострадали преимущественно французскія.

Въ день бури въ непріятельскихъ лагеряхъ было замѣтно большое смятеніе. Палатки и бараки, унесенные однимъ порывомъ вѣтра, перепутались съ бочками фуража и различными тюками. Все это катилось по скатамъ холмовъ и перемѣшивалось съ одѣялами, фуражками, шинелями и съ летающими въ воздухѣ сѣномъ и сухими листьями. Удивленные столь неожиданнымъ явленіемъ, англичане и французы бѣгали по всѣмъ направленіямъ: кто искалъ разнесенные вѣтромъ пожитки, кто собиралъ разорванныя части полотна, кто мастерилъ себѣ новое жилище изъ уцѣлѣвшихъ кусковъ, или искалъ досокъ и камней, чтобы, при помощи ихъ, устроить себѣ кое-какое закрытіе отъ дождя и холоднаго вѣтра. Буря была такъ сильна, что до 30-ти англійскихъ палатокъ было принесено къ Чоргунскому отряду. Многія изъ нихъ достались на долю нашихъ гусаръ, до сихъ поръ жившихъ въ небольшихъ ямахъ, прикрытыхъ хворостомъ.

По всей линіи севастопольскихъ укрѣпленій рвы и канавы были наполнены водою; грязь и вода покрывали все пространство земли, охватываемое глазомъ.

Около полудня, вѣтеръ перемѣнилъ направленіе, но пошелъ снѣгъ, и сдѣлалось еще холоднѣе. Къ вечеру вѣтеръ сталъ слабѣть, но буря прекратилась только утромъ слѣдующаго дня.

Буря поколебала основаніе дѣйствій союзниковъ—флотъ и настолько разстроила англо-французовъ, что они на нѣсколько дней пріостановили осадныя работы и прекратили канонаду даже и противъ четвертаго бастіона.

Положеніе нашихъ солдатъ послѣ бури было также далеко незавидное и, можно сказать, тягостное. Съ прекращеніемъ бури наступили холода. Погода съ этихъ поръ сдѣлалась суровою и ненастною; дожди шли попеременно съ снѣгомъ. Защитники Севастополя, офицеры и солдаты, положительно валялись въ грязи, на открытомъ воздухѣ, въ дождь и бурю, въ морозъ и мятель. Единственною защитою ихъ отъ холодныхъ вѣтровъ были сложенныя на-сухо изъ камней стѣнки, ямы, или рвы, кое-какъ прикрытые сверху. Командиры бастіоновъ помѣщались въ землянкахъ столь малыхъ, что едва можно было вытянуться въ ростъ человѣка. Если на батареѣ бывала еще одна такая землянка для нѣсколькихъ офицеровъ, то такая батарея считалась съ роскошнымъ помѣщеніемъ. Ни офицеры, ни солдаты не могли раздѣться; ноги прѣли, потому что по мѣсяцу и болѣе никто не снималъ сапоговъ. Иной пробовалъ прилечь на голой землѣ, но холодъ и сырость гнали его прочь. Хорошо, кому удавалось пристроиться подъ навѣсомъ насыпи, или прислониться къ станку, на которомъ лежало орудіе:—положенію такого счастливца всѣ завидовали.

Жизнь, которую не выноситъ ни одинъ каторжникъ, была обыкновенною жизнью каждаго изъ защитниковъ родной земли

и Отечества. Эта обстановка не крушитъ русскаго солдата, когда совѣсть его чиста, да увѣренъ онъ, что дѣлаетъ святое дѣло. Находясь безсмѣнно днемъ и ночью подъ открытымъ небомъ, солдаты наши, сверхъ того, исполняли усиленныя и тяжелыя работы; только смерть и раны полагали конецъ ихъ тяжкимъ трудамъ и лишеніямъ. Несмотря на все это, ропота не только не было слышно, но, напротивъ того, всѣ какъ бы желали продолженія ненастной и холодной погоды. Часто видя, какъ непріятельскіе часовые бѣгали вдоль своего поста, чтобы согрѣться, наши солдаты, глядя на нихъ, посмѣивались.

Къ великой досадѣ французскаго императора, разгромить Севастополь однимъ ударомъ оказалось невозможнымъ; изъ Крыма приходили въ Парижъ все болѣе и болѣе тревожныя свѣдѣнія, и Наполеонъ принужденъ былъ обратиться къ войскамъ съ словами утѣшенія.

Буря 2-го ноября была преддверіемъ наступавшей холодной осени. Ненастье и суровые вѣтры заставили противниковъ пріостановить свои дѣйствія и подождать удобнаго времени для болѣе усиленной дѣятельности. Обѣ стороны, не предпринимая ничего новаго, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль трудились надъ окончаніемъ того, что было уже начато. Подходныхъ работъ непріятель не производилъ вовсе, и огонь осаждающаго не только ослабѣлъ, но почти вовсе прекратился; амбразуры многихъ французскихъ батарей оставались постоянно закрытыми и въ теченіе дня только изрѣдка раздавались пушечные выстрѣлы.

Отложивши до времени штурмъ и наступательныя осадныя работы, союзники приняли энергическія мѣры къ увеличенію боевыхъ и матеріальныхъ средствъ осады.

Чтобы имѣть возможность слѣдить за непріятельскими работами съ близкаго разстоянія, обыкновенно, высылалась на

ночь цѣпь охотниковъ, которымъ приказано было, для предохраненія себя отъ выстрѣловъ, устраивать закрытіи, или *завалы*. Эти закрытія не имѣли никакого правильнаго расположенія; они устраивались тамъ, гдѣ лежали ночью охотники, и изъ матеріяловъ, которые они находили возлѣ себя. Отъ этого въ одномъ мѣстѣ завалъ состоялъ изъ простой и даже неглубокой ямы, а въ другомъ—изъ груды наскоро собранныхъ камней, представлявшихъ небольшое сопротивленіе непріятельскимъ выстрѣламъ.

Завалы и ямки были въ большомъ употребленіи во все время защиты Севастополя. Подъ конецъ они располагались въ 5-ти или 7-ми саженяхъ отъ непріятельскихъ траншей, и случалось нерѣдко, что наши солдаты, бросаясь занимать ихъ, встрѣчали тамъ непріятельскихъ стрѣлковъ, которыхъ приходилось выбивать штыками.

Ямки занимались днемъ стрѣлками по наряду, а на ночь охотниками отъ разныхъ полковъ. Быть охотникомъ было дѣло не легкое. Охотничья служба происходила ночью: ихъ дѣло было съ заката до восхода солнца залегать въ ямкахъ и ложбинахъ, впереди батарей и укрѣпленій Севастополя.

Охотники помѣщались въ особыхъ зданіяхъ, отдѣльно отъ прочихъ солдатъ, и обыкновенно днемъ отдыхали,—ихъ не требовали ни на какую работу,—а съ наступленіемъ сумерекъ шли на службу. Рядовые ходили каждую ночь, а унтеръ-офицеры черезъ сутки. Съ закатомъ солнца вся команда охотниковъ раздѣлялась на части по два, по три и четыре человѣка. Въ общемъ сараѣ, гдѣ жили охотники, было очень много образовъ. Каждый, отправляясь на службу, ставилъ копѣечную свѣчку передъ иконами Спасителя, Богоматери и, преимущественно, передъ образомъ Николая Чудотворца. Въ шесть часовъ вечера команда ужинала. Послѣ ужина немного времени на-

значалось на молитву. Помолившись Богу, многіе изъ охотниковъ надѣвали чистую рубашку, вымытую въ теченіе дня, такъ какъ каждый изъ нихъ, не будучи увѣренъ, что вернется живымъ, приготовлялся къ смерти. Передъ отправленіемъ никто не рѣшался выпить чарку водки, потому что «плохой тотъ храбрецъ,—говорили они,—который думаетъ набраться бодрости изъ стакана, а опять же и не такая минута». Перекрестясь и съ непокрытою головою, выходили солдаты изъ сарая на дворъ и тамъ уже надѣвали фуражки. За воротами на улицѣ выстраивались и ожидали очереднаго унтеръ-офицера.

Съ наступленіемъ сумерекъ, пока еще не совсѣмъ стемнѣло, охотники собирались на той батареѣ, впереди которой приходилось имъ лежать, и затѣмъ, подъ градомъ пуль, бросались бѣгомъ въ назначенныя имъ ямки. Бывало, лишь только солдатикъ бросится впередъ, какъ въ ту же минуту раздастся ружейный трескъ съ непріятельской стороны, и пули какъ горохъ посыпятся на смѣльчака. Кто успѣвалъ вскочить въ яму, тотъ счастливъ, а кого встрѣчала непріятельская пуля, о томъ молились оставшіеся на батареѣ и относили на Сѣверную, на общее кладбище защитниковъ, получившее впослѣдствіи названіе *братскихъ могилъ*.

Залегши въ ямкахъ, охотники бодрствовали всю ночь и зорко слѣдили за непріятелемъ.

Ямка, какъ мы сказали, была небольшое углубленіе, едва-закрытое со стороны непріятеля нѣсколькими лопатами земли, или камней, набросанныхъ какъ попало. Ямка, защищенная камнями, считалась безопаснѣе, хотя и черезъ нее пули проходили весьма удобно. Ямки эти не имѣли ни опредѣленнаго вида, ни величины: какую успѣли выкопать,—такая и осталась. Въ одной съ трудомъ могъ помѣститься только одинъ человѣкъ, а въ иной помѣщались два и даже три человѣка.

По-двое залегать было легче, чѣмъ по-одиночкѣ: вдвоемъ, въ сосѣдствѣ опытнаго товарища, было не такъ томно, по пословицѣ: «на людяхъ и смерть красна», но сидѣть въ-одиночку куда какъ жутко!

Вскочитъ стрѣлокъ или охотникъ въ ямку и сидитъ тамъ, не смѣя пошевельнуться; онъ знаетъ, что въ 20-ти, много въ 30-ти шагахъ, лежитъ передъ нимъ, или съ-боку, такой же непріятельскій сторожъ, который слѣдитъ за всѣмъ и, при первомъ шорохѣ или звукѣ оружія, посылаетъ пулю.

Надъ головою засѣвшихъ, днемъ и ночью, летаютъ свои и непріятельскія пули, слышенъ гулъ выстрѣловъ, паденіе снарядовъ, обсыпающихъ землею, пескомъ и осколками камней. Не успѣешь прочистить глазъ, засыпанныхъ землею, какъ слышно, гудитъ, гдѣ-то далеко, осколокъ лопнувшей бомбы и шлепнется вдругъ подлѣ ямки съ такою силою, что даже земля дрогнетъ! Это самое вздрагиваніе передается и сидящему въ ямкѣ, и не «знаетъ онъ самъ, какъ задрожатъ челюсти, какъ застучатъ его зубы, и холодный потъ какъ стрѣла промчится отъ головы до пятъ.....

О пуляхъ никто не думаетъ: къ нимъ привыкли въ Севастополѣ не только охотники и всѣ солдаты, но женщины и дѣти. Повсюду ихъ летитъ такъ много, что онѣ уже не пугаютъ, но своимъ свистомъ жестоко надоѣдаютъ. Гдѣ-нибудь невдалекѣ, ударившись о камень и сплюснувшись, она летитъ далѣе и «зальется такимъ голосомъ, что не знаешь, кошка ли мяучитъ, ребенокъ ли плачетъ, или она, непрошенная, жалуетъ въ гости».

Просидитъ охотникъ въ ямкѣ часъ, а кажется онъ ему за мѣсяцъ, и ждетъ онъ не дождется, когда наступитъ время смѣны и, вмѣстѣ съ нею, кончится его лихорадочное состояніе.

Съ наступленіемъ утра, охотники оставляли ямки, точно

такъ-же, какъ занимали ихъ — подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ непріятеля. Мѣста ихъ замѣщали штуцерные, сидѣвшіе тамъ въ теченіе цѣлаго дня. Собравшись на батареѣ, охотники отправлялись въ свой сарай, забирая съ собою и убитыхъ въ ночь товарищей. Солдаты всегда съ особымъ уваженіемъ отдавали послѣдній долгъ павшимъ героямъ. Сложивъ тѣла на дворѣ сарая, они заботились о доскахъ, непремѣнно сколачивали гробъ, обмывали покойниковъ и, надѣвъ на нихъ чистое бѣлье, относили въ часовню. За обѣдомъ, бывавшимъ въ 10 или 11 часовъ, поминали павшихъ,—и тѣмъ дѣло кончалось. Послѣ обѣда охотники ложились спать, а вечеромъ снова отправлялись на службу.

Наступившая осень была весьма неблагопріятна для обѣихъ сторонъ.

Если помѣщеніе, одежда и продовольственные запасы нашей арміи были не вполнѣ въ удовлетворительномъ состояніи, то положеніе союзниковъ въ этомъ отношеніи было еще того хуже. Не разсчитывая на продолжительность кампаніи, они не запаслись ничѣмъ, имѣли съ собою лишь однѣ палатки, въ которыхъ и встрѣтили наступившіе холода. Заключенные на тѣсномъ пространствѣ, англо-французы, по недостатку жилыхъ мѣстъ, не могли расположиться по квартирамъ, а по отсутствію лѣса лишены были возможности устроить себѣ бараки мѣстными средствами.

Пребываніе въ палаткахъ на занятыхъ позиціяхъ было причиною многихъ бѣдствій, испытанныхъ союзниками въ теченіе осенняго и зимняго времени. Положеніе ихъ было весьма тяжко.

Снѣгъ для союзниковъ былъ настоящимъ бѣдствіемъ: онъ пробивался въ малѣйшія щели палатокъ и покрывалъ бѣдныхъ солдатъ, искавшихъ покоя ночью послѣ тяжкаго и усиленнаго

дневнаго труда. Весьма часто слѣдующее утро заставало ихъ замерзшими, въ застывшемъ платьѣ, служившемъ имъ саваномъ.

Съ наступленіемъ морозовъ положеніе союзниковъ оказалось еще болѣе бѣдственнымъ. Служба въ траншеяхъ и работа въ морозныя ночи были невыносимы для англичанъ, и въ ночь на 24-е декабря было приведено изъ траншей 150 человѣкъ полузамерзшихъ солдатъ, и пало болѣе 60-ти лошадей.

Недостатокъ теплой одежды въ нашей арміи конечно былъ одною изъ причинъ, увеличивавшихъ число заболѣвающихъ, и хотя, для сбереженія здоровья нижнихъ чиновъ, принимались всѣ возможныя мѣры, но дурная погода оказывала свое вліяніе. Въ войскахъ появились холера, изнурительныя лихорадки и кровавые поносы; число больныхъ съ каждымъ днемъ быстро возрастало, и къ 23-му ноября въ госпиталяхъ и лазаретахъ находилось 663 офицера и 27.911 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Разсказы и извѣстія о крайнемъ и несчастномъ положеніи многочисленныхъ нашихъ раненыхъ и больныхъ сильно и глубоко поразили сердца всѣхъ русскихъ. Горестные слухи эти еще съ большею силою распространились въ ноябрѣ мѣсяцѣ, послѣ кровопролитнаго Инкерманскаго сраженія. Положеніе раненыхъ поглотило все вниманіе общества обѣихъ столицъ. Со всѣхъ сторонъ начали стекаться пожертвованія въ пользу больныхъ и раненыхъ Крымской арміи; во всѣхъ частныхъ домахъ начали заготовлять въ большомъ количествѣ корпію, бинты, рубашки, простыни и т. п. Каждый несъ посильную лепту, каждый спѣшилъ на помощь страждущему соотечественику: кто личнымъ трудомъ, кто достаткомъ и, къ концу 1854 года, пожертвованія однѣми деньгами достигли до весьма крупной цифры, значительно усилившей средства казны.

Пожертвованія частныхъ лицъ въ пользу раненыхъ стекались со всѣхъ концовъ Россіи, какъ деньгами, такъ и госпитальными вещами. Послѣднихъ собиралось въ Петербургѣ и Москвѣ столько, что каждую недѣлю отправлялся въ Крымъ транспортъ на нѣсколькихъ тройкахъ. Русскіе люди предоставляли въ распоряженіе правительства свои дома для раненыхъ, на все время войны устраивали пріюты для инвалидовъ, жертвовали получаемыя ими на службѣ столовыя деньги, перевозили въ госпитали больныхъ, отказываясь отъ всякой платы, и даже посылали иконы, какъ благословеніе и залогъ нравственнаго соединенія съ славными защитниками. Перечислять имена жертвователей нѣтъ возможности—ихъ такъ много, но слѣдуетъ замѣтить, что въ обширномъ нашемъ отечествѣ не было угла, даже самаго удаленнаго отъ театра дѣйствій, гдѣбы семейства богатыхъ и бѣдныхъ, въ свободное время, не занимались приготовленіемъ корпіи, шитьемъ бинтовъ, рубашекъ и проч. Такое занятіе въ то время казалось необходимымъ и священнымъ. Всеобщее живое участіе къ страданіямъ храбрыхъ нашихъ воиновъ, столь щедро проливавшихъ кровь свою на поляхъ битвъ и столь безропотно и смиренно переносившихъ всякаго рода лишенія, проявилось повсюду.

Великая княгиня Елена Павловна первая возымѣла благую мысль предоставить женщинѣ возможность личнаго ухода за больными. По указанію и на средства ея высочества была образована «Крестовоздвиженская община сестеръ милосердія» изъ лицъ, добровольно и исключительно посвятившихъ себя хожденію за ранеными и больными.

Кромѣ обязанности облегчать страданія больныхъ утѣшеніемъ и молитвою, сестры должны были выслушивать просьбы и послѣднія желанія умирающихъ и дѣлать соотвѣтствующія распоряженія.

Всеобщее сочувствіе сопровождало сестеръ милосердія по всему пути отъ Петербурга до Крыма.

Прибывши въ Симферополь, сестры милосердія стали истинными благодѣтельницами больныхъ. Появленіе женщины въ печальныхъ госпитальныхъ обителяхъ оживило раненыхъ и врачей. У изголовья страдальческаго ложа славныхъ защитниковъ сестры явились представительницами благодарной ихъ родины.

Дѣятельность сестеръ милосердія, съ первыхъ дней появленія въ госпиталяхъ, оказалась столь полезною, что вслѣдъ за сестрами правительство признало полезнымъ послать съ тою же цѣлью въ Крымъ до 60 сердобольныхъ вдовъ.

Въ это-же время князь Меншиковъ получилъ письмо Императора Николая слѣдующаго содержанія: «Съ удовольствіемъ я утвердилъ всѣ твои представленія о наградахъ—писалъ государь,—достойнымъ заслуженное,—и прошу тебя, представляй отличныхъ чаще, ибо когда-же награждать, ежели не въ подобное время, и не повышать молодыхъ, обѣщающихъ офицеровъ, которымъ надо открыть ходъ».

«Считаю справедливымъ»,—писалъ онъ въ другомъ письмѣ князю Меншикову:—«велѣть тебѣ объявить всѣмъ войскамъ, составляющимъ другой мѣсяцъ гарнизонъ Севастополя, какъ сухопутнымъ, такъ и морскимъ, что въ признательность за ихъ безпримѣрное мужество, усердіе и труды въ теченіе сего времени, я велѣлъ имъ зачесть *каждый мѣсяцъ за годъ службы* по всѣмъ правамъ и преимуществамъ. Они этого вполнѣ заслуживаютъ, и объяви это на 6-ое декабря. Ты скупъ представлять о наградахъ; прошу тебя, дай мнѣ радость наградить достойныхъ».

---

*

Отдѣлка укрѣпленій не мѣшала намъ производить вылазки. Нетолько севастопольцамъ, но и англо-французамъ памятна въ это время молодецкая дѣятельность лейтенантовъ: Астапова, Бирюлева, Завалишина и Титова; капитановъ Сыробоярскаго и Ляпунова, маіора Рудановскаго и подполковника Макарова. Съ небольшимъ числомъ охотниковъ, разновременно врывались они въ непріятельскія траншеи и почти всегда уничтожали работы союзниковъ, приводили плѣнныхъ и приносили много шанцеваго инструмента.

19-го января, около четырехъ часовъ по полудни, начальникъ 3-го отдѣленія оборонительной линіи и 3-го бастіона, контръ-адмиралъ Панфиловъ, потребовалъ къ себѣ лейтенанта Бирюлова и предложилъ ему быть руководителемъ вылазки. Назначенный для этого отрядъ въ 250 человѣкъ, изъ полковъ: Охотскаго, Волынскаго и 45-го флотскаго экипажа *), съ 80-ю рабочими безъ ружей, собрался на третьемъ бастіонѣ къ десяти часамъ вечера. Стояли лунныя ночи. Въ этотъ вечеръ, какъ нарочно, было такъ свѣтло, какъ днемъ. Предпринимать вылазку въ такую свѣтлую ночь было безполезно, и потому пришлось отложить ее на нѣсколько часовъ, пока стемнѣетъ. Около трехъ часовъ ночи мѣсяцъ склонился къ горизонту, небо заволокло небольшими тучками и сталъ перепадать снѣжокъ. Медлить было нечего; до восхода солнца оставалось времени немного, а охотникамъ предстояло пройдти взадъ и впередъ около двухъ верстъ и поработать еще около ложементовъ.

Отрядъ былъ собранъ. Солдатамъ объявлено, что они должны

*) Въ составѣ отряда находилось: 75-ть человѣкъ Охотскаго егерскаго полка съ поручикомъ Герсдорфомъ и прапорщикомъ Цуруковымъ; 75 человѣкъ Волынскаго полка съ прапорщикомъ Семенскимъ; 75 челов. резервн. батальона Волынскаго полка съ прапорщикомъ Каниссскимъ и 25 челов. 45-го флотскаго экипажа съ мичманомъ Сахновскимъ.

выгнать непріятеля изъ ложементовъ и дать время рабочимъ перестроить завалы и поворотить ихъ къ непріятелю. По командѣ офицеровъ, всѣ сняли фуражки, набожно перекрестились и, выйдя за линію укрѣпленій, двинулись по Бульварной лощинѣ, во флангъ французамъ.

Не прошли охотники и двадцати шаговъ, какъ въ непріятельскомъ секретѣ раздался выстрѣлъ.

— Завидѣли, проклятые!—говорили солдаты;—снѣжокъ-то выпалъ порядочный, такъ отрядъ нашъ чернѣется на дорогѣ.

Охотники подвигались однако впередъ даже и тогда, когда изъ траншеи взвилась сигнальная ракета, а затѣмъ по всей линіи затрещалъ батальный огонь. Въ это время къ лейтенанту Бирюлеву подбѣжалъ унтеръ-офицеръ, посланный съ бастіона.

— Адмиралъ приказалъ сказать вашему благородію,—насилу проговорилъ запыхавшійся посланный,—ой! молъ, не воротиться ли назадъ.

Наши прошли уже съ полверсты; возвращаться назадъ было жаль, тѣмъ болѣе что усилившійся снѣгъ сталъ скрывать насъ отъ непріятеля, и во всемъ отрядѣ не было еще ни одного раненаго.

— Скажи его превосходительству,—отвѣчалъ лейтенантъ Бирюлевъ,—что у насъ пока все благополучно, а что молодцы, молъ, впередъ просятся. Такъ ли, братцы?—заключилъ онъ, обращаясь къ солдатамъ.

— Точно такъ!—отвѣчало нѣсколько голосовъ.

Охотники подвигались все ближе и ближе къ ложементамъ. Потерявъ изъ виду за густымъ снѣгомъ нашихъ охотниковъ, непріятель прекратилъ стрѣльбу; вдругъ все замолкло, и водворилась могильная тишина, отъ которой становилось болѣе жутко, чѣмъ отъ ружейной трескотни. Наконецъ, подойдя къ подошвѣ горы, на которой были расположены ложементы, отрядъ

остановился. Снявъ снова фуражки и трижды перекрестившись, солдаты стали взбираться на гору.

— Кто идетъ?—окликнулъ французскій часовой нашихъ охотниковъ, когда они находились шагахъ въ пятидесяти отъ ложементовъ.

Отвѣта не было. Часовой повторилъ вопросъ, но солдаты двигались молча.

— Кто идетъ?—спросилъ часовой въ третій разъ.

— Русскіе!—отвѣтилъ лейтенантъ Бирюлевъ и крикнулъ «ура!»

— Впередъ, ребята, въ штыки,—послышались голоса офицеровъ, бывшихъ съ охотниками, и наши съ розмаху врѣзались въ ложементы. Французы встрѣтили наступавшихъ залпомъ и отступили въ заднюю траншею, оставивъ на мѣстѣ восемнадцать тѣлъ. Наши бросились за ними,—и пошла потѣха. Изъ первой траншеи, по пятамъ французовъ, охотники пробрались во вторую, и только слышно было, какъ скрещивались штыки да ломались приклады...

Лишь только наши бросились въ траншеи, какъ послышались сигналы французскихъ горнистовъ. Рабочіе, присоединившись къ ротамъ траншейнаго караула, спѣшили на выручку товарищей. Инженерный капитанъ Фукардъ выстроилъ своихъ рабочихъ, чтобы лично вести ихъ въ дѣло, но въ эту минуту пуля раздробила ему ногу. Маіоръ Сарла, сколько могъ, собралъ вокругъ себя солдатъ и съ крикомъ: «Да здравствуетъ императоръ»! бросился впередъ, а за нимъ нѣсколько ротъ 1-го батальона 42-го полка. Съ прибытіемъ этихъ подкрѣпленій, французы оправились и перешли въ наступленіе.

Между тѣмъ, пока въ траншеяхъ длился бой, ложементы были приспособлены уже нашими рабочими для дѣйствія противъ непріятеля. Цѣль вылазки достигнута, и потому охотникамъ при-

Лейтенантъ Бирюлевъ.

казано было отступить изъ траншей и занять ложементы. При отступленіи, французы насѣли на охотниковъ и, вмѣстѣ съ ними, ворвались въ ложементы: тогда наши снова рванулись впередъ и прогнали ихъ въ траншеи. Шесть разъ наши охотники бросались въ штыки, и каждый разъ вытѣсняли непріятеля. При одномъ изъ такихъ нападеній, нѣсколько человѣкъ французскихъ стрѣлковъ прицѣлились въ лейтенанта Бирюлева, на самомъ близкомъ растояніи. Замѣтивъ это, матросъ Шевченко, бывшій ординарцемъ у Бирюлева и постоянный спутникъ его на всѣхъ вылазкахъ, перекрестился, кинулся впередъ и заслонилъ начальника своею грудью. Пораженный нѣсколькими пулями, онъ упалъ, не сказавъ ни слова. Лейтенантъ Бирюлевъ бросился къ Шевченку, но онъ былъ уже мертвъ.

— Не время теперь, ваше благородіе, останавливаться,— сказалъ лейтенанту матросъ Болотниковъ;—наши молодцы въ третью траншею прочесались, какъ бы бѣды не вышло.

Бирюлевъ бросился впередъ и приказалъ отступить. Охотники отступали въ порядкѣ; французы преслѣдовали. Охотники стали уже спускаться съ горы, какъ къ Бирюлеву подошелъ одинъ изъ пѣхотныхъ унтеръ-офицеровъ.

— Не ладно, ваше благородіе,—сказалъ онъ, — кажись, кто-то изъ нашихъ остался въ непріятельской траншеѣ, слышно: по-нашему ругается, выручить бы надо.

— Разумѣется, слѣдуетъ, — отвѣчалъ начальникъ вылазки,—и охотники снова бросились въ траншею, выручили товарища и отступили къ 3-му бастіону, захвативъ въ плѣнъ 2 офицеровъ и 7 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Наша потеря состояла въ этотъ день изъ одного убитаго офицера, прапорщика Кондратьева, и нижнихъ чиновъ: 3 убитыхъ и 34 раненыхъ. Въ числѣ убитыхъ стояло и славное имя матроса Шевченка. Разсказъ о его подвигѣ и самоотверженіи

быстро облетѣлъ по Севастопольскому гарнизону, и имя его осталось навсегда памятнымъ русскому народу.

«Товарищи!» — писалъ главнокомандующій, князь Меншиковъ, въ приказѣ по войскамъ. — «Каждый день вы являете себя истинно храбрыми и стойкими русскими воинами; каждый день поступки ваши заслуживаютъ и полнаго уваженія, и удивленія; говорить о каждомъ отдѣльно было бы невозможно, но есть доблести, которыя должны навсегда остаться въ памяти нашей, и съ этой цѣлію я объявляю вамъ:

«30-го флотскаго экипажа, матросъ Игнатій Шевченко, находившійся, во всѣхъ вылазкахъ, около лейтенанта Бирюлева, явилъ особенный примѣръ храбрости и самоотверженія въ вылазкѣ, бывшей на 20-е января. Когда молодцы наши штыками вытѣснили уже непріятеля изъ траншей, пятнадцать человѣкъ французовъ, отступая, прицѣлились въ лейтенанта Бирюлева и его спутниковъ; Шевченко первый замѣтилъ, какой опасности подвергается его начальникъ; перекрестясь, кинулся къ нему, заслонилъ его и молодецкою своею грудью принялъ пулю, которая неминуемо должна была поразить лейтенанта Бирюлева. Шевченко упалъ на мѣстѣ, какъ истинно-храбрый воинъ, какъ праведникъ.

«Сдѣлавъ распоряженіе объ отысканіи его семейства, которое имѣетъ все право воспользоваться щедротами всемилостивѣйшаго Государя нашего, я спѣшу, мои любезные товарищи, сообщить вамъ объ этомъ, поздравить васъ, что вы имѣли въ рядахъ своихъ товарища, которымъ должны вполнѣ гордиться».

Въ январѣ мѣсяцѣ обозначилось, что французы главнымъ пунктомъ атаки избрали Малаховъ курганъ. Для противудѣйствія имъ рѣшено было построить два редута.

Для постройки одного укрѣпленія назначены были три баталіона Селенгинскаго полка, подъ командою командира полка,

полковника Сабашинскаго, а для прикрытія рабочихъ—Волынскій пѣхотный полкъ. Общее начальство надъ отрядомъ было ввѣрено начальнику первой бригады 16-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіору Хрущову, какъ человѣку, извѣстному своею храбростью и хладнокровною распорядительностью.

Селенгинцы, подъ прикрытіемъ волынцевъ, въ ночь съ 9 на 10 февраля принялись за работу, имѣя при себѣ ружья, чтобы, въ случаѣ нападенія непріятеля, быть готовыми къ его отраженію.

Такимъ образомъ началась эта смѣлая работа, въ глазахъ противника и не далѣе какъ въ 400 саженяхъ отъ передовой непріятельской траншеи. Укрѣпленіе строилось на каменистомъ грунтѣ, едва прикрытомъ тонкимъ слоемъ земли.

Утромъ 10-го февраля, французы увидѣли передъ собою, въ 300 саженяхъ отъ своей батареи, едва тронутую землю и по снятому рисунку произведеннымъ работамъ догадались, что то было укрѣпленіе, готовящееся обстрѣливать курганъ впереди Малахова. Пораженные столь неожиданнымъ явленіемъ, французы долгое время оставались въ ружьѣ на своихъ постахъ, но не препятствовали нашимъ работамъ. Потомъ они завязали перестрѣлку съ нашими стрѣлками въ ложементахъ; но перестрѣлка эта была незначительна и производилась весьма вяло.

Вновь построенное укрѣпленіе названо *Селенгинскимъ редутомъ*, по имени полка, трудившагося надъ его сооруженіемъ.

Утромъ, 10-го февраля, Волынскій полкъ отведенъ былъ въ балку и расположенъ шагахъ 400 за редутомъ, а Селенгинцы отправлены въ городъ. На смѣну ихъ пришли три роты четвертаго баталіона того же полка, которыя и продолжали работать въ теченіе цѣлаго дня, подъ прикрытіемъ штуцерныхъ Волынскаго полка, засѣвшихъ во вновь устроенныхъ ложементахъ.

Во все это время французы хотя и поддерживали штуцерной огонь, но стрѣлки ихъ были расположены слишкомъ далеко, чтобы нанести значительный вредъ работавшимъ въ укрѣпленіи. Несмотря на то, по неудобству грунта, брустверъ Селенгинскаго редута возвышался весьма медленно, и къ вечеру 11-го февраля нельзя еще было поставить на немъ орудій.

Только теперь, сознавъ всю важность возводимаго нами укрѣпленія, французы рѣшились во что бы то ни стало овладѣть этою постройкою. Атаку рѣшено было произвести въ ночь съ 11-го на 12-е февраля.

Съ закатомъ солнца, 11-го февраля отрядъ генерала Хрущова пришелъ опять къ редуту, и, подобно предшествовавшимъ ночамъ, Селенгинцы принялись за работу, а Волынцы составили ихъ прикрытіе.

Впереди цѣпи Волынскаго полка залегли 31 человѣкъ пластуновъ Черноморскаго пѣшаго казачьяго баталіона № 8-го, подъ командою есаула Даниленка. Работа началась.

Съ вечера стояла прекрасная лунная ночь, и весело трудились солдаты; офицеры разговаривали, сидя въ кружкахъ и досадуя, что не велѣно разводить огни. Наступилъ второй часъ ночи; мѣсяцъ спрятался, стемнѣло, и работать стало труднѣе. Вскорѣ темнота еще болѣе увеличилась отъ набѣжавшей тучки, совершенно застлавшей горизонтъ. Въ двухъ шагахъ нельзя было различить предметовъ. Селенгинцы работали, не переводя духа, трудились до кроваваго пота, желая къ утру окончить постройку укрѣпленія. Впереди, въ непріятельскихъ траншеяхъ, слышна была усиленная работа, но и та къ полуночи прекратилась.

Между тѣмъ, назначенныя для атаки французскія войска собирались въ своихъ траншеяхъ позади второй параллели.

Въ исходѣ втораго часа, они, выйдя изъ своихъ траншей,

бросились бѣгомъ къ редуту мимо нашихъ секретовъ, которые, по увѣренію бывшихъ въ цѣпи Волынцевъ, прозѣвали-было непріятеля, но одинъ изъ бѣжавшихъ впереди зуавскихъ офицеровъ наткнулся на нашего пластуна, который, не долго думая, схватилъ его за горло и крикнулъ сосѣду: «Бѣги, кажи що врагъ иде».

Пластунъ бросился въ цѣпь.

— Палыть, палыть!—кричалъ онъ,—се чужіе идутъ.

Видя, что пластунъ самъ имѣетъ въ рукахъ ружье и не стрѣляетъ, Волынцы не вѣрили его словамъ; пластунъ подскочилъ къ одному солдату и хватилъ его по шеѣ.

— Палыть кажу!—кричалъ онъ,—се врагъ иде!

Послѣ такого внушенія, солдатъ выпалилъ, и тревога поднялась. Находившіяся въ цѣпи 11-я и 13-я роты Волынскаго полка открыли учащенный огонь по наступавшимъ французамъ. Предводимые генераломъ, они бѣжали цѣлыми толпами, добѣжали до редута, и даже многіе изъ нихъ вскочили въ ровъ, но заплатили жизнію за свою отвагу.

Съ первымъ выстрѣломъ въ цѣпи, генералъ Хрущовъ приказалъ зажечь фальшфейеръ—сигналъ тревоги, по которому предварительно наведенныя орудія Малахова кургана и втораго бастіона открыли огонь по наступавшему непріятелю, а пароходъ «Владиміръ»—по Георгіевской балкѣ. Въ то же самое время инженеръ-штабсъ-капитанъ Тидебель приказалъ работавшимъ въ укрѣпленіи Селенгинцамъ разобрать ружья и стать за валомъ, въ ожиданіи непріятеля.

Убѣдившись, что французы не имѣютъ возможности обойти насъ съ лѣваго фланга, Хрущовъ подалъ сигналъ къ наступленію, и тогда Волынцы, построившись, молча, бросились въ штыки. Въ темнотѣ ночи закипѣлъ ожесточенный бой. Небольшое пространство, на которомъ боролись противники, освѣща-

лось на мгновенье ружейными выстрѣлами, но затѣмъ тотчасъ же погружалось въ еще большій мракъ; только звукъ оружія, крики «ура!» и возгласы непріятеля указывали мѣсто побоища.

Темнота ночи, не дозволявшая и въ десяти шагахъ различать своихъ отъ непріятелей, едва не была причиною смерти начальника отряда. Одинъ изъ зуавскихъ офицеровъ бросился съ обнаженною саблею на генерала Хрущова; но стоявшій возлѣ него рядовой Бѣлоусовъ закололъ зуава, а полковой горнистъ Павловъ въ то же время выхватилъ саблю изъ рукъ убитаго офицера.

Завязалась всеобщая свалка. Волынцы смѣшались съ французами, французы—съ нашими. Тамъ французы звали къ себѣ на помощь; здѣсь громко раздавалось: «Ребята, сюда!» Повсюду происходила самая жестокая схватка: рѣзались, кололись, стрѣляли въ упоръ, съ трудомъ отличая другъ друга.

Вдругъ надъ головами Волынцевъ и Селенгинцевъ пронеслись десятки свѣтящихъ ядеръ съ нашихъ батарей. Упавъ на землю, они освѣтили окрестность, и враги взглянули въ лицо другъ другу. Пользуясь этимъ временнымъ свѣтомъ, наши батареи открыли частый огонь по наступавшему непріятелю. Цѣлый градъ снарядовъ и бомбъ сыпался на французовъ съ Малахова кургана и сосѣднихъ батарей. Пароходы «Владиміръ», «Громоносецъ» и «Херсонесъ» посылали потоки чугуна, опустошавшаго ряды наступающаго непріятеля.

Презирая смерть, французы смѣло шли въ атаку на сверкнувшихся въ колонны неподвижныхъ Волынцевъ. Батальонъ за батальономъ, какъ волна за волной, напирали они на несокрушимую скалу штыковъ храбраго полка, молчаливо отражавшаго всѣ удары. Среди сильнаго огня, порой все озарявшаго, можно было отличить массы сражавшихся. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ видны были двѣ чернѣвшіяся стѣны, напиравшихъ

шія одна на другую, сталкивавшіяся и смѣшавшіяся. Крики каждой толпы, набѣгавшей впередъ, при наступленіи, были полны воодушевленія, но потомъ ослаблялись и покрывались стонами и болѣзненными возгласами раненыхъ...

Синіе мундиры французовъ замѣтно отдѣлялись отъ нашихъ сѣрыхъ шинелей. Видимо рѣдѣли ихъ толпы, колебались, сгущались, бросались впередъ, и, вслѣдъ затѣмъ, громче и сильнѣе раздавалось русское «ура», отъ котораго устоять врагу было невозможно. Около часу длился рукопашный бой, въ которомъ Волынцы отбивались отъ отборныхъ франнузскихъ войскъ и нѣсколько разъ переходили въ наступленіе. Русскій штыкъ одолѣлъ, и непріятель въ безпорядкѣ сталъ отступать къ своимъ траншеямъ.

Одновременно съ этимъ, другая непріятельская колонна, съ охотниками впереди, бросилась на редутъ, казавшійся имъ издали небольшимъ и только-что начатымъ укрѣпленьицемъ. Подойдя къ нему ближе, они увидѣли свою ошибку. Вмѣсто начатаго небольшаго укрѣпленія, они нашли довольно высокую насыпь, изъ за которой посыпались на нихъ цѣлыя тучи пуль Селенгинцевъ, стоявшихъ въ укрѣпленіи. Сгоряча непріятель бросился въ ровъ, и смѣльчаки полѣзли на брустверъ. Одни изъ нихъ, хватаясь за туры, еще не насыпанные землею, скатывались вмѣстѣ съ ними въ ровъ; другіе кое-какъ взбирались на валъ. Первымъ вскочилъ на брустверъ командиръ охотниковъ, но былъ поднятъ на штыки. За нимъ взбирался другой офицеръ. Онъ чувствовалъ, что ему помогаютъ въ этомъ трудномъ дѣлѣ, но вслѣдъ за тѣмъ кто-то схватилъ его за воротъ, вышибъ саблю и потащилъ въ глубь укрѣпленія. За офицеромъ лѣзло много солдатъ, но всѣ они или были были взяты въ плѣнъ, или сброшены штыками въ ровъ, гдѣ нашли себѣ могилу.

Видя разстройство непріятеля, генералъ Хрущовъ приказалъ ударить сборъ—и заколыхалась неподвижная дотолѣ стѣна Волынцевъ. Съ барабаннымъ боемъ кинулись наши батальоны навстрѣчу свѣжимъ силамъ союзниковъ, спѣшившихъ на помощь къ своимъ. Дружный ударъ въ штыки сломилъ непріятеля.

Французы отступали по всей линіи. Пытаясь нѣсколько разъ остановить натискъ Волынцевъ и Селенгинцевъ, но каждый разъ опрокидываемые ими, они скрылись въ своихъ траншеяхъ. Хрущовъ прекратилъ преслѣдованіе, опасаясь самъ попасть подъ огонь нашихъ пароходовъ. Устроивъ батальоны, онъ расположилъ ихъ въ двѣ линіи, чтобы быть совершенно готовымъ встрѣтить непріятеля, если бы онъ вторично атаковалъ нашу позицію. Но французы были такъ разстроены, что не только не возобновили нападенія, но и не сдѣлали ни одного выстрѣла по нашимъ войскамъ.

Пораженіе непріятеля было полное. Успѣхомъ въ этомъ мы обязаны хладнокровной распорядительности генерала Хрущова, храбрости полковника Сабашинскаго и необыкновенной стойкости солдатъ Волынскаго и Селенгинскаго полковъ. Мы потеряли въ этомъ дѣлѣ 67 человѣкъ нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными: 6 офицеровъ и 342-хъ человѣкъ нижнихъ чиновъ, изъ коихъ 104 человѣка остались во фронтѣ. Около ста французскихъ тѣлъ найдено на полѣ сраженія, а о числѣ подобранныхъ французами ихъ раненыхъ—судить трудно, потому что во всѣхъ сраженіяхъ они показываютъ свои потери произвольно и гораздо менѣе дѣйствительной.

Черезъ часъ послѣ перваго выстрѣла, сраженіе было кончено. Волынцы отошли на прежнее мѣсто, Селенгинцы—въ редутъ доканчивать начатую работу. Не тишина, а всеобщій говоръ сопровождали работы. Въ иномъ мѣстѣ работавшіе разсказывали другъ другу случаи изъ недавней встрѣчи съ непріятелемъ;

Князь Михаилъ Димитріевичъ Горчаковъ.

въ другомъ громко смѣялись надъ солдатомъ, нарядившимся во французскую аммуницію; тамъ, по склону насыпи и во рву, убирали тѣла убитыхъ, подбирали раненыхъ, или разсматривали непріятельскій штуцеръ, доставшійся въ добычу побѣдителямъ.

Разсвѣтало. Утренняя заря освѣтила кровавое поле ночнаго побоища, на которомъ лежало болѣе ста непріятельскихъ труповъ и шестьдесятъ семь нашихъ. Всѣ они были собраны и похоронены нами съ подобающею церемоніею. Французовъ хоронили особо отъ нашихъ. Немного ниже редута, рядами сложены были убитые обѣихъ сторонъ. Въ головахъ у нашихъ теплились восковыя свѣчи, приткнутыя къ землѣ. Почетный караулъ, поставленный при тѣлахъ убитыхъ, отдалъ имъ послѣднюю воинскую почесть. Печальный религіозный обрядъ совершился. Сослуживцы со слезами прощались съ товарищами. Залпъ изъ ружей, какъ послѣдній привѣтъ героямъ, смѣшивался съ криками, слышными у подошвы горы недалеко отъ бухты. Тамъ остатки храбраго Волынскаго полка привѣтствовали прибывшихъ къ нимъ, въ сопровожденіи генералъ-адъютанта Философова, двухъ Великихъ Князей—Николая и Михаила Николаевичей.

По всему склону горы въ живописныхъ группахъ отдыхали участники славнаго ночнаго дѣла. Кто чистилъ ружье, кто утолялъ голодъ, кто перевязывалъ рану себѣ или сосѣду, а кто и просто сидѣлъ, да подшучивалъ надъ товарищами. При посѣщеніи дорогихъ гостей все это смѣшалось, все зашевелилось. Великій Князь Николай Николаевичъ, отъ имени Государя Императора, благодарилъ храбрыхъ за совершенный ими подвигъ. Громкое «ура!» было отвѣтомъ на эти слова. Въ это время адъютантъ главнокомандующаго привезъ 25 Георгіевскихъ крестовъ для отличившихся. Самъ князь Меншиковъ, по причинѣ болѣзни, не

*

могъ пріѣхать на позицію и, не зная о присутствіи Великихъ Князей, поручилъ наградить достойныхъ генералу Хрущову. Великій Князь Николай Николаевичъ собственноручно вручилъ кресты нѣкоторымъ изъ нижнихъ чиновъ. Восторгу Волынцевъ не было предѣловъ, громкое «ура!» сопровождало Великихъ Князей до самой шлюпки, въ которую они сѣли, чтобы отправиться въ городъ, на перевязочный пунктъ, а оттуда на Сѣверную сторону.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого дѣла, и именно въ ночь съ 16-го на 17-е февраля, французы были удивлены еще болѣе смѣлою постройкою. Въ ста саженяхъ впереди и лѣвѣе Селенгинскаго редута, только въ 300 саженяхъ отъ непріятельскихъ траншей, былъ заложенъ новый редутъ, названный *Волынскимъ*.

Наученные опытомъ, французы не пытались уже дѣлать на него нападенія, а ограничились только ружейною перестрѣлкою, которую вели съ нашими штуцерными, залегшими въ ложементахъ.

Вслѣдъ затѣмъ князь Меншиковъ былъ уволенъ отъ званія главнокомандующаго, а мѣсто его въ Крыму занялъ князь Горчаковъ. 19 февраля 1855 года скончался и Императоръ Николай.

V.

Смерть Императора Николая и адмирала Истомина.—Вылазка въ ночь на 11 марта.—Второе бомбардированіе.—Отзывъ Государя на донесеніе кн. Горчакова.

Въ февралѣ скончался Императоръ Николай въ Петербургѣ, а въ Севастополѣ, въ мартѣ мѣсяцѣ, былъ убитъ адмиралъ Истоминъ.

Со дня высадки союзниковъ въ Крыму, завѣдуя четвертою оборонительною дистанціею и помѣстившись на Малаховомъ курганѣ, контръ-адмиралъ Истоминъ не зналъ ни отдыха, ни покоя. Онъ съ самаго начала осады и по день смерти, въ теченіе семи мѣсяцевъ, ни разу не раздѣвался, а если и ложился спать на нѣсколько часовъ, то дѣлалъ это только по необходимости, присущей человѣку. Онъ самъ служилъ примѣромъ дѣятельности, заботливости и слѣдилъ безотлучно за работами.

Шесть мѣсяцевъ сряду, по нѣскольку разъ въ день, онъ осматривалъ работы, ходилъ въ цѣпь и въ ложементы. Презрѣніе къ смерти составляло отличительную черту характера Истомина.

— Нашъ адмиралъ будто о семи головахъ, въ самый кипятокъ такъ и лѣзетъ:—говорили малаховцы о своемъ начальникѣ.

Когда Истомину замѣчали объ опасности, которой себя подвергаетъ,—онъ отвѣчалъ: «Я давно уже выписалъ себя въ расходъ, и теперь живу насчетъ англичанъ и французовъ».

Истоминъ погибъ, возвращаясь съ Камчатскаго люнета. Онъ шелъ не по траншеѣ, а по гребню. По одну сторону адмирала былъ комендантъ Камчатки, капитанъ-лейтенантъ Сенявинъ, по другую—строитель этого укрѣпленія, инженеръ штабсъ-капитанъ Сахаровъ.

— Ваше превосходительство,—сказалъ ему Сенявинъ:—сойдите въ траншею, тутъ очень опасно идти.

— Э, батюшка,—отвѣчалъ Истоминъ,—все равно отъ ядра не спрячешься.

Въ это мгновеніе ядро оторвало ему голову, костями которой были контужены оба офицера, его сопровождавшіе; на шеѣ адмирала осталась только ленточка Георгіевскаго креста, разлетѣвшагося вдребезги.

Въ день похоронъ Истомина прибылъ въ Севастополь князь

Горчаковъ. Въ это время на Южной сторонѣ было 961 орудіе и 34.593 штыковъ.

Чтобы удалить противника и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить его работы, было признано необходимымъ, во-первыхъ, въ ночь 10-го на 11-е марта сдѣлать вылазку 9-ю батальонами, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Хрулева.

Правый флангъ атаки порученъ былъ командовавшему Камчатскимъ полкомъ полковнику Голеву, а лѣвый—командовавшему Днѣпровскимъ полкомъ, подполковнику Радомскому.

Въ девять часовъ вечера, войска были на своихъ мѣстахъ и ожидали только приказанія начинать. По данному сигналу, два батальона Камчатскаго и два батальона Днѣпровскаго полковъ двинулись въ атаку. Едва только наши войска тронулись съ своихъ мѣстъ, какъ 3-й батальонъ зуавовъ, замѣтивъ наступленіе, встрѣтилъ нашу колонну ружейнымъ залпомъ, почти въ упоръ.

— Вишь какъ строчатъ!—говорили наши солдаты, подвигаясь впередъ.

Смертоносный огонь непріятеля не смутилъ наступавшихъ: они двигались молча, безъ выстрѣла, смыкали ряды, а затѣмъ бросились въ штыки и выгнали непріятеля изъ всей линіи нашихъ передовыхъ ложементовъ.

Получивши подкрѣпленія, французы снова атаковали наши батальоны, что и заставило полковника Голева ввести въ дѣло 3-й батальонъ Камчатскаго полка. Непріятель былъ отброшенъ далеко назадъ; ложементы заняты нами, и саперы, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Тидебеля, приступили къ ихъ исправленію.

Впереди лѣваго фланга Камчатскаго люнета стоялъ распорядитель дѣла, Хрулевъ, и отдавалъ приказанія. Видя, какъ три батальона Камчатскаго полка, преслѣдуя непріятеля, на его

Контръ-Адмиралъ Истоминъ.

Начальникъ 4-го отдѣленія оборонительной линіи, 1-го и 2-го бастіоновъ и Корниловскаго кургана.
Убитъ 7 марта 1855 года.

плечахъ ворвалась въ лѣвый французской подступъ, Хрулевъ тотчасъ же приказалъ подполковнику Радомскому атаковать средній. Два батальона Днѣпровскаго полка двинулись въ штыки и, несмотря на убійственный штуцерной огонь французовъ, заставили ихъ отступить. Слѣдомъ за камчатцами и днѣпровцами пошли и моряки, которымъ приказано было разрушать непріятельскія работы.

Клонившаяся къ горизонту луна освѣщала мѣсто кроваваго побоища. Стрѣльба изъ орудій и штуцеровъ, крики «ура!» и лязганье оружія—все смѣшивалось въ одинъ протяжный стонъ, покрывавшій всю окрестность.

— Гдѣ наши?—раздался въ это время голосъ сзади одного изъ резервовъ.

Одинъ изъ участниковъ боя обернулся. Передъ нимъ стоялъ іеромонахъ Іоанникій Савиновъ, или, какъ звали его солдаты, Аника 3-й. Луна освѣщала блѣдное лицо его, на которомъ, впрочемъ, не было замѣтно ни страха, ни волненія; огонь душевный отражался въ глазахъ пастыря; на немъ была эпитрахиль, а въ рукахъ держалъ онъ крестъ.

— Гдѣ же наши?—повторилъ онъ почти умоляющимъ голосомъ.

— Кто ваши, батюшка?

— Моряки.

— Они впереди, но тамъ не ваше мѣсто; подите на перевязочный пунктъ.

— Мое мѣсто тамъ,—отвѣчалъ пастырь:—гдѣ утѣшаютъ въ страданіяхъ, гдѣ приготовляютъ къ смерти.

Въ это время раздался второй залпъ, сильнѣе перваго; монахъ кинулся впередъ и исчезъ въ темнотѣ ночи.

Бой былъ въ полномъ разгарѣ. Батальоны Камчатскаго и Днѣпровскаго полковъ были уже въ непріятельскихъ траншеяхъ,

вытѣснили находившіяся тамъ войска и заставили ихъ отступить въ первую параллель. Выходные подступы французовъ остались позади нашихъ войскъ, и четыре роты моряковъ разрушали ихъ подъ убійственнымъ штуцернымъ огнемъ непріятеля. Выстрѣлы почти замолкли; наши били французовъ прикладами, заваливали ихъ въ траншеяхъ камнями и турами. Ужасная рѣзня доходила до крайнаго предѣла ожесточенія сражавшихся.

Видя, что люди исполнили свое дѣло, полковникъ Голевъ сталъ отступать. Тогда во французскихъ траншеяхъ раздались сигналы наступленія. Чтобы не дозволить непріятелю ворваться на нашихъ плечахъ въ ложементы, полковникъ Голевъ сначала остановилъ войска, а потомъ счелъ необходимымъ снова перейти въ наступленіе. Между тѣмъ французы, безпрестанно подкрѣпляемые резервами, сильно напирали. Силы ихъ росли.

Разновременное прибытіе нашихъ подкрѣпленій уравновѣшивало борьбу, хотя и ненадолго. Французы наступали съ новыми силами. Вдругъ, среди страшнаго боя, раздалось звонкое пѣніе тропаря: *„Спаси, Господи, люди Твоя, и благослови достояніе Твое, побѣды благовѣрному Императору Нашему на супротивныя даруя“*...

Іеромонахъ Іоанникій Савиновъ, въ эпитрахили, съ крестомъ въ рукѣ, торжественно воспѣвалъ молитву, не обращая вниманія на носившуюся кругомъ его смерть. Солдаты, вдохновенные словами молитвы, не думали объ отступленіи: они слышали только молитву и, видя передъ собою безстрашнаго монаха съ крестомъ въ рукахъ, восторженно стремились въ кровавую сѣчу. «Одинъ изъ враговъ бросился на безоружнаго монаха и успѣлъ ударомъ штыка разорвать на немъ рукавъ рясы и эпитрахиль, но въ то же мгновеніе былъ убитъ юнкеромъ Негребецкимъ». Французы бѣжали и, очистивъ первую

параллель, отступили въ безпорядкѣ. Іеромонахъ занялся-было ранеными, но пуля, пущенная въ него, оторвала нижнюю часть креста и контузила отважнаго монаха-воина.

Между тѣмъ наши солдаты увлеклись атакою и преслѣдованіемъ. Они разсыпались по первой параллели и пробрались на шести-орудійную англійскую батарею, гдѣ опрокидывали орудія и кололи прислугу.

Въ пылу боя многіе ворвались во вторую линію непріятельскихъ траншей и, не обращая вниманія на многочисленность французовъ,—которыхъ было собрано на этомъ пунктѣ отъ 6 до 8 тысячъ человѣкъ,—готовы были идти и далѣе.

Видя слишкомъ большое увлеченіе солдатъ и опасаясь, чтобы оно не привело къ печальнымъ результатамъ, Хрулевъ приказалъ играть отступленіе; но солдаты, зная, что непріятель, изучившій наши сигналы, часто пользовался этимъ, чтобы остановить натискъ, не слушали сигнала.

— Не таковскій генералъ,—говорили они про Хрулева:—чтобы велѣлъ отступать.

Нѣсколько разъ горнисты трубили отступленіе, но солдаты назадъ не отходили. Ожесточенный рукопашный бой шелъ въ траншеяхъ попрежнему, и остановить нашихъ было некому, потому что большая часть офицеровъ была перебита. Три юнкера, бывшіе на ординарцахъ при Хрулевѣ, отправлены были поочередно, одинъ за другимъ, въ траншеи, чтобы вернуть нашихъ; но все было напрасно.

— Дайте намъ подкрѣпленія, а то могутъ остаться на полѣ раненые:—кричалъ кто-то, въ отдаленіи.

Хрулевъ сталъ прислушиваться къ голосу, и скоро передъ нимъ стоялъ тотъ же самый іеромонахъ Іоанникій Савиновъ.

— Батюшка,—сказалъ Хрулевъ монаху:—подкрѣпленія я вамъ не дамъ, а вы окажете мнѣ важную услугу, если отда-

дите отъ моего имени приказаніе оставшимся въ траншеяхъ отступить немедленно, подбирая раненыхъ.

Монахъ тотчасъ же отправился въ траншеи и передалъ сражавшимся приказаніе начальника.

— Ну,—говорили они,—если батюшка говоритъ, что генералъ приказалъ отступать, такъ должно быть оно такъ и слѣдуетъ.

Солдаты отступали неохотно, такъ-что приходилось ихъ тащить по-одиночкѣ. Многіе не хотѣли отступать, пока не уберутъ всѣхъ своихъ раненыхъ товарищей. Этимъ героямъ-богатырямъ приходилось по нѣскольку разъ отбивать штыками насѣдавшаго на нихъ непріятеля. Въ такихъ случаяхъ они съ жаромъ бросались впередъ.

Сотни бомбъ и гранатъ ежедневно лопались надъ Камчатскомъ люнетомъ; свистъ ядеръ и пуль составлялъ постоянную музыку, слышанную доблестнымъ гарнизономъ.

Много героевъ пало на Камчатскомъ люнетѣ; но одинъ изъ нихъ, рядовой Камчатскаго полка Егоръ Мартышинъ, замѣчателенъ своимъ горячимъ предсмертнымъ словомъ, которое онъ съ полнымъ спокойствіемъ сказалъ товарищамъ.

Ядро размозжило Егору Мартышину лѣвую ногу и оторвало ему кисть руки. Товарищи подняли его и положили на носилки.

— Нѣтъ, братцы, постойте, — говорилъ спокойно раненый,—несите меня только двое. Если съ каждымъ, кого зацѣпитъ чугунка, будутъ уходить четыре человѣка, такъ эдакъ и Камчатку стеречь будетъ некому.

Размозженная нога у самаго паха едва держалась на тоненькихъ жилахъ, но Мартышинъ, преодолѣвая жгучую боль, не хотѣлъ сразу оставить люнета.

— Несите меня, братцы, по траншеѣ,—сказалъ онъ:— дайте проститься съ товарищами!

Въ траншеяхъ онъ сказалъ товарищамъ слово: «Прощайте, братцы, служите нашему Батюшкѣ Царю, какъ слѣдуетъ храбрымъ карабинерамъ! Недавно передъ Крестомъ и Евангеліемъ вы держали присягу на честную и вѣрную службу Царю Александру II-му; служите сыну, какъ служили отцу его, Императору Николаю, и Богъ благословитъ вашу службу!.. Прощайте, братцы-карабинеры, помяните меня, грѣшнаго! умирать за правое дѣло не страшно. Одно, братцы, больно, что не удалось мнѣ охотникомъ во-время въ траншеи сходить»!

Получивши рубль серебромъ отъ ротнаго командира, Мартышинъ отдалъ его товарищу, Захару Васильеву.

— Ты, братъ Захаръ,—сказалъ онъ:—какъ принесешь меня къ перевязкѣ, отыщи священника, попроси, чтобы онъ меня исповѣдалъ и пріобщилъ Св. Тайнъ, а послѣ смерти моей сотворилъ бы панихиду по душѣ. Рубль отдай отъ меня священнику.

Принесенный на перевязочный пунктъ, Егоръ Мартышинъ съ полнымъ спокойствіемъ, исполнивъ долгъ христіанина, умеръ.

Вслѣдъ затѣмъ отъ перебѣжчиковъ получено было свѣдѣніе о предстоящемъ бомбардированіи.

Днемъ бомбардированія избрано 28-е марта (9-е апрѣля), и къ этому времени на французскихъ батареяхъ находилось 367 орудій, а на англійскихъ около 123—всего 490 орудій. На каждое орудіе было заготовлено союзниками отъ 300 до 800 зарядовъ. Здѣсь почти на каждые 20 шаговъ протяженія приходилось по одному орудію, снабженному громаднымъ числомъ зарядовъ.

Наступили дни Страстной недѣли, и многострадальный го-

родъ отбывалъ память страданій и крестной смерти Искупителя. На бастіоны и батареи несли плащаницы, ставили ихъ въ походныхъ церквахъ и въ теченіе всей недѣли совершали службу. Въ этотъ годъ Пасха приходилась въ одно и то же число, какъ у насъ, такъ и у католиковъ.

Во время чтенія двѣнадцати евангелій, противники открыли батальный огонь противъ третьяго бастіона, и скоро заревѣли выстрѣлы по всей линіи. То была новая попытка англичанъ овладѣть нашими ложементами впереди третьяго бастіона; но и на этотъ разъ они были отбиты съ большимъ урономъ.

Наступилъ канунъ праздника. Въ шесть часовъ утра, во всѣхъ походныхъ церквахъ на бастіонахъ и батареяхъ, несмотря на сильную канонаду, совершалось по православному обряду погребеніе плащаницы. На Малаховомъ курганѣ служба происходила въ блиндажахъ. Почти ползкомъ нужно было войти въ длинный и темный корридоръ, съ колоннадой дубовыхъ столбовъ по обѣимъ его сторонамъ. Возлѣ долевой стѣны стояло нѣсколько образовъ, а по срединѣ плащаница, освѣщенная свѣчами. Хоръ пѣвчихъ, еще спѣвавшійся, стройными голосами пѣлъ: *„Слава въ вышнихъ Богу“*. Молящіеся разныхъ чиновъ и званій приходили, прикладывались къ плащаницѣ, отходили въ сторону и скрывались въ полумракѣ. Длинный корридоръ блиндажа живо напоминалъ темныя кіевскія пещеры. Чувство глубокаго благоговѣнія наполняло душу при видѣ плащаницы, Евангелія въ богатой оправѣ, престольнаго Креста и образовъ Святителя Николая и Божіей Матери, освѣщенныхъ нѣсколькими свѣчами.

Началась служба. Солдаты и матросы наполнили блиндажъ. Каждый входилъ съ особымъ благоговѣніемъ; горячая и усердная молитва отражалась на всѣхъ лицахъ. «Мы молились», — пишетъ одна изъ сестеръ милосердія, — «и молились усердно;

неумолчная стрѣльба не развлекала нашего вниманія. Подъ тихое пѣніе молитвы: *„Святый Боже“* плащаницу понесли вокругъ блиндажа, и, когда молящіеся вышли на площадку со свѣчами въ рукахъ, раздался непріятельскій выстрѣлъ, и ядро со свистомъ прелетѣло надъ ихъ головами.

По окончаніи службы, гарнизонъ и жители Севастополя, по русскому обычаю, готовились встрѣтить великій день Христова Воскресенія съ особою торжественностью. Всѣ работы, за исключеніемъ самыхъ необходимыхъ, были пріостановлены, и городъ мало-по-малу сталъ принимать торжественный видъ.

Послѣ полудня, женщины цѣлыми толпами спѣшили на бастіоны. Жены матросовъ, землячки и даже дѣти, перегоняя другъ друга, тащили мужьямъ, сватамъ и отцамъ куличи, масло, пасху и яица. Во многихъ командахъ также заготовляли куличи и пекли булки.

Наступила полночь. Было совершенно тихо, только изрѣдка сверкали вдали пушечные выстрѣлы съ нашей или непріятельской батареи и, какъ раскатъ грома, мѣрно раздавались эхомъ по холмамъ, окружающимъ городъ. Среди ночной тишины, нарушаемой зловѣщимъ гуломъ орудій и постоянной трескотни ружейныхъ выстрѣловъ въ ложементахъ, благовѣйно прозвучалъ благовѣстъ колоколовъ, призывавшихъ къ молитвѣ. Улицы наполнились народомъ, спѣшившимъ въ ярко освѣщенные храмы.

Съ наступленіемъ праздника, на бастіонахъ зажглись у иконъ свѣчи; солдаты и матросы горячо молились передъ ними. Тепла была молитва славныхъ защитниковъ вдали отъ родной семьи. Всюду представлялись взору картины благоговѣнія, и казалось, на это время, всякая опасность была позабыта.

Весь гарнизонъ и свободные отъ службы офицеры морскихъ и сухопутныхъ силъ тѣснились въ небольшомъ соборѣ Св.

Екатерины и христосовались съ главнокомандующимъ. Вокругъ храма толпились матросы, солдаты и женщины. Цѣлые ряды куличей и пасхи, съ горящими передъ ними свѣчами, ожидали освященія.

По окончаніи церковной службы, духовенство было приглашено отслужить молебны на оборонительной линіи у бастіонныхъ и батарейныхъ образовъ. Въ ожиданіи священника, бастіоны смотрѣли по-праздничному: блиндажи убраны, лафеты и платформы вымыты, вычищены, и возлѣ разставленныхъ куличей толпились люди, одѣтые въ чистые и новые мундиры. Въ отдаленіи стояли жены и дѣти защитниковъ, пришедшіе похристосоваться и раздѣлить вмѣстѣ свѣтлые дни праздника. Изрѣдка раздавались выстрѣлы, подъ звуками которыхъ слышались молитвы и церковное пѣніе священника. Съ крестомъ въ рукахъ и съ сосудомъ святой воды, обходили пастыри церкви ряды солдатъ и, окропляя святою водою, поздравляли съ наступившимъ праздникомъ.

Съ наступленіемъ дня, на бастіонахъ образовались кружки, появились музыканты, раздались веселыя пѣсни и пляски,— и веселился русскій человѣкъ, какъ веселится онъ дома, въ кругу родной своей семьи. У матроса явилась скрипка, у пѣхотнаго солдата кларнетъ, который иной артистъ, по выраженію участника, носитъ тысячи верстъ прицѣпленнымъ къ штыковымъ ножнамъ и, въ часы отдыха, веселитъ имъ своихъ товарищей. Сѣвъ возлѣ орудія, оба музыканта съ воодушевленіемъ наигрывали «Камаринскаго», отбивая тактъ ногою. Проходившій мимо солдатъ остановился, къ нему присоединился другой-третій,—образовалась толпа. Долго собравшіеся слушали молча игру музыкантовъ; но вотъ у одного заходили плечи, другого такъ и передергиваетъ всѣмъ корпусомъ, третій поправляетъ на головѣ шапку, какъ-бы приготовляясь къ чему-

Капитанъ 1-го ранга Зоринъ.

Начальникъ 1 отдѣленія оборонительной линіи (5, 6, 7, 8, Александровскаго и 10 бастіоновъ).

то, но всѣ молчатъ, всѣ слушаютъ. Звонкій голосъ молодаго солдата выводитъ собравшихся изъ молчаливаго положенія и удовлетворяетъ задушевному желанію.

— Не вытерпѣть, братцы,—говоритъ онъ, и, не докончивъ фразы, пускается въ плясъ.

Всѣ точно очнулись, и, посмотрѣвъ другъ на друга, какъ-бы съ укоромъ, что сами раньше не догадались, присоединяются къ пляшущему. Пляска дѣлается всеобщею и выражаетъ собою ту удаль и беззаботность, которыя такъ хорошо характеризуютъ свѣтлую душу русскаго солдата.

Первый день Пасхи прошелъ весело и покойно, хотя ружейный огонь въ траншеяхъ не умолкалъ ни на минуту.

Въ 5 часовъ утра, 28-го марта, съ непріятельскаго корабля, стоявшаго у Стрѣлецкой бухты, взвилась сигнальная ракета и, вслѣдъ затѣмъ, союзники открыли огонь противъ всѣхъ укрѣпленій оборонительной линіи. То было *второе—праздничное бомбардированіе*, какъ называли его въ Севастополѣ, въ отличіе отъ перваго, бывшаго 5-го октября 1854 года.

Непріятель быстро открывалъ амбразуры одну за другою; наши матросы бодро бросились къ орудіямъ, и канонада закипѣла. Союзники стрѣляли изъ 482 орудій огромнаго калибра,—въ числѣ вторыхъ было 130 мортиръ; слѣдовательно, число ихъ орудій было болѣе чѣмъ вдвое того числа, которое употреблено было ими въ бомбардированіе 5-го октября.

Съ нашей стороны, по осаднымъ батареямъ непріятеля былъ открытъ огонь изъ 466 орудій, въ томъ числѣ изъ 77-ми мортиръ.

Страшный трескъ, свистъ и грохотъ гудѣли надъ Севастополемъ. Вой вѣтра, смѣшанный съ гуломъ выстрѣловъ, шумъ проливнаго дождя и густой туманъ еще болѣе усиливали мрач-

*

ность этого дня; скоро все скрылось отъ глазъ, такъ-что въ двухъ шагахъ ничего не было видно.

Непріятель сосредоточилъ самый сильный огонь на тѣ укрѣпленія, къ которымъ онъ ближе всего подошелъ своими подступами. Такими укрѣпленіями были 4-й и 5-й бастіоны, Малаховъ курганъ, второй бастіонъ, Волынскій и Селенгинскій редуты и Камчатскій люнетъ. Послѣдніе, извѣстные въ Севастополѣ подъ названіемъ *трехъ отроковъ въ пещи*, особенно терпѣли отъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Усиленіе огня противъ передовыхъ укрѣпленій показывало, что союзники думали сначала разрушить ихъ выстрѣлами, а потомъ штурмовать и овладѣть ими.

День этотъ дорого стоилъ нашей арміи: она лишилась 536 человѣкъ выбывшими изъ строя, тогда какъ непріятель потерялъ только 94 человѣка. Въ теченіе дня было выпущено нашими батареями 12.000 снарядовъ и разстрѣляно 165.000 ружейныхъ патроновъ. Непріятель бросилъ въ Севастополь 33.658 снарядовъ и выпустилъ около 170.000 патроновъ. Обѣ стороны сожгли около 7.000 пудовъ пороху, и чего же достигли союзники?

Всѣ поврежденія, произведенныя непріятелемъ въ нашей оборонительной линіи, состояли изъ 15-ти подбитыхъ орудій, 13-ти станковъ, 23-хъ поврежденныхъ платформъ и 122 заваленныхъ амбразуръ.

Съ наступленіемъ ночи, обѣ стороны ослабили огонь, и поддерживали до разсвѣта. Бомбы свѣтились на небѣ, словно звѣзды въ ясную ночь, и летали по всѣмъ направленіямъ, во всѣ части города, въ отдѣльные форты и бастіоны. Непріятель сосредоточивалъ свой огонь преимущественно противъ четвертаго бастіона, Малахова кургана, Камчатскаго люнета, Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ.

Въ теченіе ночи защитники преодолѣли всѣ затрудненія, исправились, починились и на-утро явились готовыми на бой не слабѣе прежняго.

Съ разсвѣтомъ 29-марта, около пяти часовъ утра, непріятель открылъ по городу столь же сильное бомбардированіе, какъ и наканунѣ.

Къ вечеру были приведены въ совершенное молчаніе пятый бастіонъ, Селенгинскій и Волынскій редуты. Послѣдніе были повреждены такъ сильно, что къ утру слѣдующаго дня можно было при всѣхъ усиліяхъ возстановить только амбразуры и починить пороховые погреба. Мы лишились 735 человѣкъ выбывшими изъ строя, а союзники 135 человѣкъ.

Съ наступленіемъ сумерекъ, гарнизонъ снова принялся за исправленіе поврежденій, и нужно было еще болѣе усилій, чѣмъ наканунѣ, чтобы исправить бастіоны и батареи.

Каждый изъ горячо любящихъ свое отечество съ глубокимъ уваженіемъ и благодарностью преклонится предъ подвигами моряковъ, саперъ, черноморскихъ пластуновъ и пѣхотныхъ полковъ: Владимірскаго, Селенгинскаго, Волынскаго, Камчатскаго, Охотскаго, Тобольскаго, Томскаго, Колыванскаго, Екатеринбургскаго, Якутскаго, Сѣвскаго, Алексопольскаго, Великаго Князя Михаила Николаевича, Углицкаго, Украинскаго, Минскаго, Суздальскаго и многихъ, многихъ другихъ.

«Да подкрѣпитъ Богъ геройскихъ защитниковъ Севастополя»,—писалъ Императоръ князю Горчакову:—«уповаю на Его милость, что Онъ благословитъ наши усилія отстоять его и, можетъ быть, нанести рѣшительный ударъ незваннымъ гостямъ.

«Скажите нашимъ молодцамъ, *что я и вся Россія ими гордится*, и что нашъ незабвенный благодѣтель за нихъ молится и вѣрно свыше также радуется ихъ геройству. Что во Мнѣ происходитъ, при чтеніи подробностей этого неслы-

ханнаго бомбардированія, вы легко поймете. Крайне сожалѣю о значительной потерѣ людей и столь многихъ отличныхъ офицеровъ. Да воздастъ имъ Всемогущій Богъ въ той жизни за молодецкую ихъ смерть!»

VI.

Севастополь послѣ второй бомбардировки.—Севастопольскія дѣтскія игры.—Генералъ Семякинъ.—Третья бомбардировка 25 мая.—Штурмъ 26 мая.—Занятіе непріятелемъ передовыхъ редутовъ.

По первоначально составленному плану, было рѣшено союзниками открыть бомбардированіе 28-марта и, послѣ непрерывной суточной канонады, собрать военный совѣтъ, для рѣшенія вопроса о томъ, можно ли будетъ штурмовать городъ. Совѣтъ этотъ не собирался до 31-го марта, такъ какъ, по сознанію самихъ непріятелей, русскія батареи не только не были сбиты, но дѣйствовали сильнѣе, чѣмъ наканунѣ. Эта неожиданность заставляла англо-французовъ отложить рѣшеніе вопроса о штурмѣ на три дня, потомъ еще на три дня и во все это время продолжать самое усиленное бомбардированіе. Такъ прошло десять дней, послѣ которыхъ канонада была ослаблена, и союзники должны были сознать, что не достигли своей цѣли,—не ослабили артиллерійскаго огня обороняющагося.

«Послѣднія извѣстія»,—писали англичане въ своихъ газетахъ,—«извѣщаютъ насъ, что огонь русскихъ батарей до сихъ поръ не могъ быть потушенъ огнемъ осаждающаго; изъ этого обстоятельства мы принуждены заключить, что послѣ полугодовой осады и двухъ бомбардированій, при которыхъ были употреблены всѣ средства разрушенія, Севастопольская крѣпость все еще въ состояніи устоять противъ штурма.

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, что столь продолжительное сопротивленіе много зависѣло отъ невозможности обложить городъ; но должно согласиться также, что въ самыхъ работахъ, на которыя *опирается оборона, есть нѣчто новое, нѣчто такое, чего не встрѣчалось еще въ исторіи достопамятнѣйшихъ осадъ, и на это слѣдуетъ обратить свое вниманіе*».

Справедливо, что по громадности употребленныхъ союзниками средствъ и по продолжительности времени, второе бомбардированіе не имѣло себѣ равныхъ въ предшествовавшей жизни рода человѣческаго; но Севастополю суждено было впослѣдствіи выдержать нѣсколько бомбардированій еще сильнѣйшихъ, какъ бы для бо̀льшей славы этого гарнизона, между чинами котораго господствовала только одна мысль: — держаться въ городѣ до послѣдняго человѣка. Никто не помышлялъ о его оставленіи, даже женщинъ и семейства матросовъ приходилось силою отправлять изъ города; но отправляемыя возвращались обратно, скрывались подъ грудою развалинъ, гибли отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, и никакія распоряженія не въ силахъ были удалить ихъ изъ роднаго города, до самыхъ послѣднихъ дней осады.

Народъ сновалъ взадъ и впередъ; на улицахъ было много гуляющихъ женщинъ и дѣтей, въ своихъ играхъ, подражавшихъ защитникамъ города. Раздѣлившись на двѣ партіи, дѣти устраивали баррикады, батареи, или, спрятавшись въ канавы, замѣнявшія имъ траншеи, бросали другъ въ друга ядра и бомбы, сдѣланныя изъ глины, а иногда и начиненныя порохомъ бабки. Вставленный внутрь послѣднихъ горящій фитиль производилъ разрывъ, и осколки кости, разлетаясь въ стороны, случалось, до крови ушибали воюющихъ. Тогда подымался всеобщій радостный крикъ.

— Раненъ Егорка, раненъ!—шумѣла толпа и тащила раненаго на перевязочный пунктъ, гдѣ дѣвочки, исполняя обязанности сестеръ милосердія, обвязывали Егорку тряпками.

Такъ воспитывалось молодое поколѣніе Черноморскихъ моряковъ среди грома пушекъ и всѣхъ ужасовъ смерти.

Нельзя не упомянуть здѣсь объ истинно-русской доблести генерала Семякина. Полубольной и глухой отъ контузіи, полученной имъ въ бою, Семякинъ до конца осады Севастополя не только самъ служилъ, какъ слѣдуетъ служить русскому въ подобное время для отечества, но онъ привелъ въ осажденный Севастополь двухъ юныхъ своихъ сыновей и посадилъ ихъ на наиболѣе опасномъ въ то время пятомъ бастіонѣ. Зачисленные на службу юнкерами, они пережили всю осаду Севастополя и оба заслужили Георгіевскіе кресты наравнѣ съ другими удалыми защитниками славнаго города.

Самъ генералъ Семякинъ почти постоянно находился на бастіонахъ и батареяхъ и, подъ конецъ защиты, командовалъ всѣми войсками на Городской сторонѣ.

Въ послѣднее время потери въ нѣкоторыхъ полкахъ были такъ велики, что слово «полкъ», «батальонъ» или «рота» не выражали уже собою никакого понятія о численности людей.

Наступила весна. Проливной дождь, шедшій безпрерывно въ теченіе трехъ сутокъ, съ 27-го по 30-е апрѣля, произвелъ благотворное вліяніе на южную почву: все оживилось и зацвѣло. Въ теченіе двухъ недѣль работы союзниковъ почти не подвигались впередъ.

Грозно смотрѣли наши редуты въ лицо непріятелю. Впереди всѣхъ стоялъ Камчатскій люнетъ, изрѣзанный глубокими, издали чернѣвшими амбразурами, посылавшими свои мѣткіе выстрѣлы.

Влѣво отъ Камчатскаго люнета стояли редуты Волынскій, Селенгинскій и Забалканская батарея.

Въ три часа по полудни, 25-го мая, по сигналу съ моря, загудѣли выстрѣлы 544 непріятельскихъ орудій—и началось *третье бомбардированіе Севастополя*, болѣе жестокое, чѣмъ оба предъидущія. Обороняющійся отвѣчалъ огнемъ изъ 571 орудія, распредѣленныхъ такъ, что почти на всѣхъ пунктахъ число нашихъ орудій превышало число непріятельскихъ. Солнце ярко горѣло на горизонтѣ и обдавало жаромъ. На небѣ не было ни одной тучки, и сильный вѣтеръ гналъ клубы пороховаго дыма съ Корабельной на Городскую сторону; цѣлый адъ снарядовъ окружалъ городъ: надъ головой лопались бомбы, кругомъ свистѣли ядра, летѣли ракеты и, падая въ бухту, поднимали воду высокими столбами. Надъ городомъ стоялъ сплошной гулъ выстрѣловъ, Севастополь стоналъ, какъ исполинъ, облѣпленный вражескими бомбами, ядрами и ракетами.

Еще до открытія огня союзники постановили бомбардировать наши укрѣпленія въ продолженіе 27-ми часовъ и не стѣсняться числомъ выстрѣловъ. При огромной массѣ выпускаемыхъ непріятелемъ снарядовъ, борьба становилась неравною, ибо хотя мы и могли отвѣчать изъ большаго числа орудій, но для нихъ имѣлось отъ 60 до 90 зарядовъ, тогда какъ союзниками было заготовлено отъ 500 до 600 зарядовъ на каждое орудіе.

За день Камчатскій люнетъ пострадалъ весьма сильно; насыпи укрѣпленія почти не существовало.

Съ разсвѣтомъ 26 мая непріятель еще усилилъ огонь и открылъ опять жестокое бомбардированіе по всей лѣвой половинѣ оборонительной линіи, направляя самые частые выстрѣлы на Малаховъ курганъ, Волынскій и Селенгинскій редуты и Камчатскій люнетъ.

Къ 8-ми часамъ утра огонь нашихъ бастіоновъ и батарей значительно ослабѣлъ; одинъ только 3-й бастіонъ настойчиво

боролся съ англичанами и нанесъ имъ значительный вредъ, разрушивъ нѣсколько англійскихъ батарей и взорвавъ пороховой погребъ.

Около 3-хъ часовъ по полудни, 26-го мая, усиленная канонада была открыта и противъ Городской стороны, или правой половины оборонительной линіи, и тогда Севастополь опоясался двумя рядами смертоносныхъ огней. Три часа длилась эта небывалая борьба, и, около шести часовъ вечера, часть укрѣпленій Корабельной стороны приведена была въ полуразрушенное состояніе. Она могла только слабо отвѣчать непріятелю, употреблявшему послѣднія усилія и не щадившему пороха, свинца и чугуна. Въ теченіе двадцати-семи-часоваго бомбардированія союзники выпустили болѣе 60.000 снарядовъ.

Совокупными усиліями англичанъ и французовъ три передовыя укрѣпленія были приведены въ совершенное разрушеніе: не было ни одного цѣлаго мерлона, почти всѣ орудія были подбиты или засыпаны, брустверъ развороченъ,—все изуродовано. Остатки гарнизона кое-какъ укрывались за мусоромъ, а непріятель все еще продолжалъ канонаду.

Утромъ 26-го мая главнокомандующій арміею, генералъ Пелисье, замѣнившій Канробера, собралъ военный совѣтъ, на которомъ было постановлено, что французы атакуютъ Камчатскій люнетъ, Волынскій и Селенгинскій редуты, а англичане ложементы противъ третьяго бастіона. Штурмъ рѣшено было произвести вечеромъ, передъ закатомъ солнца, чтобы, какъ говорилъ Пелисье, «засвѣтло подраться и тотчасъ потомъ утвердиться въ занятыхъ укрѣпленіяхъ».

Распоряженіе атакой предоставлено было генералу Боске, который назначилъ въ дѣло четыре дивизіи французскихъ и одну турецкую—всего болѣе 40.000 человѣкъ, тогда какъ во всемъ

гарнизонѣ Севастополя находилось не болѣе 36.000 человѣкъ, да и то расположенныхъ на двухъ раздѣленныхъ между собою частяхъ города: Городской и Корабельной.

Угрожаемыя точно такимъ же нападеніемъ непріятеля и раздѣленныя южною бухтою, войска Городской стороны не могли оказать дѣятельной помощи полкамъ, расположеннымъ на Корабельной, въ которыхъ считалось не болѣе 12.000 человѣкъ. Къ тому же это незначительное число войскъ было раскинуто по всей лѣвой половинѣ оборонительной линіи, на протяженіи около 4-хъ верстъ.

Съ первыми выстрѣлами своихъ батарей, французы пошли на штурмъ.

Было около шести часовъ пополудни. Нахимовъ, по обыкновенію, объѣзжалъ бастіоны. Подъѣхавъ къ Камчатскому люнету, онъ слѣзъ съ лошади и пошелъ вдоль по укрѣпленію, какъ вдругъ послышался крикъ: «*Штурмъ!*»

Нахимовъ высунулся изъ-за вала и увидѣлъ непріятеля.

При первыхъ звукахъ тревоги на Камчатскомъ люнетѣ прислуга бросилась къ орудіямъ, и едва успѣла сдѣлать по одному картечному выстрѣлу, какъ французы были уже въ укрѣпленіи. Они весьма удобно прошли черезъ засыпанный бомбардированіемъ ровъ, пробрались черезъ амбразуры и обогнули Камчатку съ трехъ сторонъ. Одушевленные присутствіемъ доблестнаго адмирала, 350 человѣкъ Полтавскаго полка встрѣтили атакующихъ штыками и завязали самую упорную рукопашную схватку. Трудно описать, что происходило тогда на Камчаткѣ: выстрѣлы изъ ружей, крики, стоны и командныя слова—все перемѣшалось и слилось въ одинъ гулъ. Подавленные напоромъ цѣлой бригады непріятеля и лишившись батальоннаго командира и большей части офицеровъ, полтавцы отступали, забирая плѣнныхъ въ то время, когда въ нѣ-

сколькихъ шагахъ забирали нашихъ и едва не захватили и адмирала Нахимова. По обыкновенію, на немъ были эполеты и орденъ Св. Георгія 2-го класса. Французы тотчасъ же схватили адмирала, но солдаты и матросы выручили, бросившись на непріятеля съ банниками и ганшпугами, которые уносили отъ заклепанныхъ орудій.

Атакующіе заняли Камчатскій люнетъ и преслѣдовали отступавшихъ. Полтавцы отходили за оборонительную линію, медленно и по возможности удерживали непріятеля, но многіе французы обгоняли отступавшихъ и въ какомъ-то упоеніи бѣжали вразсыпную къ Малахову кургану. Послѣдній, оставленный почти безъ войскъ, находился, въ первое время, въ весьма опасномъ положеніи и легко могъ попасть въ руки непріятеля. Хотя генералъ Хрулевъ съ первымъ извѣстіемъ о штурмѣ направилъ весь резервъ Корабельной стороны къ Малахову кургану и даже послалъ за подкрѣпленіями на Городскую сторону, но занятіе французами Камчатскаго люнета послѣдовало такъ быстро, что резервы не успѣли еще подойти, какъ непріятель появился въ самомъ близкомъ разстояніи отъ кургана. Съ батарей оборонительной линіи былъ открытъ самый частый картечный огонь по наступавшимъ, и если бы французы выдержали его настолько, что въ состояніи бы были дойти до укрѣпленія, то они легко бы овладѣли имъ и въ тотъ же день покончили бы съ Севастополемъ; но они не выдержали огня и остановились. Лишь немногіе смѣльчаки добѣжали до кургана, спустились въ ровъ, въ полной надеждѣ вскарабкаться на валъ, но, безъ лѣстницъ и посторонней помощи, это оказалось для нихъ совершенно невозможнымъ. Видя, что ошиблись, французы притаились, надѣясь съ наступленіемъ ночи выбраться изъ рва и отступить, но всѣ были взяты въ плѣнъ. Въ первое время никто не замѣтилъ,

что во рву находится непріятель, такъ какъ все вниманіе приковано было къ атакующимъ колоннамъ, остановленнымъ дѣйствіемъ картечнаго огня. Они залегли въ волчьихъ ямахъ и каменоломняхъ впереди Малахова кургана, и открыли самый частый ружейный огонь по амбразурамъ этого укрѣпленія.

Какъ только французы показались на валу Камчатскаго люнета, англичане въ числѣ 400 человѣкъ, поддержанныхъ резервами, двинулись противъ ложементовъ третьяго бастіона, занятыхъ штуцерными и ротою Камчатскаго полка. Потерявши двухъ офицеровъ и 100 нижнихъ чиновъ, рота отступила, и англичане заняли ложементы. Чтобы выбить ихъ оттуда, былъ отправленъ, подъ командою капитана 1-го ранга Будищева, отрядъ изъ трехъ ротъ Камчатскаго и двухъ ротъ Волынскаго и Минскаго полковъ. Будищевъ бросился въ штыки — и въ контръ-апрошахъ завязался упорный рукопашный бой; ложементы попеременно переходили изъ рукъ въ руки, и скоро англичане были выбиты изъ нихъ, но при этомъ капитанъ Будищевъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ, а командиръ Камчатскаго батальона, маіоръ Хоменко, убитъ. Потерявъ двухъ начальниковъ, солдаты смѣшались и, видя приближеніе англійскихъ резервовъ, стали отступать. Замѣтивъ замѣшательство въ рядахъ, капитанъ 3-го сапернаго батальона Рейтлингеръ принялъ начальство, устроилъ отступавшихъ, снова атаковалъ англичанъ, освободилъ изъ плѣна капитана Будищева, но при этомъ самъ былъ раненъ въ голову. Вторично выбитые изъ контръ-апрошей, англичане, получивъ значительное подкрѣпленіе, перешли въ наступленіе и принудили нашихъ отступить за оборонительную линію.

Долго войска отстаивали редуты, которые много разъ переходили изъ рукъ въ руки; но наконецъ остались въ рукахъ непріятеля.

Какое сопротивленіе могла оказать ничтожная кучка солдатъ противъ врага, въ десять разъ сильнѣйшаго? Она была задавлена многочисленностію наступавшихъ. Французы знали это и потому шли смѣло, съ полною увѣренностію въ успѣхѣ. Несмотря на то, что разстояніе, которое должны были пройти штурмующія коллоны, было довольно значительно, оно было пройдено такъ скоро, что укрѣпленія не успѣли произвести ни одного картечнаго выстрѣла. Почти безъ всякой потери, дошли французы до рвовъ Волынскаго и Селенгинскаго редутовъ, гдѣ хотя и были встрѣчены ружейными выстрѣлами слабаго гарнизона, но безъ затрудненія овладѣли укрѣпленіями. Небольшая кучка муромцевъ перебѣгала съ одной стороны бруствера на другую, встрѣчала штыками многочисленныхъ враговъ; но сопротивленіе ихъ было непродолжительно. Менѣе минуты сверкали за валомъ выстрѣлы и острія штыковъ, и затѣмъ французы были уже въ укрѣпленіи. Видя неустойку, матросы стали заклепывать орудія и подожгли тросовые щиты, забрывавшіе амбразуры. Редутъ задымился—минута была ужасная! Лежавшій подъ навѣсомъ у входа въ пороховой погребъ, одинъ изъ раненыхъ матросовъ, видя, что непріятель уже въ редутѣ, сталъ кресаломъ добывать огонь, чтобы взорвать пороховой погребъ, но былъ настигнутъ французами и заколотъ штыкомъ. Къ сожалѣнію, имя храбраго не сохранилось для потомства!

Потеря редутовъ была грустнымъ событіемъ для севастопольцевъ.

Если событіе 26-го мая легко тяжелымъ камнемъ на сердцѣ каждаго изъ севастопольцевъ, то и въ Петербургѣ оно крайне встревожило всѣхъ истинно любящихъ свое Отечество.

Говоря о воинскихъ подвигахъ, нельзя не сказать нѣсколько словъ о докторахъ и сестрахъ милосердія. На пе-

ревязочныхъ пунктахъ кипѣла неустанная дѣятельность медиковъ и сестеръ милосердія, вечеромъ 26-го мая, такъ какъ въ этотъ день раненыхъ и изувѣченныхъ было особенно много.

Съ семи часовъ вечера стали стекаться раненые на перевязочные пункты. Тамъ все суетилось, работало. Больнымъ тащили нѣсколько ведеръ водки; доктора занимались перевязкой; сестры милосердія, помогая имъ, раздавали водку и хлѣбъ приходящимъ легко раненымъ, поили трудно-больныхъ виноградным виномъ и клюквеннымъ сокомъ. Среди стоновъ и страданій слышались остроты и шутки раненыхъ, слышалась русская удаль и молодечество. Вокругъ одной изъ сестеръ милосердія собралась цѣлая кровавая толпа солдатъ. Каждый изъ нихъ разсказывалъ свое удальство и сцены при столкновеніи съ непріятелемъ.

— Матушка, попробуй, какъ вкусно!—кричалъ одинъ изъ раненыхъ, подавая отнятый у француза галетъ.

— Матушка, попей вражьей водки:—кричалъ другой!—я отнялъ ее у пьянаго француза.

— Барыня, хочешь, подарю французскую шапку!—говорилъ третій, отдавая ее сестрицѣ.

Сестра благодарила и отвѣчала, что ей нельзя имѣть вражьей шапки.

— Посмотри-ка,—говорилъ одинъ изъ солдатъ, подползая къ сестрѣ милосердія,—какъ у меня плечо отбито: проклятый англичанинъ камнемъ меня билъ.

Слушая эти разсказы, невольно подивишься русскому солдату: ни раны и увѣчья, ни боль и страданія,—ничто не колеблетъ его веселаго и добродушнаго нрава.

Съ разсвѣтомъ 27-го мая, французы открыли жестокій огонь по Забалканской батареѣ и оставшемуся въ ней гарни-

зону. Бомба за бомбой ложились въ укрѣпленіе и вырывали цѣлые ряды прикрытія. Одиноко стояла батарея, ближе къ непріятелю, чѣмъ къ своей оборонительной линіи; незначительный гарнизонъ ея подвергался ежеминутной опасности быть окруженнымъ многочисленнымъ непріятелемъ и не имѣть возможности отступить. Это опасное положеніе гарнизона и, сравнительно, весьма малая польза отъ занятія Забалканской батареи заставили главнокомандующаго оставить и эту батарею. Около четырехъ часовъ по-полудни были высланы рабочіе, которые сняли большую часть орудій, стоявшихъ на батареѣ, и около девяти часовъ вечера отступили вмѣстѣ съ находившимся въ ней гарнизономъ.

Ровно въ полдень, 28-го мая, союзники подняли парламентерскій флагъ, и вслѣдъ затѣмъ взвились такіе же флаги на Малаховомъ курганѣ и на 3-мъ бастіонѣ. Съ обѣихъ сторонъ было объявлено перемиріе, для уборки тѣлъ. Обѣ стороны выслали цѣпи, опредѣлявшія двѣ крайнія линіи, за которыя переходить не дозволялось. Огромныя толпы народа собрались на полѣ битвы.

Посреди убитыхъ сновали носильщики, стояли группы солдатъ: нашихъ и французовъ. Перемѣшавшись между собою, они вели самый оживленный разговоръ, сопровождаемый различными знаками и жестами.

Перемиріе кончилось, и боевая жизнь пошла своимъ чередомъ.

Передѣлавъ въ свою пользу отнятыя у насъ траншеи и редуты, французы открыли сильный ружейный огонь по укрѣпленіямъ оборонительной линіи. Пули одна за другою такъ и летѣли въ амбразуры, нанося намъ жестокія потери; онѣ сыпались въ такія мѣста, въ которыхъ до сихъ поръ не было слышно ихъ свиста. Чтобы судить о томъ, какъ силенъ былъ

Вице-Адмиралъ Новосильскій.

Начальникъ 2-го отдѣленія оборонительной линіи (4-го бастіона).

ружейный огонь въ концѣ мая, достаточно сказать, что когда начальствомъ былъ разрѣшенъ сборъ пуль, съ уплатою за пудъ свинца по 4 руб., то на одномъ лѣвомъ фасѣ четвертаго бастіона три человѣка, въ теченіе сутокъ, собрали 18 пудовъ пуль. Въ послѣдующее время сборъ пуль продолжался также весьма успѣшно, и въ первые 9 дней, по объявленіи, было доставлено нижними чинами 1.052 пуда, съ 26-го мая по 8-е іюня—1.088 пудовъ и съ 9-го іюня по 24-е іюля—2.112 пудовъ.

Солдаты собирали пули весьма охотно и часто подъ самымъ сильнымъ огнемъ непріятеля, ни мало не думая о томъ, что, отыскивая нѣсколько золотниковъ свинца, подвергали свою жизнь опасности. Собираніе пуль въ Севастополѣ называлось «*по ягоду ходить*», и были такія мѣста, въ особенности изобиловавшія этими ягодами, которыя можно было отдать на откупъ, какъ напримѣръ редутъ Шварца и другіе. Обыкновенно собравшись по три и по четыре человѣка, солдаты бродили, согнувшись, по траншеямъ и собирали пули. Случалось и такъ, что, надѣвъ фуражки на палки, они изрѣдка приподнимали ихъ повыше бруствера, и тогда французскіе стрѣлки стрѣляли по фуражкамъ, полагая, что онѣ на головахъ нашихъ солдатъ, работавшихъ во рву. Дразня непріятеля, солдаты не заботились о томъ, что привлекали выстрѣлы на свои батареи, и продолжали такія продѣлки до тѣхъ поръ, пока начальство не остановитъ ихъ.

— Что вы тутъ дѣлаете?—спроситъ кто-либо изъ офицеровъ.

— Да ничего!—отвѣтятъ они.—Всѣ валявшіяся подъ стѣнками пули подобрали, а надоть бы еще маленько, такъ вотъ и маячимъ француза.

Случалось, что охотники до такой наживы платились жи-

*

знію, раною или увѣчьемъ. Такъ, однажды, на Камчатскомъ люнетѣ одинъ изъ собиравшихъ пули былъ раненъ въ руку. Первая забота раненаго была о дальнѣйшей участи мѣшка, въ которомъ находились собранныя имъ пули.

— На, братецъ, побереги,—въ самый разъ попало: носить нельзя,—сказалъ онъ, передавая мѣшокъ товарищу и закрывая полой окровавленную руку.

— Бросаетъ вѣдь зря, а жадничаетъ,—замѣтилъ другой, какъ бы въ укоръ французамъ за то, что они не дозволяли подбирать пули безнаказанно.

«Вскорѣ,—прибавляетъ очевидецъ,—французы поняли, въ чемъ дѣло. Случай этотъ, какъ видно, показался имъ весьма оригинальнымъ: въ мигъ выстрѣлы затихли, и раздалось сопровождаемое аплодисментами громкое браво».

Послѣ аплодисментовъ и временнаго прекращенія огня, снова завизжали пули и зарыскала смерть по Севастополю. Французы направляли свой огонь преимущественно противъ Малахова кургана и смежныхъ съ нимъ батарей. Жутко было стоять нашимъ солдатамъ и матросамъ подъ свинцовымъ градомъ, и тужили они, что такъ близко подпустили къ себѣ врага и дозволили непріятелю овладѣть такъ скоро редутами, облитыми русскимъ потомъ и кровью. Бывало, подъ защитою этихъ редутовъ, рѣдко когда на Малаховъ залетитъ шальная пуля, а теперь онѣ поминутно врываются въ амбразуры и расчищаютъ прислугу.

— Эдакъ изъ орудій некому будетъ дѣйствовать:—говорили солдаты, смотря на падающихъ матросовъ.

— Хоть по три матроса на пушку останется,—отвѣчали матросы:—еще можно будетъ драться,—была бы армія, а какъ по три не останется, ну,—тогда шабашъ!

VII.

Положеніе Севастополя послѣ паденія передовыхъ редутовъ.—Четвертое бомбардированіе 5 іюня.—Отбитіе штурма 6 іюня.

Паденіе передовыхъ редутовъ произвело весьма сильное впечатлѣніе на князя Горчакова: онъ считалъ теперь свое положеніе отчаяннымъ и безъисходнымъ.

Главнокомандующій сознавалъ, что гарнизонъ сдѣлалъ все, что въ человѣческихъ силахъ, и требовать бо́льшаго отъ него невозможно; что войска наши дрались отчаянно, причинили непріятелю гораздо бо́льшія потери, чѣмъ понесли сами, но все это не успокоивало князя Горчакова.

Недостатокъ въ генералахъ становился столь ощутительнымъ, что главнокомандующій былъ весьма радъ добровольному прибытію въ Севастополь генерала Шульца, и тотчасъ же назначилъ его начальникомъ второго отдѣленія оборонительной линіи. Будучи Александропольскимъ комендантомъ на Кавказѣ и отпросясь въ отпускъ, Шульцъ, по особому влеченію, явился въ Севастополь и просидѣлъ тамъ до конца осады. Онъ прибылъ и помѣстился на четвертомъ бастіонѣ, въ званіи начальника второго отдѣленія, въ самое горячее для Севастополя время—въ день бомбардированія, 25-го мая, и былъ свидѣтелемъ штурма передовыхъ редутовъ.

Съ занятіемъ послѣднихъ, союзники приступили прежде всего къ передѣлкѣ въ свою пользу Камчатскаго люнета, а потомъ Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ. Работы подвигались весьма быстро, и усиленная дѣятельность непріятеля показывала, что онъ, пользуясь всѣми выгодами своего положенія, готовится къ новому бомбардированію. Владѣя мѣстностью, и безъ того командовавшею нашими укрѣпленіями, союз-

ники, съ занятіемъ редутовъ, пріобрѣли въ этомъ отношеніи еще большее преимущество. Непріятель получилъ возможность видѣть все, происходившее не только въ городѣ, но и внутри бастіоновъ, которые онъ могъ теперь обстрѣливать съ фронта, съ фланговъ, а нѣкоторые и въ тылъ. Окруживъ цѣпь своихъ траншей, союзники совершенно охватили Севастополь. Съ этого времени осада принимаетъ характеръ бойни, съ каждымъ днемъ увеличивавшейся въ своихъ размѣрахъ. Въ Севастополѣ не оставалось уголка, въ которой не залетали бы непріятельскія ядра, бомбы и гранаты. Предвидя печальныя послѣдствія отъ такого положенія дѣлъ, князь Горчаковъ не видѣлъ другого исхода, какъ оставить Севастополь—и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Для усиленія дѣйствующей арміи было сформировано Государственное ополченіе изъ русскихъ губерній; изъ этого ополченія 78 дружинъ *) были отправлены въ Крымъ.

Послѣ дѣла 26-го мая, Пелисье рѣшился воспользоваться энтузіазмомъ войскъ и назначилъ черезъ десять дней штурмъ, которому должно было предшествовать бомбардированіе. Главнымъ пунктомъ штурма избранъ Малаховъ курганъ, и потому рѣшено было прекратить бомбардированіе, продолжавшееся въ теченіе трехъ дней, и, для успѣха будущаго штурма, построить нѣсколько новыхъ батарей. Опасеніе, что непріятель предприметъ усиленное бомбардированіе, скоро оправдалось.

Къ 5-му іюня осадныя батареи имѣли на своемъ вооруженіи 587 орудій. Хотя для борьбы съ такимъ числомъ обороняющійся могъ противопоставить 549 орудій, но союзники имѣли значительное превосходство въ способахъ стрѣльбы и въ запасахъ пороха и снарядовъ.

*) Ополченія губерній Курской, Пензенской, Калужской, Тульской, Рязанской и Орловской.

Въ такомъ положеніи были осада и оборона, когда секреты стали доносить, что къ непріятельскимъ батареямъ каждую ночь подвозятся орудія и снаряды, а перебѣжчики говорили, что союзники готовятся произвести штурмъ лѣваго фланга и, съ этою цѣлью, стягиваютъ свои силы къ Севастополю, вокругъ котораго успѣли собрать до 173-хъ тысячъ человѣкъ.

Столь значительному числу непріятеля могли оказать сопротивленіе 44.768 штыковъ, находившихся на защитѣ укрѣпленій оборонительной линіи, изъ коихъ 24.390 штыковъ было на Городской и 20.378—на Корабельной. Сверхъ того, на батареяхъ находилось артиллерійской прислуги 8.868 человѣкъ, изъ коихъ 4.024 моряковъ и 4.844 человѣка отъ пѣхотныхъ войскъ.

Наступило утро 5-го іюня. Ночныя работы прекратились, и съ третьяго бастіона видно было, какъ англичане отправили въ лагерь изъ траншей свои ночные караулы и рабочихъ; наши люди также разошлись, кто куда могъ, чтобы подкрѣпить сномъ свои истощенныя силы. Около трехъ часовъ утра, во французскихъ траншеяхъ послышались звуки трубы, какъ бы призывавшей къ молитвѣ. Эти звуки повторились въ англійскомъ лагерѣ, а вслѣдъ затѣмъ раздался залпъ,—и началось *четвертое бомбардированіе* Севастополя и въ особенности Корабельной стороны и лѣвой половины четвертаго бастіона. Вмѣстѣ съ тѣмъ, непріятель дѣйствовалъ усиленнымъ огнемъ противъ батарей Сѣверной стороны и по флоту, стоявшему на рейдѣ.

Стояла тихая погода. Дымъ отъ выстрѣловъ скоро задернулъ всю мѣстность столь густою завѣсою, что ни прицѣливать орудій, ни видѣть что-нибудь въ нѣсколькихъ шагахъ было невозможно. Онъ клубился надъ орудіемъ или поднимался

изъ мортиры правильнымъ кольцомъ, или, наконецъ, струился длинною змѣйкою, указывая путь пролетѣвшей ракеты. Въ высотѣ, какъ бѣлыя пятна, на голубомъ небѣ, виднѣлись клубки дыма отъ лопавшихся бомбъ; подъ ногами фонтаномъ брызгала земля, поднятая ядромъ, а въ густой стѣнѣ пороховаго дыма блистали огненные языки выстрѣловъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ стрѣльбы, надъ Севастополемъ стоялъ густой, непроницаемый мракъ дыма. Отдѣльнаго звука выстрѣловъ уже не было слышно: все слилось въ одинъ оглушающій трескъ. Воздухъ былъ дотого сгущенъ, что становилось трудно дышать. Испуганныя птицы метались въ разбитыя окна домовъ, подъ крышами которыхъ искали спасенія.

Подъ градомъ снарядовъ самаго большаго калибра, спѣшили наши батальоны занять заранѣе указанныя имъ мѣста, чтобы поспѣть вовремя, если бы непріятель бросился на штурмъ.

Среди оглушительнаго рева выстрѣловъ, на колокольнѣ Владимірской церкви раздавался благовѣстъ колоколовъ, призывавшихъ къ заутрени. Прижавшись къ брустверу, солдаты крестились и читали вслухъ молитвы. Съ восходомъ солнца легкій вѣтерокъ разсѣялъ дымъ, и канонада загремѣла съ еще большею силою; французы продолжали стрѣлять залпами. Малаховъ курганъ былъ главнѣйшею цѣлію, въ которую направлялась большая часть ихъ выстрѣловъ. На всей Корабельной сторонѣ не было живаго мѣста, куда бы не падали снаряды. Обнажившіеся отъ дымной пелены, маленькіе ея домики, ярко освѣщенные восходящимъ солнцемъ и избитыя выстрѣлами зданія Александровскихъ казармъ представляли собою во многихъ мѣстахъ однѣ развалины. Цѣлыя тучи бомбъ, ракетъ, каленыхъ ядеръ падали въ слободкѣ, близъ морскаго госпиталя, въ Екатерининской улицѣ, на Театральной и Николаевской площадяхъ. Но вездѣ, гдѣ падаютъ снаряды, не замѣтно ни-

какой суеты: все идетъ своимъ чередомъ, каждый дѣлаетъ свое дѣло.

Бастіоны и батареи, въ особенности лѣваго фланга, были засыпаемы бомбами и ядрами. Мѣшки съ брустверовъ, щиты изъ амбразуръ, камни, фашины, человѣческіе члены,—все летѣло въ какомъ-то хаосѣ. Летавшіе другъ другу навстрѣчу снаряды сталкивались и разбивались на полетѣ. Пролетая въ городъ, они сбивали остатки каменныхъ фундаментовъ, поднимали страшную пыль и несли за собою массу каменьевъ, которые били людей какъ пули, или царапали лицо какъ иголками.

«Въ воздухѣ,—говоритъ участникъ,—раздавался какой-то нестройный гулъ, визгъ и шипѣнье. Бомбы присвистывали. Солдаты находили въ этомъ присвистываніи сходство съ вопросомъ: чьи вы, чьи вы, чьи вы?»

— Не тронь,—говорили они, разбѣгаясь со стороны:—мы дѣти Романова.

Въ Севастополѣ было много такихъ солдатъ, веселое расположеніе которыхъ не нарушалось ни при какихъ опасностяхъ. Остря, шутя и смѣясь подъ убійственнымъ огнемъ, они служили поддержкою для товарищей и были неоцѣнимы по своему нравственному вліянію.

— Эй, братцы, чья рука?—кричитъ одинъ изъ такихъ весельчаковъ, помахивая оторваннымъ членомъ:—чья рука, признавайся? а то ее въ госпиталь отправлю, больше не увидишь.

Огромная убыль въ людяхъ заставила прекратить всѣ работы, оставить только самые необходимые резервы и небольшія команды рабочихъ, для расчистки амбразуръ, починки платформъ и исправленія насыпей на пороховыхъ погребахъ.

Весь день канонада не прекращалась; она то нѣсколько уменьшалась, то закипала съ новою яростію.

Къ вечеру слѣды бомбардированія были слишкомъ замѣтны, какъ на нашей оборонительной линіи, такъ и въ непріятельскихъ батареяхъ. Наиболѣе другихъ пострадали Малаховъ курганъ, 2-й и 3-й бастіоны; почти половина амбразуръ были завалены, многія орудія подбиты, блиндажи разрушены, пороховые погреба взорваны. Лѣвый флангъ третьяго бастіона былъ такъ разбитъ, что брустверъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не закрывалъ головы. Наскоро воздвигнутые траверсы обрушились, и большая часть прислуги была переранена. На бастіонахъ кровь лилась рѣкою; для раненыхъ не хватало носилокъ, и къ полудню на одномъ третьемъ бастіонѣ выбыло изъ строя 300 человѣкъ прикрытія и 680 человѣкъ артиллерійской прислуги.

Осадныя батареи непріятеля потерпѣли не меньшій, если не большій вредъ отъ сосредоточенныхъ нашихъ выстрѣловъ; многія изъ нихъ принуждены были прекратить стрѣльбу и отказаться отъ состязанія. Съ наступленіемъ сумерекъ непріятель ослабилъ огонь.

Среди горячаго боя ни одинъ солдатъ не останавливался передъ опасностію, когда дѣло шло о спасеніи товарища или начальника. Вотъ рядовой Охотскаго полка, Трофимъ Бѣлоусовъ, ружейнымъ прикладомъ толкаетъ съ горы бомбу, упавшую у дверей пороховаго погреба и готовую разорваться; онъ спасаетъ погребъ отъ взрыва и 3-й бастіонъ отъ значительныхъ поврежденій. Вотъ два рядовыхъ Полтавскаго полка, Григорій Ткаченко и Семенъ Копальскій, закрывающіе собою начальника 8-й пѣхотной дивизіи, генералъ-адъютанта князя Урусова. Рядовые эти были постоянными вѣстовыми генерала и слѣдовали за нимъ повсюду. Въ самый разгаръ бомбардированія князь Урусовъ, проходя по одной изъ частей оборонительной линіи, увидавъ упавшую въ нѣсколькихъ шагахъ

бомбу, закричалъ: «Ложись!» Въ это время Ткаченко и Копальскій бросились къ генералу и прикрыли его собою отъ осколковъ. Бомбу разорвало—и одного изъ молодцовъ сильно ушибло осколкомъ камня.

Такихъ героевъ было много; называть ихъ по именамъ—значило бы переименовывать всѣхъ участниковъ дост славной обороны.

Французы истощали всѣ усилія, чтобы довести бомбардированіе до послѣдней крайности. «Это былъ,—говоритъ очевидецъ,—адскій фейерверкъ, и ничего прекраснѣе не могъ изобрѣсть и представить въ продолженіе сутокъ на потѣху аду самъ торжествующій сатана».

Прекращеніе огня нашихъ батарей поселило въ непріятелѣ увѣренность, что происходившая наканунѣ канонада произвела обвалы въ нашихъ насыпяхъ и сдѣлала ихъ удободоступными. Полагая, что укрѣпленія разрушены и рвы завалены, союзники рѣшились на штурмъ Корабельной стороны.

Для атаки назначалось около 34.000 человѣкъ французовъ и 9.000 англичанъ. Французы должны были атаковать Малаховъ курганъ, 1-й и 2-й бастіоны, а англичане приняли на себя штурмъ 3-го бастіона.

Около 2-хъ часовъ ночи, залегшій въ секретѣ Брянскаго полка подпоручикъ Хрущевъ донесъ командующему войсками 5-го отдѣленія, свиты Его Величества генералъ-маіору князю Урусову, что въ лежащемъ передъ 1-мъ бастіономъ Киленъ-балочномъ оврагѣ, или Киленъ-балкѣ, видны значительныя непріятельскія силы. Отославъ обратно Хрущева для дальнѣйшихъ наблюденій, князь Урусовъ приказалъ ударить тревогу, которая и была принята по всей лѣвой половинѣ оборонительной линіи.

Съ первыми звуками барабана все пришло въ движеніе, все спѣшило на назначенныя мѣста.

Былъ третій часъ ночи, когда непріятельскія батареи вдругъ смокли...

Прекращеніе огня и наступившая тишина были по всей вѣроятности приняты Мейраномъ *) за сигналъ для начала штурма, и онъ преждевременно двинулся впередъ. Тщетно говорили ему, что онъ ошибается, что сигнала еще не было и атаку начинать рано, но Мейранъ повторилъ свое приказаніе идти на приступъ. Показалась густая цѣпь непріятельскихъ стрѣлковъ, поддерживаемая сильными резервами, и вслѣдъ затѣмъ французы бросились на штурмъ 1-го и 2-го бастіоновъ, съ ихъ промежуточными батареями.

Штурмующіе были встрѣчены батальнымъ и картечнымъ огнемъ, который значительно разстроилъ французовъ. Не дойдя шаговъ тридцати до 2-го бастіона, французы остановились, смѣшались и, разсыпавшись за камнями и холмами, открыли частый ружейный огонь. Немного спустя, они вторично бросились въ атаку, но опять не выдержали картечнаго и ружейнаго огня, при которомъ генералъ Мейранъ, получившій уже двѣ раны и вновь пораженный картечью, принужденъ былъ оставить командованіе дивизіею. Французы повернули назадъ и окончательно отступили, оставивъ въ нашихъ рукахъ 52 человѣка плѣнныхъ, много штурмовыхъ лѣстницъ, фашинъ и сапернаго инструмента.

Разсвѣтало. Съ непріятельской батареи брызнула струя бѣлаго огня, а за нею поднялся цѣлый снопъ сигнальныхъ ракетъ. Достигнувъ до высоты, ракеты разсыпались разноцвѣтными огоньками, какъ брилліантовыми искрами. Это былъ сигналъ къ атакѣ остальныхъ укрѣпленій Корабельной стороны.

Изъ непріятельскихъ траншей вышла густая цѣпь стрѣл-

*) Начальникъ французской колонны.

Контръ-Адмиралъ Панфиловъ.

Начальникъ 3 отдѣленія оборонительной линіи (3-го бастіона).

ковъ, охватившая весьма значительное пространство. Имѣя впереди охотниковъ съ лѣстницами и поддерживаемая сильными колоннами, цѣпь быстро двинулась на штурмъ Малахова кургана и прилегающихъ къ нему батарей. Въ то же время показалась блестящая свита союзныхъ главнокомандующихъ. Солнце взошло на горизонтѣ и первыми лучами ярко освѣтило поле битвы.

Завидя штурмующихъ, прикрытіе батарей въ одинъ мигъ вскочило на банкеты и, выросши на нихъ грозною сплошною стѣною, ожидало приближенія непріятеля. Все смолкло, окаменѣло; въ воздухѣ было тихо и торжественность минуты не нарушалась вначалѣ ни возгласами, ни криками. Картечь, какъ горохъ, запрыгала по полю, по которому наступали французы и англичане. Малаховъ курганъ опоясался пламенною лентою; огненная рѣка лилась по всей лѣвой половинѣ оборонительной линіи; нашъ ружейный огонь усиливался ежеминутно, не прерываясь ни на мгновеніе,

На всемъ протяженіи непріятельскихъ траншей, впереди Малахова кургана, быстро двигалась густая, чернѣвшая лавина непріятельскихъ колоннъ. Офицеры съ саблями наголо шли впереди и указывали на наши батареи,—цѣль ихъ настоящаго движенія, а съ батарей молча и безъ крика «ура!» отважные бойцы Севастополя сыпали пули.

Страшно было за Севастополь, страшно за его защитниковъ. Всѣ, кто только не принималъ непосредственнаго участія въ отраженіи штурма, съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдили за сходившимися врагами. Старый и малый, больной и здоровый, военный и мирный торговецъ—всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали развязки.

Несмотря на жестокій огонь, французы на этотъ разъ смѣло шли въ атаку: они прошли волчьи ямы, добрались

до рва и стали взбираться на валъ; но здѣсь были встрѣчены штыками нижнихъ чиновъ Владимірскаго, Суздальскаго, Селенгинскаго и Якутскаго полковъ. Первый взобравшійся на валъ молодой офицеръ былъ пробитъ двумя пулями въ грудь и поднятъ на штыки; другой, окруженный со всѣхъ сторомъ, бросилъ свою саблю и взятъ въ плѣнъ; нѣсколько солдатъ заколоты штыками, другіе сброшены въ ровъ, остальные отхлынули и, залегши въ ямахъ, осыпали пулями вскочившихъ на валъ нашихъ солдатъ.

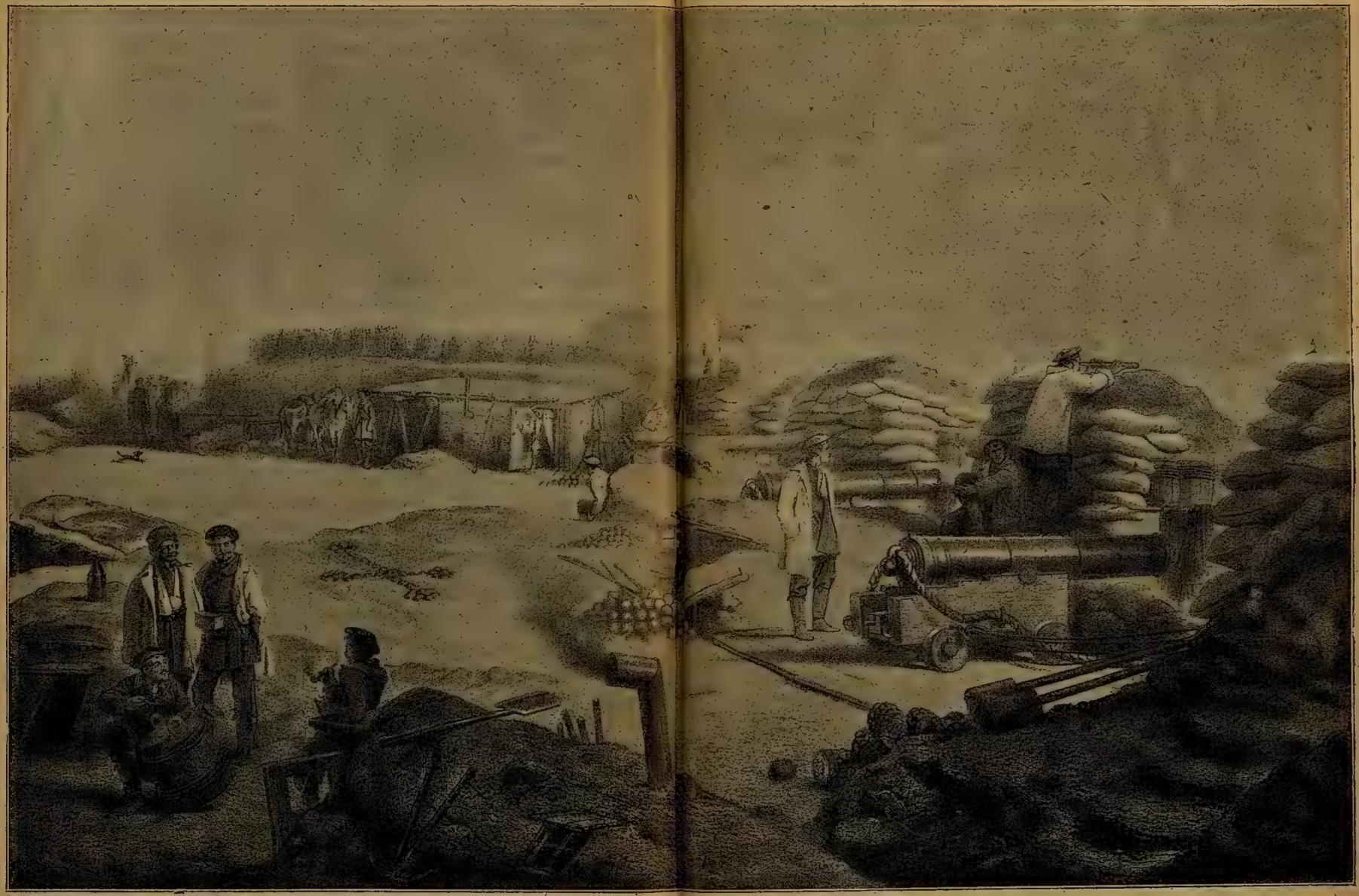
— Камнями ихъ, ребята!—крикнулъ маіоръ Якутскаго полка Степановъ, и градъ камней полетѣлъ на головы залегшаго непріятеля.

Не выдержали французы; побросавъ лѣстницы, они въ безпорядкѣ отступили въ свои траншеи, оставивъ на мѣстѣ боя цѣлыя сотни товарищей убитыми или ранеными.

«Вопли попавшихъ въ волчьи ямы, стоны умирающихъ, проклятія раненыхъ, крикъ и ругательства сражающихся, оглушительный трескъ, громъ и вой выстрѣловъ, лопающихся снарядовъ, батальнаго огня, свистъ пуль, стукъ оружія—все смѣшалось въ одинъ ужасный, невыразимый ревъ, называемый *шумомъ битвы*, въ которомъ слышался, однако, и исполнялся командный крикъ начальника, сигнальная труба, дробь барабана!..

Послѣ первыхъ неудачъ, французы два раза пытались штурмовать 2-ой бастіонъ, но, не пройдя и половины разстоянія, возвращались обратно въ свои траншеи. Полки ихъ, двинувшись на приступъ Малахова кургана, дѣйствовали нѣсколько удачнѣе, хотя въ концѣ-концовъ и они потерпѣли пораженіе.

Французы шли на Малаховъ двумя колоннами: одна направилась на самый курганъ, а другая—на прилегавшую къ кургану батерею Жерве. Первая колонна не дошла до



Внутренность батареи Малахова кургана, на которой убитъ Корниловъ.

кургана 100 шаговъ и принуждена была вернуться назадъ въ траншеи.

Французы покушались-было вторично броситься на приступъ, но были отражены съ огромной потерей. Картечный огонь полевыхъ орудій, поставленныхъ на курганѣ, наносилъ жестокое пораженіе непріятелю, осыпавшему всю отлогость кургана своими тѣлами.

Между тѣмъ колонна, направленная на батарею Жерве, несмотря на учащенный ружейный огонь, ворвалась въ укрѣпленіе. Небольшая насыпь батареи, не имѣвшая передъ собою въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже и рва, не могла представить серьезнаго сопротивленія атакующимъ. Французы вскочили на валъ и, тѣсня нашихъ, стали проникать внутрь батареи.

9.000 человѣкъ англичанъ были направлены противъ трехъ малочисленныхъ полковъ: Охотскаго, Брянскаго, Камчатскаго и своднаго батальона изъ Волынскаго и Минскаго полковъ, расположенныхъ на весьма значительномъ пространствѣ.

Англичане вышли изъ своихъ траншей тогда, когда французы были въ самомъ жаркомъ огнѣ. Впереди всѣхъ двигались стрѣлки, за ними шли команды изъ матросовъ, съ лѣстницами, фашинами и солдаты съ мѣшками, наполненными шерстью. Вдали виднѣлись три приближавшіяся колонны, расположенныя въ двѣ линіи.

Съ первымъ движеніемъ непріятеля, начальникъ 3-го отдѣленія оборонительной линіи, контръ-адмиралъ Панфиловъ, приказалъ открыть огонь картечью, а командовавшій войсками генералъ-маіоръ Лысенко, вскочивъ на брустверъ, вызвалъ туда и нижнихъ чиновъ Брянскаго полка.

— Сюда, сюда, ко мнѣ:—говорилъ онъ,—здѣсь ваше мѣсто!

Картечные выстрѣлы и ружейный огонь заглушили послѣд-

нія слова храбраго начальника, служившаго примѣромъ своимъ подчиненнымъ.

Разстояніе отъ траншей до бастіона, которое приходилось пройти англичанамъ, было довольно значительно (около 100 саженъ), а потому не легко было пройти его подъ такимъ губительнымъ огнемъ.

Несмотря на ужасное дѣйствіе картечи, густая цѣпь атакующихъ сначала шла довольно смѣло, но потомъ среди нея стало замѣтно нѣкоторое колебаніе.

Передовые, бросивъ лѣстницы и фашины, подались назадъ; другіе легли на землю за разными закрытіями; но потомъ, устроившись, вторично бросились въ атаку и могли дойти только до засѣкъ, расположенныхъ передъ бастіономъ и образовавшихъ выпуклую дугу передъ исходящимъ угломъ укрѣпленія. Дальше засѣкъ никто изъ англичанъ не проникалъ. Картечный и ружейный огонь повалилъ передніе ряды ихъ, остальные смѣшались. Одна часть легла на землю и, прикрываясь засѣками, открыла стрѣльбу по амбразурамъ, другая — стала разбирать засѣки. Частый огонь съ бастіона дѣлалъ работу эту невозможною, и англичане, видя, что не въ силахъ разобрать противопоставленныхъ имъ преградъ, поспѣшно отступили въ свои траншеи. Оттуда вышла новая колонна, которая точно такъ-же, дойдя до засѣкъ, принуждена была возвратиться съ большими потерями.

Попытка англичанъ атаковать промежуточныя батареи также не увѣнчалась успѣхомъ. Роты Охотскаго полка, защищавшія эти батареи, каждый разъ отбивали штурмующихъ съ большимъ урономъ.

Съ отступленіемъ англичанъ стихли ружейные выстрѣлы на 3-мъ бастіонѣ; только орудія не прекращали своей дѣятельности, провожая незваныхъ гостей. Защитники вздохнули

свободнѣе, радостнѣе; имъ оставалось только прогнать непріятеля, ворвавшагося на батарею Жерве и засѣвшаго въ домикахъ, разбросанныхъ по всему правому скату Малахова кургана.

На мѣсто дѣйствій прибылъ начальникъ войскъ Корабельной стороны, генералъ-лейтенантъ Хрулевъ.

Видя, что полтавцы отступаютъ, онъ остановилъ ихъ.

Ребята, стой!—закричалъ Хрулевъ: —дивизія идетъ на помощь.—Скажите Павлову,—сказалъ онъ громко одному изъ ординарцевъ,—чтобъ велъ сюда свою дивизію.

Благодатнымъ вѣтромъ пахнули на солдатъ эти слова начальника, котораго каждый зналъ въ лицо. Всѣ остановились... Одинъ изъ матросовъ, наиболѣе рѣшительный, рванулся къ сторонѣ непріятеля.

— Ну, ребята, навались!—крикнулъ онъ.

— Навались, ребята!—повторилъ Хрулевъ, понимая всю силу этого жгучаго слова.

— Навались! навались!—загремѣло въ толпѣ, и все бросилось впередъ.

Въ это время Хрулевъ увидѣлъ 5-ю (потомъ 7-ю) роту Сѣвскаго полка, возвращавшуюся съ работъ. Въ ней было всего 138 человѣкъ, подъ командою штабсъ-капитана Островскаго. Сѣвцы, возвращаясь съ работъ, шли съ лопатами въ рукахъ и съ ружьями за спиною.

— Какого полка?—спросилъ Хрулевъ.

— Сѣвскаго пѣхотнаго!—отвѣчали солдаты.

— Ребята, бросай лопаты!—крикнулъ имъ Хрулевъ.

Сѣвцы въ одинъ мигъ схватились за ружья.

— Благодѣтели мои, въ штыки, за мною!—произнесъ Хрулевъ, обращаясь къ Сѣвцамъ и самъ кидаясь впередъ.

Воодушевленные послѣдними словами и предводимые храбрымъ ротнымъ командиромъ, штабсъ-капитаномъ Островскимъ

*

Сѣвцы безъ выстрѣла бросились въ штыки, отбросили непріятеля назадъ и открыли перестрѣлку съ французами, засѣвшими въ домикахъ.

На помощь Сѣвцамъ подбѣжала часть Полтавцевъ съ капитаномъ Боркомъ,—и на этомъ мѣстѣ закипѣлъ упорный рукопашный бой.

Французы, скрываясь въ домикахъ, поражали нашихъ навыборъ; чтобы выбить ихъ оттуда, приходилось брать *приступомъ* каждый домикъ отдѣльно. Трудно было сладить съ непріятелемъ, который, ожидая прибытія помощи, дрался отчаянно. Перестрѣлка продолжалась однако же недолго.

— Что зѣвать, ребята,—сказалъ штабсъ-капитанъ Островскій,—впередъ!—и бросился къ одному изъ ближайшихъ домиковъ.

Солдаты не выдали; они кинулись за своимъ начальникомъ но скоро лишились его: капитанъ Островскій палъ при первыхъ выстрѣлахъ непріятеля, и начальство надъ ротою принялъ подпоручикъ Келлеръ. Засѣвшіе въ домѣ французы открыли изъ всѣхъ отверстій самый частый штуцерной огонь; но какъ ни валились наши, Сѣвцы все-таки достигли до домика, разнесли его въ щепы и уничтожили враговъ всѣхъ до единаго.

Примѣру Сѣвцевъ послѣдовали многіе,—и въ мигъ каждый отдѣльный домикъ сталъ мѣстомъ ужасной свалки. Бой сдѣлался общимъ и раздѣлился на сотню отдѣльныхъ картинъ. Во одномъ мѣстѣ солдаты взлѣзали на крышу, разрушали ее и поражали непріятеля обломками трубы, бревнами и черепицею; въ другой—бросали огонь въ трубу, совали пуки зажженной соломы въ крышу и окна.

— Сожжемъ, сдавайся!—кричали они французамъ.

Тѣ, не понимая словъ, но видя угрожающую опасность

Генералъ-Лейтенантъ Хрулевъ.

Начальникъ 1 и 2 отдѣленія оборонительной линіи.

отъ огня, растворяли двери, бросали ружья и сдавались военноплѣнными.

Въ иныхъ домикахъ солдаты выламывали двери, бросались внутрь хаты и сталкивались грудью съ непріятелемъ.

— Проси пардонъ! — кричали ворвавшіеся: — крѣпость взята!

Въ отвѣтъ на это гремѣли выстрѣлы, сыпались удары штыкомъ, прикладомъ или камнемъ.

— Э, такъ вы драться, да еще въ чужой хатѣ!—кричали наши.—Души ихъ!

И передушили всѣхъ до единаго.

Домикъ за домикомъ переходили во власть нашу. Французы, очищая ихъ, отступали. На мѣсто боя явилось шесть ротъ Якутскаго полка, приведенныхъ генералъ-лейтенантомъ Павловымъ. Двѣ роты съ маіоромъ Новашинымъ ударили съ фронта, а четыре, подъ начальствомъ полковника Аленникова, съ лѣваго фланга, и непріятель былъ окончательно опрокинутъ. Якутцы гнали его до батареи Жерве. Эта батарея, на которой одно орудіе уже было обращено противъ насъ, была вновь занята нами.

Видя себя окруженными съ трехъ сторонъ, французы пытались-было взорвать пороховой погребъ. Двое изъ нихъ, выхвативъ у убитаго матроса зажженный пальникъ, бросились къ дверямъ погреба, но были остановлены и заколоты рядовымъ Якутскаго полка, Дорофеемъ Музиченко.

— Э, братцы, шалишь!—кричалъ Музиченко:—сюда не суйся, пошелъ-ка догоняй своихъ:—приговаривалъ онъ, работая штыкомъ.

Французы быстро отступали; кто перелѣзалъ черезъ валъ, кто бросился въ амбразуры; но и здѣсь ихъ ожидали штыки нашихъ солдатъ. Впереди всѣхъ стоялъ рядовой Сѣвскаго

полка Ищукъ. Штыкомъ онъ хватилъ одного—штыкъ сломался, прикладомъ уходилъ другого—прикладъ пополамъ. Бросивъ обломки ружья, онъ схватилъ пыжевникъ и крошилъ имъ направо и налѣво.

— Погодите, куда же вы... гости, гости! — кричалъ Ищукъ,— что-жъ, аль въ двери не попали, что въ окна (амбразуры) уходите!

Солдаты, въ восторгѣ отъ побѣды, хохотали надъ остротами Ищука, кололи защищавшихся, гнали бѣгущихъ. Увлеченные успѣхомъ, они сами выскакивали въ амбразуры и преслѣдовали непріятеля за бруствером. Генералъ Хрулевъ напрасно приказывалъ трубить отступленіе.

— Отберемъ Камчатку! —кричали одни, не слушая сигнала.

— Бить саранчу проклятую на смерть, нечего отступать! — кричали другіе, упоенные успѣхомъ.

Подполковникъ Новашинъ и другіе начальники должны были сами бѣжать за укрѣпленія и съ трудомъ остановили преслѣдовавшихъ.

Преслѣдованіе могло быть гибельнымъ для насъ. Французы готовили новыя и значительныя силы для штурма. Они могли по пятамъ горсти преслѣдователей ворваться на батарею. Все это вынуждало нашихъ начальниковъ приказывать отступать какъ можно скорѣе. И, дѣйствительно, едва только солдаты стали подходить ко рву, какъ изъ укрѣпленій закричали: «Идутъ, опять идутъ»!

Въ это время офицеры пѣхотныхъ полковъ, видя, что на батареѣ Жерве, во время штурма, прислуга при орудіяхъ почти вся перебита, поставили къ орудіямъ своихъ солдатъ.

— Сюда, ребята,—кричали они:—кто бывалъ въ артиллеріи!

Солдаты подбѣжали къ орудіямъ,—и заревѣли выстрѣлы навстрѣчу наступавшимъ. Три раза бросались французы на

штурмъ батареи Жерве, но каждый разъ были отбрасываемы картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Понеся значительныя потери, они не доходили и половиннаго разстоянія до батареи, возвращались назадъ, снова двигались впередъ—и, наконецъ, скрылись въ своихъ траншеяхъ...

Множество французовъ и англичанъ, живыхъ и здоровыхъ, спасаясь отъ нашего огня, притворялись мертвыми и залегали въ разныхъ яминахъ, чтобы, дождавшись прекращенія картечнаго и оружейнаго огня, бѣжать въ свои траншеи. «Преинтересно было смотрѣть»,—говоритъ очевидецъ: «какъ изъ какой-нибудь ямы вдругъ выскочитъ человѣкъ десять французовъ съ ружьями наперевѣсъ; а иные, бросивъ всякое оружіе, почти прилягутъ къ землѣ и пустятся, что ни есть духу, бѣжать къ своимъ траншеямъ, а наши такъ и грянутъ имъ со всѣхъ сторонъ въ догонку».

Предпринимая штурмъ, союзники были такъ увѣрены въ успѣхѣ, что саперамъ дана была особая инструкція и указаны работы, которыя должны быть произведены по овладѣніи казармами и госпиталемъ; кромѣ различныхъ инструментовъ, саперамъ приказано было имѣть мѣшки съ порохомъ, для взрыванія тѣхъ частей строеній, гдѣ наши войска будутъ держаться съ наибольшимъ упорствомъ.

Увѣренность, что укрѣпленія и городъ будутъ взяты, была всеобщею между солдатами союзныхъ войскъ. Англичане запаслись различными закусками, чтобы позавтракать въ Севастополѣ; раненый и взятый въ плѣнъ французскій офицеръ говорилъ, что напрасно заботятся о его перевязкѣ, что Севастополь черезъ полчаса будетъ въ рукахъ его товарищей, и тогда соотечественники перевяжутъ его.

Одинъ французскій капралъ, ворвавшійся въ числѣ прочихъ на батарею Жерве, бросивъ ружье, пошелъ дальше на

Корабельную и, дойдя до церкви Бѣлостокскаго полка, преспокойно сѣлъ на паперть. Въ пылу горячаго боя, его никто не замѣтилъ, но потомъ одинъ изъ офицеровъ спросилъ, что онъ здѣсь дѣлаетъ.

— Жду своихъ:—отвѣчалъ онъ спокойно.—Черезъ четверть часа наши возьмутъ Севастополь.

Ожиданія его оказались напрасными, и союзники не достигли того, что считали несомнѣннымъ.

Было только 7-мь часовъ утра, когда штурмъ былъ отбитъ на всѣхъ пунктахъ, и славный день 6-го іюня 1855 года, покрывшій лавровымъ вѣнкомъ бойцовъ Севастопольскихъ, принадлежалъ исторіи геройскихъ подвиговъ, совершенныхъ вѣрными сынами Россіи...

Бомбардированіе 5-го іюня и штурмъ 6-го стоили значительныхъ потерь какъ намъ, такъ и союзникамъ. Въ теченіе этихъ двухъ дней было выпущено съ оборонительной линіи 19.000 снарядовъ, тогда какъ непріятель израсходовалъ около 62.000 снарядовъ.

Потеря гарнизона въ оба дня состояла изъ 5.446 человѣкъ. Въ 5-й (потомъ 7-й) мушкетерской ротѣ Сѣвскаго полка, покрывшей себя безсмертной славою въ этомъ жаркомъ бою, осталось на лицо послѣ штурма только 33 человѣка. Союзники также не досчитывались въ своихъ рядахъ 6.700 человѣкъ и лишились трехъ генераловъ убитыми и пяти ранеными. Наибольшую потерю они понесли во время штурма. Все пространство впереди оборонительной линіи было усѣяно тѣлами убитыхъ.

— Зацвѣло поле!—говорили наши солдаты, поглядывая на разноцвѣтные мундиры разноплеменныхъ враговъ.

На бастіонахъ весело разсуждали о томъ, какъ шелъ супостатъ на приступъ, какъ пошатнулся онъ, заболтался и показалъ пятки.

— Смотри-ка, братцы,—сказалъ одинъ изъ брянцевъ, высунувшись изъ-за вала:—батюшки мои свѣты, сколько народу-то мы повалили!

— Царство имъ небесное,—замѣтилъ его товарищъ постарше лѣтами:—эти на новый штурмъ не полѣзутъ, а всякій павшій воинъ, будь онъ свой или вражій, вѣнца небеснаго достоинъ.

— Вѣстимо, достоинъ!—замѣтили товарищи, и нѣсколько рукъ поднялось, чтобы сотворить крестнее знаменіе...

Дивенъ русскій солдатъ! грозный въ минуты битвы,—онъ лучшій защитникъ побѣжденнаго. Недаромъ же въ русскомъ народѣ сложилась поговорка: «лежачаго не бьютъ». Завидѣвъ дерзкаго врага, онъ хладнокровно цѣлитъ въ его колонны, встрѣчаетъ его штыкомъ, прикладомъ, камнемъ; но стихнетъ битва—и безстрашный защитникъ молится за убитаго врага, или, подъ градомъ пуль, ползетъ съ манеркою въ рукахъ, чтобы утолить жажду или спасти раненаго непріятеля. Французы молча смотрѣли изъ своихъ траншей на подобныхъ смѣльчаковъ, маханіемъ шапокъ и другими жестами благодарили за участіе къ ихъ страдающимъ товарищамъ; англичане поступали иначе: они стрѣляли по нашимъ солдатамъ, не обращая вниманія на крики своихъ раненыхъ и просьбы ихъ прекратить огонь. Несмотря на то, наши солдаты подбирали тѣхъ, кто былъ поближе. Но ихъ было слишкомъ много; все пространство между непріятельскими траншеями и атакованными батареями было завалено тѣлами.....

Убитые лежали на валахъ и во рвахъ укрѣпленій: ихъ даже подбирали и за укрѣпленіями, въ Корабельной слободкѣ.

Съ отступленіемъ атакующихъ, обѣ стороны открыли канонаду по всей линіи укрѣпленій. Опять загремѣли выстрѣлы, полетѣли бомбы, вырывавшія новыя жертвы. Потери отъ этой

канонады были значительны; постоянно носили раненыхъ, баркасъ за баркасомъ, съ печальнымъ грузомъ, отваливалъ отъ Павловскаго мыска и направлялся на Сѣверную сторону къ «братскимъ могиламъ». Для уменьшенія убыли, войска на бастіонахъ были расположены за различными прикрытіями, а резервы отодвинуты назадъ. Къ вечеру канонада стала стихать.

На слѣдующее утро, по приглашенію начальника третьяго отдѣленія оборонительной линіи, контръ-адмирала Панфилова, былъ отслуженъ на третьемъ бастіонѣ благодарственный молебенъ.

VIII.

Севастополь послѣ отбитія штурма 6 іюня.—Жизнь на бастіонахъ.—Смерть Нахимова.—Большія и малыя вылазки.—Неудача на рѣкѣ Черной.—Барабанщикъ Реутовичъ.—Рядовой Щелкуповъ.—Пятидневное бомбардированіе 5 августа.—Шестое бомбардированіе 24 августа.—Штурмъ 27 августа.—Отступленіе войскъ на Сѣверную сторону.

Прошло слишкомъ девять мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ взоры всего свѣта обратились на Севастополь и его храбрыхъ защитниковъ. Флоты двухъ величайшихъ морскихъ державъ и сухопутныя арміи четырехъ сильнѣйшихъ государствъ разбивались о живыя стѣны русскихъ солдатъ, защищавшихъ городъ, укрѣпленный въ началѣ осады только съ морской стороны, а съ сухаго пути имѣвшій лишь незначительныя земляныя насыпи.

Въ теченіе девяти мѣсяцевъ осады, союзники удивили свѣтъ тѣмъ, что бросили въ городъ болѣе полумилліона бомбъ и ядеръ самаго большаго калибра; русскіе удивили всѣхъ своею стойкостію, мужествомъ и безустанною дѣятельностью. Отборные воины Франціи, Англіи, Турціи и Сардиніи, по собственному ихъ сознанію, въ теченіе девяти мѣсяцевъ успѣли отвоевать себѣ такое пространство русской земли, «которое можно было бы

окружить ремнями, нарѣзанными изъ одной воловьей шкуры», и для этого неважнаго успѣха пожертвовали милліонами золота и десятками тысячъ людей.

Съ паденіемъ трехъ передовыхъ укрѣпленій, въ городѣ, за исключеніемъ Николаевской площади, не было уже безопаснаго мѣста. Куда прежде залетали только ракеты, теперь стали тамъ появляться бомбы, ядра и пули.

Въ эту горячую пору всѣ просились на оборонительную линію, на батареи и бастіоны, и никто не хотѣлъ оставаться въ городѣ. Здѣсь каждый точно также подвергался ежеминутной опасности быть убитымъ, безъ всякой славы для себя и безъ всякой пользы для отечества.

— Если уже суждено быть убитому, — говорили защитники,—то пусть постигнетъ эта участь при исполненіи долга, въ первой передъ непріятелемъ линіи, нежели на прогулкѣ, во время сна, или гдѣ-нибудь еще того хуже.

Назначеніе на оборонительную линію принималось съ радостію, и переселеніе совершалось быстро, хотя и съ нѣкоторыми затрудненіями въ пути. Приходилось идти по траншейкамъ и открытому мѣсту, по подземной галлереѣ и разными зигзагами, проталкиваться между командами солдатъ, собирающихся на ночныя работы, и рисковать на каждомъ шагу наткнуться на штыкъ, если путешествіе совершалось вечеромъ. Падающіе снаряды заставятъ, бывало, не одинъ разъ поклониться своему новому мѣсту служенія.

Ночная тишина нарушается рѣдкимъ полетомъ бомбы или ядра да свистомъ пули, то звенящей, какъ струна, то отрывисто пощелкивающей, попадая во что-нибудь твердое. Въ глубинѣ батареи тянется смѣна солдатъ, назначенныхъ въ прикрытіе. Солдаты, выдѣляясь изъ рядовъ, поодиночкѣ подбѣгаютъ къ освѣщенному батарейному образу.

Теплящіяся у божницы восковыя свѣчи бросаютъ вокругъ причудливый матовый свѣтъ, полуобрисовывая лишь на ночномъ фонѣ энергическія спокойныя лица подходящихъ молиться солдатъ. «Осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, каждый изъ нихъ творилъ краткую молитву, иногда тихо, иногда, во весь голосъ, а потомъ, задумчиво отодвинувшись назадъ, совершенно терялся во мракѣ». Картина эта въ особенности ночью, во время перестрѣлки, среди растерзанныхъ труповъ, вздоховъ изувѣченныхъ страдальцевъ, дѣйствовала какъ-то успокоительно на защитниковъ. Къ образамъ обыкновенно сносили всѣхъ убитыхъ и тяжело раненыхъ въ продолженіе ночи, клали ихъ на землю въ одну линію, и весьма часто солдаты всовывали въ руки каждаго убитаго по восковой свѣчѣ. Въ такомъ положеніи они лежали до утра, а затѣмъ пріѣзжали фурштатскіе фуры, «накладывали трупы и уходили отъ выстрѣловъ, теряя по дорогѣ мертвецовъ». Эти сцены не безпокоили присутствующихъ на бастіонѣ, и они, не обращая вниманія на происходившее, продолжали свое обычное занятіе.

Возлѣ амбразуры сидитъ матросъ, покуривая трубку и мурлыча себѣ подъ носъ; въ отдаленіи видны нѣсколько человѣкъ лежащихъ солдатъ. Они совершенно покойны. Гдѣ же ужасы осады?—спросите вы, смотря на эти спокойныя лица. А вотъ, пойдите къ амбразурѣ, завѣшанной тросовымъ щитомъ.

— Здѣсь не ходите, ваше благородіе,—скажетъ вамъ сидящій возлѣ матросъ,—какъ бы того...

— А что такое?—спросите вы.

— Пульки-съ!—проговоритъ онъ сквозь зубы, какъ бы нехотя.

— Ну, такъ что жъ?

— Да, вишь, какъ садитъ-то; эта амбразура не хорошее мѣсто.

Въ самомъ дѣлѣ, пули такъ и барабанятъ по тросовому щиту; иная прорвется внутрь бастіона и зазвучитъ какъ струна, тонкимъ, пріятнымъ звукомъ.

— А какъ же ты сидишь?—спроситъ подошедшій.

— Мы вѣдь здѣшніе... проговоритъ онъ совершенно равнодушно, попрежнему потягивая трубочку и сплевывая на сторону.

Разсвѣтаетъ. Солдаты, оставивъ дежурныхъ у орудій, отправляются отдыхать: одни въ блиндажъ, другіе въ разныя подѣланныя ими норки и конуры. Прикрытіе также сходитъ съ банкета, оставляя тамъ однихъ штуцерныхъ.

Съ наступленіемъ дня все оживаетъ на бастіонѣ: въ разныхъ направленіяхъ работаютъ солдаты: кто чинитъ амбразуры, кто платформу, а тамъ замѣняютъ разбитые туры новыми. У входа въ блиндажъ видны офицеры: одинъ сидитъ на картечи для бомбоваго орудія и читаетъ книгу; другой помѣстился возлѣ, на обрѣзкѣ дерева, и то съ наслажденіемъ тянетъ черезъ соломинку лимонадъ, то напѣваетъ любимую пѣсенку; въ сторонѣ сидятъ два солдата, изъ которыхъ одинъ тачаетъ сапоги, другой, усталый и измученный, тянетъ изъ-за голенища чубукъ и трубку. По площадкѣ расхаживаетъ нѣсколько куръ и пѣтухъ, содержимые солдатами въ полномъ довольствѣ. На батареѣ Шварца былъ знаменитый пѣтухъ, прозванный Пелисеевымъ (Пелисье — французскій главнокомандующій). Однажды бомба такъ напугала Пелисеева, что онъ съ ужаснымъ крикомъ перелетѣлъ черезъ валъ и скатился въ ровъ. Недолго думая, молодой матросъ бросился спасать офицерскаго пѣтуха. Не обращая вниманія на сыпавшіяся пули, онъ вскочилъ въ амбразуру и, подобно пѣтуху, тѣмъ же путемъ покатился въ ровъ. Французы, увидя изъ своихъ траншей всю эту продѣлку, прекратили огонь, захлопали въ ладоши сначала пѣтуху, а потомъ и матросу. — Пелисеевъ былъ спасенъ и долго потомъ

расхаживалъ по батарейной площадкѣ, служа предметомъ забавы для солдатъ въ ихъ однообразной жизни.

Продѣлки, подобныя той, которую выкинулъ матросъ, догоняя пѣтуха, повторялись нерѣдко. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Былъ май мѣсяцъ. Въ ложементахъ нашихъ, возведенныхъ передъ третьимъ бастіономъ, сидѣла команда штуцерныхъ Камчатскаго егерскаго полка.

— Смотри, смотри,—закричалъ егерь Евсѣевъ: что-сь катится мимо!

— Чего тебѣ катится? аль не видишь—заяцъ бѣжитъ.

— Катай его, Кузнецовъ:—на тебя бѣжитъ!

— Не замай его,—замѣтилъ четвертый солдатъ:—можетъ оборотень какой...

Но Кузнецовъ прицѣлился: выстрѣлъ грянулъ—и заяцъ убитъ.

Въ англійскихъ ложементахъ послышался смѣхъ.

Заяцъ лежалъ на срединѣ между нашими и непріятельскими ложементами.

Ефимъ Кузнецовъ *) перекрестился и, въ слѣдъ за выстрѣломъ, схватилъ у товарища заряженный штуцеръ, выскочилъ изъ ложемента и побѣжалъ къ убитому зайцу. Командующій отдѣленіемъ унтеръ-офицеръ и опомниться не успѣлъ, какъ Кузнецовъ былъ уже за валомъ. Наши и англичане забыли на время перестрѣлку, высунулись изъ ложементовъ и смотрѣли на удальца. Кузнецовъ схватилъ зайца за заднія ноги, поднялъ ружье на-изготовку и сталъ задомъ отходить къ своимъ ложементамъ.

*) Ефимъ Кузнецовъ, штуцерникъ 11-й егерской роты Камчатскаго егерскаго полка, изъ крестьянъ Калужской губерніи, Перемышльскаго уѣзда, деревни Филатова.

Генералъ-Маіоръ Тимофеевъ.

Начальникъ 5 отдѣленія оборонительной линіи (Селенгинскаго, Волынскаго и Камчатскаго редутовъ).
Убитъ 26 мая 1855 года.

Англичане встрѣтили смѣлую выходку удалаго егеря единодушнымъ «ура!» и хлопали въ ладоши. Кузнецовъ пріостановился, снялъ шапку и, показавъ врагамъ зайца, скрылся въ ложементахъ.

Головы спрятались, — перестрѣлка закипѣла.

Кузнецовъ представилъ зайца командиру полка—и посыпались рубли удалому стрѣлку... А Кузнецовъ? Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ и понять не могъ, — гдѣ жь тутъ молодечество: убилъ зайца,—извѣстное дѣло, не бросать же убитаго звѣря!..

Такъ разнообразили штуцерники свое скучное сидѣнье въ ложементахъ. На четвертомъ бастіонѣ почти въ то же самое время явился большой бумажный змѣй, который долго леталъ надъ французскими батареями, вызывая со стороны непріятеля батальный огонь и всеобщій смѣхъ. На другихъ пунктахъ оборонительной линіи появлялись на валу батарей на одномъ мельница, на другомъ—солдатъ, ворочающійся по вѣтру, а на третьемъ—пильщикъ, установленный такъ, что постоянно находился въ движеніи. Бывало, какъ появится такая забава, такъ и посыпятся изъ непріятельскихъ траншей выстрѣлы. Солдаты смѣются, а французы или англичане тѣшатся до тѣхъ поръ, пока не собьютъ выставленной фигуры, или начальникъ бастіона не прикажетъ снять изъ опасенія, что она привлекаетъ выстрѣлы.

Потѣшившись надъ французами и томимые невыносимою жарою, солдаты расходятся въ разныя стороны, отыскивая прохлады: кто уходитъ въ блиндажъ, кто ищетъ хоть клочка тѣни. Міріады мухъ не даютъ покоя. Въ жаркіе дни мухи и другія насѣкомыя сильно одолѣвали живущихъ на батареяхъ и, можно сказать, истязали тѣло защитниковъ. «Блохи немилосердно кусали наши ноги, — пишетъ одинъ изъ участниковъ. — Чтобы избавиться отъ нихъ, мы насыпали въ голенища персид-

*

скаго порошку и затѣмъ стягивали ихъ ремнями пониже колѣнъ. Немилосердый врагъ погибалъ въ сапогахъ, а новый черезъ ремни не могъ туда забраться.

Мухи—были вторымъ внутреннимъ врагомъ, невыносимымъ въ особенности для раненыхъ. На бастіонахъ, посредствомъ такъ называемыхъ камуфлетовъ, уничтожали мухъ безпощадно. Когда въ блиндажъ набиралось ихъ много, разсыпали по столу дорожки пороха и дѣлали вспышку: мухи дохли и уничтожались миріадами.

Съ наступленіемъ дня пуля за пулей такъ и шмыгаютъ повсюду, распѣвая на разные голоса. Навстрѣчу этимъ пулямъ идетъ иногда солдатъ, неся ведро щей на обѣдъ товарищамъ и тихо переваливаясь съ ноги на ногу. Часто пуля подымаетъ струю пыли не болѣе какъ на вершокъ отъ его ступни, а онъ какъ будто не замѣчаетъ и продолжаетъ переваливаться. Теперь нѣтъ мѣста въ особенности на Корабельной, гдѣ бы не шмыгали эти гости. Тотъ, кто видѣлъ Малаховъ курганъ еще въ мартѣ, теперь не узналъ бы его совершенно: онъ какъ будто сжался, сбился въ кучу.

Малаховъ курганъ и многія другія укрѣпленія похожи были на лабиринтъ, въ которомъ человѣкъ непривычный могъ запутаться, заблудиться. Прежде выглядывай изъ-за вала сколько хочешь; теперь нельзя и подумать о томъ, чтобы высунуться хотя на минутку: пули, какъ шмели, такъ и рѣютъ со всѣхъ сторонъ. Стоитъ только поднять фуражку на штыкѣ или палкѣ, какъ въ мигъ она оказывается прострѣлянною во многихъ мѣстахъ.

Здѣсь все перемѣнилось, только русскіе люди остались тѣ же. Попрежнему видны группы беззаботныхъ солдатъ. Тутъ же, въ мѣстахъ двухъ-трехъ, видны бабы, торгующія лукомъ, хлѣбомъ, вяленой рыбой. Возлѣ нихъ стоитъ русскій мужичекъ-

разносчикъ, являющійся на батареи раза два въ день, не смотря ни на какую опасность. На груди его виситъ, на Георгіевской ленточкѣ, медаль съ надписью: «за храбрость». Въ сотый разъ онъ разсказываетъ, однимъ и тѣмъ же офицерамъ, что пожалованъ былъ этою медалью за то, что ходилъ съ Хрулевымъ во французскія траншеи 10-го марта.

— Пришелъ я,—говорилъ онъ,—на курганъ съ корзинкой: заказъ былъ отъ офицеровъ. Ну, а наши «ура!» кричатъ, такъ и заливаются—погнали, стало быть, француза. Резервы проходятъ, солдатики говорятъ: Бери ружье, сходи-ка въ траншею,—что тутъ сидишь безъ толку... Бросилъ я корзину, добылъ ружье, да въ траншею. Не помню, что было, только, какъ въ чувство пришелъ,—въ госпиталь положили.

Такихъ охотниковъ-волонтеровъ было много въ Севастополѣ, не только взрослыхъ, но и дѣтей, преимущественно сыновей матросовъ. Посѣщая часто бастіоны, они оставались на нихъ и, въ минуты самаго жаркаго боя, помогали солдатамъ: то воду таскали, то заряды подавали. На первомъ бастіонѣ долго служили два мальчика, одинъ 14-ти, а другой не болѣе 6-ти лѣтъ. Старшему въ іюнѣ оторвало обѣ ноги, но онъ остался живъ; младшій же вышелъ изъ Севастополя цѣлымъ и невредимымъ. Болѣе другихъ прославился десятилѣтній сынъ матроса Николай Пищенко. Отецъ его, Тимоѳей, служилъ комендоромъ на одной изъ батарей, близъ пятаго бастіона. Молодой Пищенко, извѣстный подъ именемъ Николки, жилъ на батареѣ и прислуживалъ отцу. Въ день втораго бомбардированія Тимоѳей Пищенко былъ убитъ, но Николка все-таки остался на батареѣ. Забѣжавъ однажды на редутъ Шварца, онъ увидѣлъ тамъ девять небольшихъ мортиръ.

— Позвольте мнѣ выстрѣлить изъ мортирки?—упрашивалъ онъ командира редута.

Тотъ дозволилъ. Пищенко выстрѣлилъ, и весьма удачно. Ему такъ понравилось это, что онъ, поселившись на редутѣ, поступилъ на мортирную батарею подъ команду одного изъ матросовъ. Впослѣдствіи матросъ этотъ былъ убитъ, и Пищенко сталъ самостоятельно заправлять мортирой. Въ короткихъ брюкахъ, въ отцовской курткѣ, хватавшей до колѣнъ, и босикомъ, онъ неутомимо трудился надъ своею мортирою. Главнокомандующій наградилъ Пищенку сначала медалью, а потомъ и Георгіевскимъ крестомъ. Всѣ любовались, какъ Пищенко изо дня въ день копошился возлѣ своихъ орудій. Бывало, подойдутъ къ нему офицеры и прикажутъ выстрѣлить изъ мортирки для потѣхи.

Подобными продѣлками жители бастіона разнообразили свою жизнь.

Неудачный для союзниковъ штурмъ 6-го іюня произвелъ на нихъ весьма невыгодное впечатлѣніе. Послѣ продолжительнаго обсужденія этого вопроса, союзные главнокомандующіе рѣшили усилить артиллерію. Къ 28-му іюня, они подошли своими траншеями на 100 саженъ къ Малахову кургану, на 145 саженъ ко второму бастіону и на 240 саженъ къ первому бастіону.

Близкое положеніе непріятеля и постоянная ружейная перестрѣлка отзывались значительною потерею въ людяхъ. Со дня штурма и по 28-е іюня, мы лишились: одного генерала, 65 штабъ-и оберъ-офицеровъ и 3.163 человѣка нижнихъ чиновъ. Непріятель потерялъ за это время 1.710 человѣкъ.

Въ четыре часа по-полудни, 28-го іюня, Севастополь понесъ горестную утрату:—онъ лишился доблестнаго адмирала Нахимова.

Съ послѣднихъ чиселъ мая, въ особенности послѣ занятія непріятелемъ трехъ передовыхъ укрѣпленій, онъ былъ постоянно мраченъ и страдалъ отъ нѣсколькихъ контузій, хотя всегда скрывалъ это. Дѣятельность его не ослабѣвала ни на минуту; только одинъ разъ рѣшился онъ два дня не выходить изъ дому, но безпокойство взяло верхъ надъ тѣлеснымъ утомленіемъ, и онъ продолжалъ по-прежнему безпрестанно посѣщать самыя опасныя мѣста, пренебрегая всѣми просьбами. На всѣ увѣщанія поберечь себя, онъ отвѣчалъ: что «вѣдь когда же нибудь да убьютъ его».

Послѣ полудня 28-го іюня, непріятель открылъ сильную канонаду по третьему бастіону. Объѣзжая, по обыкновенію, оборонительную линію, Нахимовъ, въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ, отправился туда, гдѣ была опасность, откуда были слышны выстрѣлы. Его уговаривали не ѣздить, но онъ, не слушая ничьихъ совѣтовъ, говорилъ: «Какъ ѣдешь на бастіонъ—веселѣе дышешь».

Когда адмиралъ сталъ приближаться со своею свитою къ оборонительной линіи, бомба пролетѣла надъ головами ѣхавшихъ.

— Видите, насъ привѣтствуютъ:—проговорилъ онъ, и всю дорогу былъ разговорчивъ и веселъ.

Побывавши на третьемъ бастіонѣ, Нахимовъ отправился на Малаховъ курганъ (Корниловъ бастіонъ), стоившій Севастополю столько драгоцѣнной крови. Артиллерійскаго огня здѣсь почти не было, только свистъ штуцерныхъ пуль показывалъ, что непріятельскіе стрѣлки зорко слѣдятъ за неосторожными храбрецами. Нахимовъ взошелъ на бастіонъ и, взявъ трубу, сталъ разсматривать непріятельскія работы; чернымъ цвѣтомъ своего сюртука и золотыми эполетами, онъ рѣзко отличался отъ окружающихъ его и служилъ цѣлью для непріятельскихъ стрѣлковъ.

Начальникъ 4-го отдѣленія оборонительной линіи и Малахова кургана, капитанъ 1-го ранга Керн, былъ у всенощной, когда ему доложили о пріѣздѣ адмирала. Онъ вышелъ къ нему на-встрѣчу, и видя, что адмиралъ слишкомъ настойчиво смотритъ въ амбразуру, рѣшился какъ-нибудь увести его съ этого опаснаго мѣста.

— Не угодно ли вамъ отслушать всенощную?—сказалъ онъ адмиралу.

— А вотъ сейчасъ приду-съ, я васъ не держу—вы ступайте!—отвѣчалъ Нахимовъ.

Въ это время пуля ударила возлѣ него въ земляной мѣшокъ.

— Они цѣлятъ довольно хорошо: —проговорилъ Нахимовъ, оставаясь спокойно на мѣстѣ.

Кто-то изъ прислуги, стоявшей возлѣ орудій, рѣшился замѣтить о грозящей ему опасности.

— Это дѣло случая:—замѣтилъ онъ, и вслѣдъ за тѣмъ отдалъ трубу и хотѣлъ уйти.

Въ это время съ одной изъ нашихъ батарей была пущена бомба.

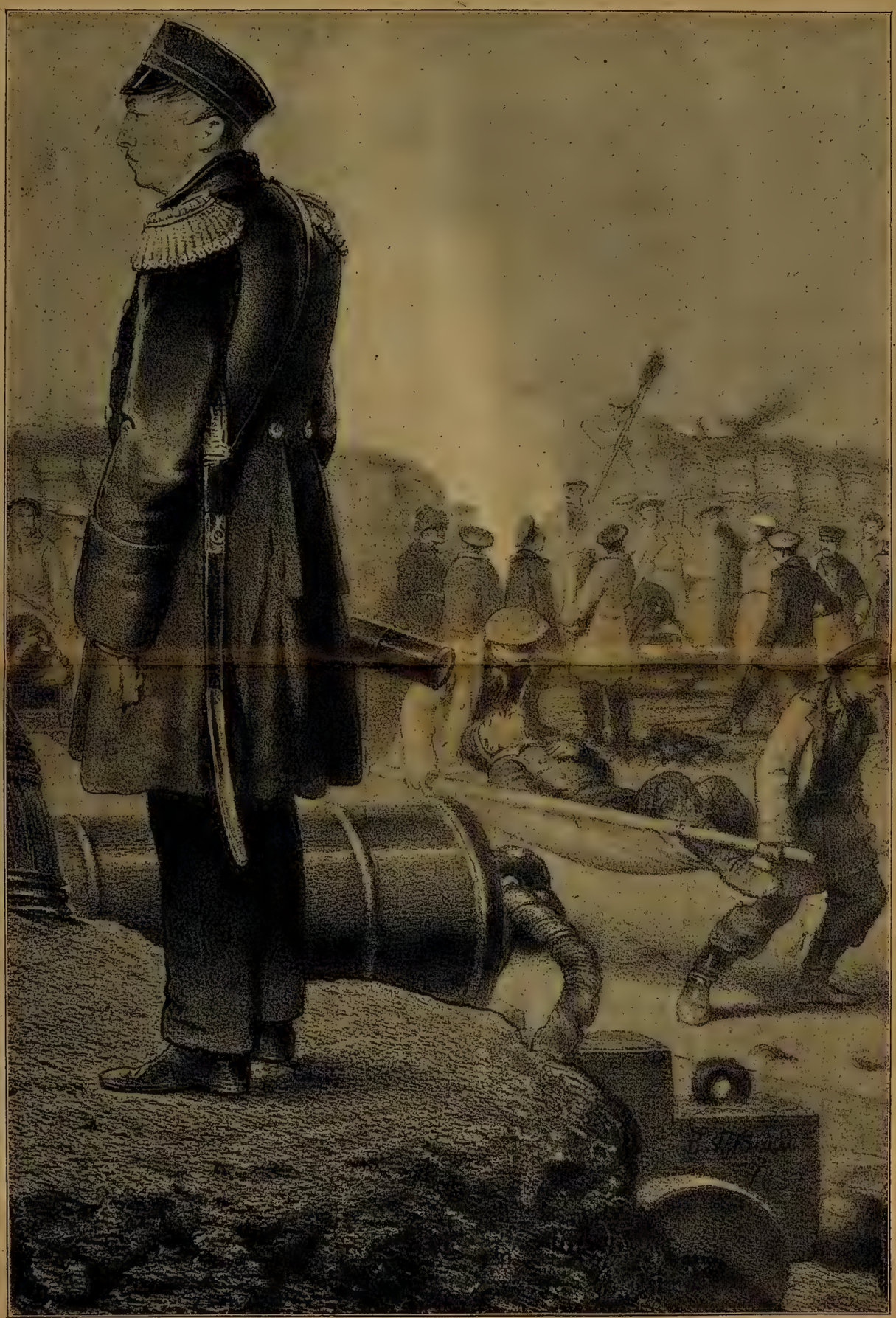
— Ишь какъ ловко зацѣпила,—проговорилъ сигнальщикъ, слѣдившій за полетомъ бомбы:—трехъ сразу такъ и подняло.

Нахимовъ остановился, хотѣлъ взглянуть, но вдругъ упалъ, раненый въ високъ выше лѣваго глаза.

Это былъ канунъ его имянинъ.

Нахимовъ тутъ же впалъ въ совершенное безпамятство, которое и продолжалось до самой кончины. Его тотчасъ же перевезли на Сѣверную сторону, гдѣ онъ и скончался 30 го іюня въ 11 часовъ по-полуночи.

Только теперь, когда стали обмывать тѣло покойнаго, можно было удостовѣриться въ дѣйствительности контузій, въ полу-



Адмиралъ Нахимовъ смертельно раненый на батареѣ 30 іюня 1855 года.

ченіи которыхъ адмиралъ не хотѣлъ признаться:—вся спина его была совершенно синяя.

Смерть Нахимова, какъ вѣсть о проигранномъ сраженіи, произвела всеобщее уныніе; это былъ самый сильный громовой ударъ, какой только испытали защитники бастіоновъ. Врагъ всякихъ приличій и чопорной щепетильности, Нахимовъ былъ всецѣло преданъ дѣлу, былъ душою обороны. Дѣло и только дѣло—было девизомъ всей его жизни.

Вліяніе отбитаго штурма на союзныя войска было огромно, и въ теченіе цѣлаго мѣсяца дѣятельности ихъ почти не замѣчалось. Они строили новыя батареи, вели подступы, но какъ тѣ, такъ и другіе подвигались впередъ весьма медленно, и во всѣхъ дѣйствіяхъ непріятеля замѣтна была нѣкоторая нерѣшительность. Отбитый штурмъ показалъ непріятелю, что русскія укрѣпленія сильны и гарнизонъ ихъ стоекъ; что на успѣхъ новаго штурма, безъ предварительной подготовки, разсчитывать нечего, а заставить обороняющаго очистить городъ, при помощи полевыхъ дѣйствій, для союзниковъ было дѣло невозможнымъ. Потери многихъ генераловъ, свирѣпствовавшая въ рядахъ холера, отсутствіе перевозочныхъ средствъ, малое число кавалеріи и полевой артиллеріи,—это были такія причины, которыя не дозволяли англо-французамъ двинуться съ мѣста. Прикованные къ Севастополю, они рѣшились тянуть прежнюю лямку и продолжать осаду. Канонада прекратилась, и наши потери значительно уменьшились. Къ Севастополю подошли подкрѣпленія, но и союзники были значительно усилены.

Вся дѣятельность атакующаго въ это время ограничивалась осадными работами, направленными преимущественно противъ лѣваго фланга нашей оборонительной линіи.

Со стороны русскихъ шли также усиленныя работы.

Чтобы имѣть хотя приблизительное понятіе о томъ, какихъ

трудовъ и усилій стоила гарнизону оборона Севастополя, достаточно указать только на нѣкоторыя цыфры. Не говоря уже о многочисленныхъ земляныхъ работахъ, о насыпкѣ сплошнаго и почти двойнаго вала, имѣвшаго протяженіе болѣе девяти верстъ, обороняющійся съ начала осады и по 14-е іюля поставилъ на батареяхъ 1.354 орудія, взятыхъ съ флота, и 877 орудій изъ арсенала. Съ 5-октября 1854 года было израсходовано однимъ морскимъ вѣдомствомъ 569.728 снарядовъ; произведено съ оборонительной линіи 669.726 выстрѣловъ и сожжено 140.000 пудовъ пороха. Въ теченіе осады исправлено 1.210 лафетовъ и морскихъ станковъ и приготовлено вновь 179. Если къ этому числу приложить расходъ сухопутнаго вѣдомства, то цыфра расхода сдѣлается почти баснословною.

Недостатокъ удобнаго сообщенія черезъ большой рейдъ былъ слишкомъ чувствителенъ для обороняющагося. Всѣ главные склады находились на Сѣверной сторонѣ, а между тѣмъ эта часть города сообщалась съ Южною только при помощи пароходовъ, баржъ и гребныхъ судовъ. Поэтому былъ устроенъ мостъ.

Мысль объ устройствѣ моста принадлежитъ начальнику инженеровъ Крымской арміи, генералъ-лейтенанту Бухмейеру, встрѣтившему вначалѣ довольно сильную оппозицію. Большинство полагало, что устроить столь длинный мостъ черезъ бухту, гдѣ часто бываетъ довольно сильное волненіе, положительно невозможно; но Бухмейеръ доказалъ, что устройство такого моста не представляетъ техническихъ затрудненій, а на случай волненія его можно разводить. 23-іюня проектъ моста былъ утвержденъ главнокомандующимъ.

Это былъ самый большой мостъ, когда-либо наводимый для переправы войскъ въ военное время. Составленный изъ 86-ти плотовъ, онъ легко могъ быть разведенъ и притянутъ къ берегу. Оконченный только 14-го августа и стоившій намъ

48.809 руб. 80 коп., мостъ служилъ, хотя и не долго, прекраснымъ сообщеніемъ между двумя частями города: Сѣверною и Южною. Устройствомъ его генералъ Бухмейеръ оказалъ неоцѣненную заслугу арміи и далъ ей средство совершить впослѣдствіи блестящее отступленіе въ глазахъ сильнаго непріятеля, все ближе подходившаго къ нашимъ укрѣпленіямъ.

Въ теченіе всего іюня мѣсяца, непріятельская артиллерія дѣйствовала слабѣе предъидущихъ дней, и только 27-го числа была возобновлена очень сильная канонада, причинившая намъ значительную потерю.

Не ограничиваясь стрѣльбою по войскамъ и батареямъ оборонительной линіи, непріятель стрѣлялъ по городу, бухтѣ и пускалъ ракеты противъ лагерей войскъ, расположенныхъ на Сѣверной сторонѣ.

Взамѣнъ этого обороняющійся частыми вылазками и мѣткимъ огнемъ артиллеріи производилъ взрывы пороховыхъ погребовъ, значительныя разрушенія въ непріятельскихъ траншеяхъ и нерѣдко на нѣсколько дней останавливалъ работы.

Вылазки предпринимались съ двоякою цѣлію и, сообразно съ этимъ, носили названіе *большихъ* и *малыхъ*. Малыя назначались для воспрепятствованія непріятелю производить новыя работы; большія—чтобы разорить тѣ непріятельскія сооруженія, которыя, по какимъ-либо обстоятельствамъ, можно было испортить, не подвергаясь большимъ потерямъ.

Вылазки перваго рода производились по нѣскольку разъ въ одну и ту же ночь. Непріятель былъ такъ близко отъ насъ, что при первомъ извѣстіи о вылазкѣ уходилъ въ заднія траншеи. Подползая къ рабочимъ, наши охотники принуждали ихъ оставлять работы и терять иногда цѣлую ночь, въ особенности когда вылазки возобновлялись два раза.

При большихъ вылазкахъ собирались болѣе значительные

самостоятельные отряды, и тогда наши охотники врывались въ въ непріятельскія траншеи, срывали ихъ, разбрасывали туры, захватывали съ собою мѣшки, ружья, инструменты и, отступая, подводили преслѣдующаго ихъ непріятеля подъ картечный огонь нашихъ батарей.

Подобное вторженіе нашихъ охотниковъ заставляло союзниковъ быть всегда насторожѣ, содержать во своихъ траншеяхъ значительные караулы, а иногда придвигать резервы. Случалось и такъ, что наши секреты вдругъ нападутъ на непріятельскіе и тѣмъ вызовутъ тревогу по всѣмъ траншеямъ. Союзники, предполагая значительную вылазку, придвинутъ резервы, откроютъ сильный ружейный огонь, а съ нашихъ батарей, по направленію этого огня, осыпятъ траншеи картечью. Особую услугу въ этомъ отношеніи оказывали пластуны, умѣвшіе выслѣдить непріятеля. У нихъ существуетъ поговорка: «Гдѣ сухо—тамъ брюхомъ, гдѣ мокро—тамъ на колѣнкахъ». Придерживаясь этой поговорки, пластуны такъ тихо подползали къ непріятелю, что рѣдко когда были имъ замѣчаемы. Высмотрѣвъ мѣста, гдѣ работалъ непріятель, пластуны возвращались на оборонительную линію и показывали мѣсто, куда слѣдуетъ стрѣлять. Привычный глазъ ихъ рѣдко ошибался даже и въ темнотѣ южной ночи. «Я имъ слѣпо вѣрилъ»,—пишетъ командиръ одной изъ батарей:—«и, стрѣляя картечью, я почти каждый разъ слышалъ, какъ она ударяла въ туры и желѣзныя лопаты, которыми работали французы».

Понятно однакоже, что ни вылазки, ни мѣткій артиллерійскій огонь не могли задержать совершенно непріятеля, и онъ съ каждымъ днемъ подходилъ ближе къ нашей оборонительной линіи, и все болѣе и болѣе усиливался новыми батареями. Къ началу августа французы подошли къ Малахову кургану на 55-ть саженъ и ко второму бастіону на 50 саженъ.

Къ концу іюля Севастополь представлялъ грустный и тяжелый видъ. Улицы запружены были снарядами и ихъ осколками; земля взрыта бомбами, дома разрушены. Въ самыхъ скрытыхъ мѣстахъ и зданіяхъ шныряли пули, будто отыскивая виноватаго. Никому не было ни покоя, ни пощады, и остряки сравнивали городъ и его защитниковъ съ бревномъ, постепенно подвигаемымъ въ печь, по мѣрѣ того какъ сгаралъ одинъ изъ его концовъ. Положеніе гарнизона было тяжко и почти невыносимо. «Непріятель нашъ»,—писалъ генералъ Н. А. Крыжановскій:—«все подвигается ближе и ближе; во многихъ мѣстахъ устроены имъ плацдармы для сбора войскъ; повидимому, онъ готовится къ новому штурму и ждетъ только прихода новыхъ силъ. Близость непріятеля и постоянная перестрѣлка влекутъ за собою конечно большія потери. Въ Севастополѣ и на бухтѣ нѣтъ уже точки, на которую не падали бы непріятельскіе снаряды; по самымъ отдаленнымъ отъ бастіоновъ улицамъ города нельзя уже иначе ходить, какъ съ аккомпаниментомъ бомбъ, ядеръ и даже пуль. Легко изъяснить себѣ можно, почему ежедневная убыль въ людяхъ такъ велика. Продолжать подобнаго рода жизнь довольно трудно; невольно желаешь, такъ или иначе, окончить».

Севастополь видимо отживалъ послѣдніе дни, и, чтобы отсрочить хотя на нѣсколько дней его паденіе, необходимо было принять рѣшительныя мѣры и отвлечь вниманіе противника отъ осажденнаго города. Такимъ отвлеченіемъ, съ нашей стороны, могли быть только одни наступательныя дѣйствія, и главнокомандующему оставалось рѣшить вопросъ: когда и въ какомъ направленіи онѣ должны быть предприняты. Отъ болѣе или менѣе удачнаго рѣшенія этого вопроса зависѣла участь города и положеніе его храбрыхъ защитниковъ. Поэтому рѣшено было сдѣлать попытку наступленія, давъ сраженіе, на

Черной рѣчкѣ. Къ сожалѣнію, въ виду превосходства непріятеля, и это сраженіе было проиграно.

Съ половины іюня въ Петербургѣ считали наступленіе съ нашей стороны дѣломъ рѣшенымъ, и, основываясь на заявленіи главнокомандующаго, не сомнѣвались въ томъ, что оно будетъ произведено со стороны р. Черной.

Несмотря на всѣ усилія нашихъ войскъ, несмотря на самоотверженную храбрость и отчаянныя усилія всѣхъ, начиная отъ самого, главнокомандовавшаго до послѣдняго рядоваго, сраженіе на р. Черной 4 августа было проиграно.

Въ сраженіи выбыло изъ строя убитыми и ранеными 11 генераловъ, 249 офицеровъ и до 8.000 нижнихъ чиновъ.

При отступленіи четвертаго батальона, знаменщикъ Вологодскаго полка былъ тяжело раненъ; два ассистента, принявшіе отъ него знамя, одинъ за другимъ были убиты, и послѣ этого знамя, перебитое въ древкѣ, упало на землю. Лежавшій возлѣ того мѣста, раненый барабанщикъ Азовскаго пѣхотнаго полка, Степанъ Реутовичъ, несмотря на боль отъ раны, поднялъ перебитое знамя и вынесъ его изъ схватки, за что и получилъ орденъ Св. Георгія.

Въ то время, когда, послѣ сраженія, войска наши были остановлены на позиціи, по правую сторону р. Черной, съ батареи, гдѣ находился главнокомандующій, замѣченъ былъ вдали одиночный солдатъ, который, послѣ каждаго сдѣланнаго выстрѣла, перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто. Князь Горчаковъ послалъ двухъ казаковъ привести отсталаго солдата на батарею. Прибылъ егерь лейбъ-егерскаго Бородинскаго Его Императорскаго Величества полка Матвѣй Шелкуновъ.

— По какому случаю ты остался сзади другихъ?—спросилъ главнокомандующій егеря.

— Прикрывалъ отступленіе раненыхъ товарищей, ваше

сіятельство!—отвѣчалъ Шелкуновъ.—Былъ я въ цѣпи,—продолжалъ егерь,—пошли мы къ рѣчкѣ—не глубже, какъ по поясъ было—перебѣжали рѣчку; а за ней другая—рѣка не рѣка, а канава водяная; попробовалъ: глубоко, и вдругъ не перескочишь. Прыгнулъ одинъ, за нимъ другой, потомъ начали помогать другъ другу—и мостиковъ не надо—цѣпь перебралась. Врагъ сидѣлъ въ канавкахъ—мы въ штыки—мигомъ перекололи; многіе побѣжали на гору. Опрокинули мы кухню ихъ—знать, кашу варили—да вдогонку за ними. Въ это время дали цѣпи сигналъ отходить назадъ; я замѣшкался. Отошелъ за канаву; мѣсто попалось хорошее—кустикъ былъ; я и давай палить... Кто вылѣзетъ впередъ, того и повалишь. Разстрѣлявъ свои патроны, пошелъ я назадъ; смотрю: убитый мушкетеръ лежитъ; снялъ я съ него суму, подобралъ и ружье. Въ сумѣ были патроны. Я снова за кустикъ, далъ выстрѣловъ пять, да и опять за своими. Смотрю, трое раненыхъ. Я одинъ: извѣстное дѣло, трехъ не подберешь! «Ползи, братцы, кто можетъ, а я буду прикрывать васъ!» Двое ползли, а вотъ этотъ, что со мной прибылъ, ползкомъ бы не добрался: рана-то животная. Какъ замѣчу, что ползуны отстаютъ, и я пріостановлюсь, сдѣлаю выстрѣловъ пятокъ по вражьей цѣпи, да и снова въ походъ!.. Вотъ, ваше сіятельство, и добрели мы кое-какъ до своихъ! Богъ милосердъ: сохранилъ меня цѣла и невредима, и благословилъ меня оказать помощь товарищамъ!..

Матвѣй Шелкуновъ принесъ на себѣ пять ружей и три аммуниціи, взятыя имъ на дорогѣ у убитыхъ и тѣхъ раненыхъ, которыхъ онъ составлялъ прикрытіе. Главнокомандующій приказалъ Матвѣя Шелкунова произвести въ унтеръ-офицеры и собственноручно надѣлъ знакъ Военнаго Ордена на грудь храбраго егеря.

Послѣдняя попытка къ спасенію славнаго города не уда-

лась, и наша армія снова приняла оборонительное положеніе. Подъ впечатлѣніемъ успѣха, пріобрѣтеннаго въ сраженіи на р. Черной, союзники открыли въ четыре часа утра, 5-го августа, *пятое бомбардированіе* Севастополя, направляя выстрѣлы преимущественно на Корабельную и на лѣвую сторону четвертаго бастіона. Канонада эта, съ небольшими только перерывами, продолжалась въ теченіе двадцати сутокъ. Ежедневный уронъ нашъ простирался въ этотъ періодъ времени отъ 500 до 1.500 человѣкъ.

Окруживъ ожерельемъ батарей весь холмъ, на которомъ былъ прежде Камчатскій люнетъ, французы громили ими преимущественно второй бастіонъ и Малаховъ курганъ.

Застоналъ Севастополь подъ градомъ вражьихъ ядеръ. На всемъ пространствѣ укрѣпленій, охватывающихъ Корабельную сторону, вплоть до 4-го бастіона, разверзся адъ.

Люди гибли въ эти дни во множествѣ, но оставшіеся не унывали. Какое-то гордое сознаніе своего достоинства, отвага, удаль и молодечество видны были на всѣхъ лицахъ.

Въ одной рубахѣ, съ Георгіемъ на груди, въ широкихъ парусинныхъ шараварахъ, съ чернымъ галстукомъ, концы котораго падаютъ на грудь, въ солдатской фуражкѣ, стояла прислуга у орудій, закоптѣлая въ дыму, замаранная порохомъ отъ выстрѣловъ, облитая кровью и потомъ. Въ мотентъ боя эти жители бастіона, постоянно борющіеся со смертію въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, казались тѣми неземными существами, для которыхъ кровавыя сѣчи составляютъ райское блаженство!..

Въ эту бомбардировку раненыхъ было немного, потому что большею частію били наповалъ.

Южная сторона Севастополя представляла въ эти дни самую грустную и тяжелую картину. Улицы и площади были

почти слошь покрыты ядрами и неразорвавшимися бомбами; мостовыя взрыты и дома разрушены. Крестовъ на главахъ церквей и колоколенъ, которыми обыкновенно украшаются русскіе города, не было видно; звона колоколовъ не было слышно. Все гражданское оставило Севастополь; жители нигдѣ не попадались, только на базарѣ, гдѣ еще производилась кое-какая торговля, можно было встрѣтить нѣсколькихъ бабъ и мужиковъ, да на берегу бухты отставные матросы удили рыбу и перевозили желающихъ съ Южной стороны города на Сѣверную.

Пользуясь превосходствомъ своего огня, непріятель все ближе и ближе подходилъ къ оборонительной линіи, такъ-что, на разсвѣтѣ 8-го августа, французы находились только въ разстояніи 35-ти саженъ отъ Малахова кургана.

Въ этотъ день главнокомандующій обходилъ укрѣпленія оборонительной линіи. Подъ самымъ сильнымъ огнемъ, онъ шелъ въ сопровожденіи большой свиты и съ любовью, съ сердечною нѣжностію благодарилъ именемъ Царя за стойкость всѣхъ, кого только встрѣчалъ: генерала и матроса, офицера и закопченнаго пороховымъ дымомъ солдата. Появленіе вождя, совершенно равнодушнаго къ ужасамъ смерти, привело въ восторгъ храбрыя войска, укрѣпило утомленныхъ и утѣшило отважныхъ героевъ, бойцовъ севастопольскихъ. Придя на Малаховъ курганъ, князь Горчаковъ осматривалъ новыя работы непріятеля и замѣтилъ одному изъ присутствующихъ, что французы значительно подвинулись впередъ своими подступами.

— Торопятся, ваше сіятельство,—отвѣчалъ на это одинъ изъ случившихся здѣсь солдатъ,—потому кашу хотятъ ѣсть изъ одной чашки съ нами.

Такой отвѣтъ, очень понравившійся главнокомандующему лучше всего указывалъ на то веселое настроеніе духа, кото-

рымъ были проникнуты каждый изъ защитниковъ полуразрушенныхъ укрѣпленій, и которое не могла поколебать жестокая канонада, стоившая намъ 3.800 человѣкъ убитыми и ранеными.

Въ четырехдневное, пятое, бомбардированіе союзники выпустили 56.500 снарядовъ.

Чѣмъ жарче было въ Севастополѣ, тѣмъ закаленнѣе и ожесточеннѣе становились его защитники. Совершенное равнодушіе къ смерти, или, лучше сказать, презрѣніе къ ней дошло до невѣроятной степени. Твердость и мужество солдатъ проявлялись на каждомъ шагу. Цѣлыя вереницы ихъ съ безмятежнымъ спокойствіемъ тянулись по самымъ опаснымъ мѣстамъ, тамъ, гдѣ, какъ пчелы возлѣ улья, жужжали штуцерныя пули, гдѣ ежеминутно то ядро упадетъ, то граната лопнетъ.

Получивъ названіе ада, бойни и толчеи, второй бастіонъ былъ въ это время опаснѣйшимъ мѣстомъ, какое только было въ Севастополѣ. На бастіонѣ не сохранилось ни одной правильной насыпи, ни чистаго рва, ни одного цѣлаго блиндажа и пороховаго погреба,—все это было разбито, разрушено, скомкано и перевернуто. Здѣсь не было ни одного безопаснаго мѣстечка: бомбы, ядра и пули рѣяли по всѣмъ направленіямъ и наносили огромное опустошеніе въ рядахъ его защитниковъ.

Каждый изъ назначенныхъ на бастіонъ шелъ туда съ полною увѣренностію, что не возвратится, и случалось, что для нѣкоторыхъ сознательное ожиданіе смерти продолжалось не нѣсколько минутъ или часовъ, а нѣсколько дней и даже недѣль. Поставьте себя на мѣсто каждаго изъ жившихъ на бастіонѣ: тогда вы глубоко прочувствуете и поймете нижеслѣдующій не хитрый, но богатырскій отвѣтъ одного изъ героевъ этой ужасной драмы.

Въ одинъ изъ тяжелыхъ дней для втораго бастіона, и именно 14-го августа, главнокомандующій, князь Горчаковъ, посѣтилъ укрѣпленіе, гарнизонъ котораго составляли закаленные въ бою остатки храбрыхъ полковъ 8-й пѣхотной дивизіи. Это были, дѣйствительно, остатки, потому что 26-го августа во всѣхъ трехъ полкахъ: графа Дибича-Забалканскаго, Полтавскомъ и Кременчугскомъ, насчитывалось только 2.317 человѣкъ. Обходя разрушенный второй бастіонъ, князь Михаилъ Дмитріевичъ спросилъ у окружающихъ его солдатъ:

— Много ли васъ здѣсь на бастіонѣ?

Одинъ изъ ближе стоявшихъ къ князю егерей на минуту призадумался, какъ бы соображая что-то, и затѣмъ съ полнымъ спокойствіемъ и тѣмъ геройскимъ равнодушіемъ, которыя отличаютъ русскаго солдата наканунѣ всякой опасности, отвѣчалъ:

— Дня на три хватитъ, ваше сіятельство!

Здѣсь жизнь сложилась такъ, что богатыри-защитники дѣлили себя на очереди, когда кому лечь костьми на защиту родины, и выжидали рѣшенія своей участи спокойно, съ полнымъ презрѣніемъ къ смерти.

Въ это тяжелое время подъ именемъ Севастополя извѣстны были Николаевская батарея, да площадка около Графской пристани: — все остальное лежало въ развалинахъ и искрещивалось выстрѣлами. Считаясь сравнительно безопасною, площадка у Графской пристани стала послѣднимъ убѣжищемъ для жителей Севастополя. Тутъ стояла пѣхота, расположенная бивуакомъ, и артиллерія съ разбитыми возлѣ коновязями; тутъ же, пріютившись гдѣ-нибудь къ стѣнкѣ, сидѣли торговки передъ столиками, на которыхъ съ утра до поздней ночи кипѣлъ самоваръ, продавались яблоки, булки, куски какого-то мяса, плавающіе въ сальной водѣ. Съ шутками,

*

прибаутками, со смѣхомъ и вздохомъ торговки разливали этотъ соусъ въ глиняныя чашки и подавали ихъ проголодавшимся. Безпрерывное движеніе, работы и шумъ на пристани оживляли этотъ уголокъ и рѣзко отдѣляли его отъ прочихъ частей города.

Къ 24-му августа непріятель подвинулся впередъ настолько, что находился отъ рва втораго бастіона только въ 20-ти, а отъ Малахова кургана въ 17-ти саженяхъ.

Съ каждымъ днемъ городъ и бастіоны теряли свою внушительную оконченность, и союзные главнокомандующіе, 22-го августа, созвали военный совѣтъ, составленный только изъ корпусныхъ командировъ и начальниковъ артиллеріи и инженеровъ. На совѣтѣ положено было произвести штурмъ укрѣпленій Севастополя.

Сообразно съ постановленіемъ военнаго совѣта, атакующій открылъ въ 5 часовъ утра, 24-го августа, *шестое усиленное бомбардированіе Севастополя*, поражая въ особенности Малаховъ курганъ, второй и четвертый бастіоны.

Подвинувшись къ Малахову кургану не далѣе 12-ти саженъ и занявъ свои траншеи стрѣлками, непріятель поражалъ штуцернымъ огнемъ всѣхъ, кто только показывался въ амбразурахъ. Менѣе чѣмъ въ нѣсколько часовъ, прислуга при орудіяхъ бывала вся перебита, и въ теченіе дня приходилось посылать къ орудіямъ нѣсколько смѣнъ людей, шедшихъ на вѣрную смерть.

Не было никакой возможности сосчитать число бомбъ, взрывавшихъ землю даже на одномъ Малаховомъ курганѣ. Онѣ падали цѣлыми десятками вдругъ, нѣкоторыя разрывались на землѣ, разбрасывая и коверкая все, что попадалось имъ на пути; другія врѣзывались въ землю и столбами подымали ее

кверху; иныя разрушали укрѣпленія, разбрасывали одежду батарей, мѣшки, людей, камни; иныя разрывались на воздухѣ, засыпая всю окрестность своими осколками.

Наступали предсмертные часы многострадальнаго города. Освѣщаемый заревомъ пожаровъ, взрывомъ мелкихъ пороховыхъ погребовъ и пожаромъ фрегата «Коварный», нагруженнаго двумя стами бочекъ спирта, Севастополь, наканунѣ своей смерти, былъ потрясенъ взрывомъ судна, перевозившаго сто пудовъ пороха съ Сѣверной стороны на Южную. Около 11-ти часовъ ночи, въ то время, когда двѣ шаланды съ порохомъ подходили къ пристани, непріятельская ракета взорвала одну изъ нихъ.

Ужасенъ былъ этотъ взрывъ, но онъ былъ ничтоженъ въ сравненіи съ тѣмъ адомъ, который испытывали ежеминутно всѣ защитники бастіоновъ и батарей. Въ три дня они приняли на себя 150.000 артиллерійскихъ снарядовъ, нѣсколько сотъ тысячъ пуль и лишились 7,561 человѣка храбрыхъ товарищей убитыми и ранеными. Человѣческія тѣла и обезображенныя части ихъ попадались на каждомъ шагу; смерть врывалась со всѣхъ сторонъ.

Но тутъ-же, по мѣрѣ угасанія человѣческихъ жизней, все ярче и ярче горѣли неугасимыя лампады передъ иконою-покровительницею бастіона, и свѣтъ отъ множества зажженныхъ передъ нею свѣчъ озарялъ по ночамъ группы молившихся колѣно-преклоненныхъ защитниковъ Севастополя.

Люди видѣли передъ собою смерть во всѣхъ ея ужасахъ; видѣли, какъ людей разрывало на части, которыя, въ свою очередь, наносили раны и контузіи возлѣ стоявшимъ; видѣли, какъ товарищи пропадали безслѣдно, только клочекъ сѣрой шинели, кусокъ мяса, или просто лужа крови обозначали мѣсто, гдѣ, за нѣсколько секундъ передъ тѣмъ, стоялъ

ихъ сосѣдъ. «Проходя по Екатерининской улицѣ, къ пристани»,—говоритъ одинъ изъ участниковъ обороны,—«мы обогнали солдата Волынскаго полка съ окровавленнымъ узелкомъ.

«— Что несешь, товарищъ?

«— Маіора, ваше благородіе»,—отвѣчалъ волынецъ:—«бомбой разнесло! Славное было начальство, ваше благородіе, такъ вотъ, что могли, собрали, похоронить несу».

Съ 5-го августа, три недѣли подрядъ союзники, можно сказать, бичевали Севастополь, а между тѣмъ, вводя по временамъ въ траншеи массы войскъ, заставляли подозрѣвать приготовленіе къ штурму.

Наступило 27-ое августа, день предсмертныхъ страданій многострадальнаго города.

Ожидая, какъ и въ предъидущіе дни, штурма, войска съ разсвѣтомъ стояли уже въ полной готовности отразить нападеніе. Въ это время на всей оборонительной линіи насчитывалось пѣхоты 40.500 человѣкъ, 1.100 саперъ и 6.200 артиллерійской прислуги, стоявшей у орудій.

Около 8-ми часовъ утра передъ Малаховымъ курганомъ послѣдовалъ сильный взрывъ подземныхъ работъ французовъ. Кучи камней и глыбы земли полетѣли на курганъ; сотрясеніе такъ было сильно, что часть насыпи передъ башнею обрушилась въ ровъ. Въ этотъ моментъ Малаховъ курганъ былъ въ самомъ жалкомъ положеніи: брустверъ былъ весь разбитъ, а изъ орудій, могущихъ дѣйствовать, уцѣлѣло только два, остальныя были или подбиты, или засыпаны землей разбитыхъ мерлоновъ.

Посреди убійственнаго огня, союзники готовились къ штурму. День и часъ штурма хранились въ глубокой тайнѣ, такъ что назначенныя для атаки войска узнали о немъ вечеромъ на-

канунѣ, а приказъ имъ прочли за нѣсколько часовъ до штурма.

Французы, въ числѣ 26.000, должны были атаковать Малаховъ курганъ, 2-й бастіонъ и промежуточные между ними выходы. По овладѣніи Малаховымъ курганомъ, 3-й бастіонъ должны были атаковать англичане въ числѣ 10.720 ч. Наконецъ 5-й бастіонъ и 4-й должны были атаковать французы и сардинцы въ числѣ 26.180 ч., а всего назначено для штурма 63.200 человѣкъ.

Союзные главнокомандующіе, какъ мы сказали уже, рѣшили произвести штурмъ ровно въ полдень, безъ всякаго сигнала.

Ровно въ полдень, всѣ непріятельскія батареи сверкнули огоньками выстрѣловъ и разлились оглушительными залпами. Пока звуки эти долетѣли до обороняющагося, враги были уже на Малаховомъ курганѣ. Выскочивъ густою цѣпью изъ своихъ траншей, французы, при громкихъ крикахъ, быстро перебѣжали отдѣлявшее ихъ отъ Малахова кургана пространство, въ 12 саженъ, и появились на валу укрѣпленія, прежде чѣмъ нижніе чины Модлинскаго полка приготовились ихъ встрѣтить.

За нѣсколько минутъ до штурма, на Малаховъ курганъ, къ помѣщенію, занимаемому генераломъ Буссау, была приведена поручикомъ Юни команда нижнихъ чиновъ Модлинскаго полка, которымъ генералъ хотѣлъ самъ раздать Георгіевскіе кресты. Солдаты ожидали выхода начальника, какъ вдругъ послышались крики: «Штурмъ! штурмъ!» Буссау выскочилъ изъ блиндажа въ сопровожденіи адъютанта, который тутъ же былъ убитъ пулей въ грудь. Изъ другого блиндажа выскочилъ начальникъ 4-го отдѣленія, капитанъ лейтенантъ Карповъ. Генералъ Буссау едва-только успѣлъ крикнуть и указать поручику Юни, чтобы онъ со своею командою скорѣе занялъ башню, какъ самъ былъ захваченъ въ плѣнъ.

На курганѣ поднялась страшная суматоха. Застигнутые врасплохъ, нижніе чины бросились къ валу укрѣпленія, впопыхахъ сталкивались между собою, сталкивались лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. Изъ нѣкоторыхъ орудій успѣли сдѣлать по одному выстрѣлу, но уже тогда, когда амбразуры были наполнены штурмующими. Многіе изъ артиллеристовъ, съ фитилемъ въ рукѣ, пробивались къ своимъ орудіямъ сквозь ряды непріятелей, чтобы сдѣлать выстрѣлъ, и гибли на штыкахъ.

Между тѣмъ, поручикъ Юни, подхвативъ налету приказаніе генерала Буссау, бросился къ башнѣ съ подпоручиками того же полка Данильченко и Богдзевичемъ. Къ нимъ присоединились флотскіе кондукторы, Венецкій и Дубининъ, съ нѣсколькими матросами. Эта горсть людей, числомъ до 40 человѣкъ, заняла башню почти передъ носомъ французовъ и нашла тамъ еще нѣсколько человѣкъ, не успѣвшихъ выскочить. Заваливъ наскоро ходъ, они рѣшились защищаться до послѣдней крайности, и, на всѣ требованія французовъ сдаться, отвѣчали выстрѣлами. Засѣвшіе въ башнѣ защищались весьма долго, даже и тогда, когда Малаховъ курганъ былъ во власти французовъ, наводнившихъ въ самое короткое время это укрѣпленіе своею многочисленностью. Шесть тысячъ французовъ лѣзли въ амбразуры, перелѣзли черезъ валъ и вступили въ рукопашный бой съ модлинцами, насчитывавшими въ своихъ рядахъ только 400 человѣкъ. Произошла одна изъ тѣхъ ужасныхъ рукопашныхъ схватокъ, при которыхъ оба противника перемѣшиваются между собою и, въ какомъ-то опьяненіи, въ безсознательномъ состояніи, поражаютъ другъ друга желѣзомъ, камнями, деревомъ; когда люди душатъ другъ друга за горло, царапаясь и кусаясь въ изступленіи.

Прислуга, стоявшая у орудій, дралась банниками, аншпугами, кирками, лопатами, топорами и всѣмъ, что попадалось

Нижніе чины отличавшіеся въ вылазкахъ подъ начальствомъ Лейтенанта Бирюлева.

Афанасій Елисѣевъ. Петръ Кошка. Федоръ Заика.

Арсеній Рыбаковъ. Иванъ Димиченко.

въ руки; большая часть этихъ храбрыхъ легла на мѣстѣ, защищая свои орудія. Модлинцы дрались отчаянно. Тѣснимые отовсюду французами, они нѣсколько разъ бросались въ штыки противъ непріятеля, болѣе чѣмъ въ десять разъ сильнѣйшаго, и умирали. Въ самомъ началѣ боя, они потеряли своего полковаго и батальоннаго командировъ и многихъ офицеровъ.

При первомъ извѣстіи о штурмѣ, главнокомандующій отправилъ съ Сѣверной стороны на Южную полки: Азовскій, Одесскій, Украинскій и Смоленскій.

Французы, между тѣмъ, все болѣе и болѣе распространялись по укрѣпленію, тѣснили нашихъ, и вскорѣ на башнѣ взвилось французское знамя. Какъ муравьи, полѣзли французы на Малаховъ курганъ, заняли всю переднюю его часть, прорвались къ развалинамъ башни, и, засѣвши здѣсь, открыли сильную и частую ружейную стрѣльбу по малочисленному гарнизону.

Модлинцы два раза сбивали флагъ непріятеля и сдѣлали все, что было возможно сдѣлать храбрымъ, и что горсти людей было подъ-силу. У всѣхъ амбразуръ, гдѣ только прорвался непріятель, онъ прошелъ по трупамъ модлинцевъ и артиллерійской прислуги. Храбрый поручикъ Анкудовичъ, собравъ около себя до 70 человѣкъ, два раза бросался съ ними въ штыки, и изъ 70 человѣкъ, бывшихъ съ нимъ при первой атакѣ, пошли во вторую только 40, а вернулось изъ нея только 6, но и тѣ были заколоты въ глазахъ товарищей.

Тѣснимые многочисленнымъ непріятелемъ, наши отступали въ глубь укрѣпленія. Капитанъ-лейтенандъ Карповъ, собравъ вокругъ себя толпу изъ отступавшихъ артиллеристовъ и ратниковъ Курскаго ополченія, нѣсколько разъ ходилъ съ ними, чтобы выбить французовъ изъ лѣвой батареи Малахова кургана; но непріятель былъ слишкомъ многочисленъ—и выбить

его не было возможности. Ополченцы бросились на непріятеля съ топорами, артиллеристы съ банниками; но попытки ихъ ихъ оставались напрасными; непріятель все болѣе и болѣе усплывался. На помощь Карпову явилось нѣсколько ротъ Прагскаго полка, которыя сначала потѣснили врага, но потомъ подавлены были его многочисленностью. Французы обошли со всѣхъ сторонъ отступавшихъ и внутри укрѣпленія Малахова кургана бились на смерть двѣ отдѣльныя кучки солдатъ Прагскаго и Модлинскаго полковъ, окруженныя непріятелемъ. Модлинцы проложили себѣ дорогу штыками и присоединились къ ротамъ Прагскаго полка. Уцѣлѣвшая горсть храбрыхъ бросалась нѣсколько разъ впередъ и останавливала на время наступленія непріятеля. Ряды нашихъ защитниковъ таяли, но они все еще держались, пока въ тылу ихъ не появились новыя массы непріятеля.

Нѣсколько французскихъ батальоновъ, пробѣжавъ по рву, обогнули укрѣпленіе съ лѣвой стороны и явились въ тылу нашихъ. Защищавшій лѣвую половину укрѣпленія Замосцьскій полкъ, въ числѣ 500 человѣкъ, былъ смятъ и присоединился къ отступавшимъ. Перемѣшавшіеся между собою люди трехъ полковъ—Замосцьскаго, Прагскаго, Модлинскаго—и артиллерійская прислуга столпились на задней площадкѣ укрѣпленія и долго своею грудью удерживали непріятеля. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ черезъ полчаса послѣ начала штурма, Малаховъ курганъ находился во власти французовъ; они наполнили всю внутренность укрѣпленія и подвигались впередъ по мѣрѣ того, какъ прибывали къ нимъ свѣжія войска. Во рву сидѣли французскія музыканты и играли маршъ. Рѣдко кому приходилось слышать музыку при такой обстановкѣ. Маршъ этотъ одушевлялъ наступавшихъ, и французы сплошною стѣною тянулись на курганъ. Въ короткое время непріятельскихъ войскъ собра-

лось на курганѣ до 6.000 человѣкъ. Они открыли жестокій ружейный огонь по нашимъ войскамъ и окончательно утвердились на курганѣ.

Не такъ успѣшно дѣйствовала колонна, атаковавшая второй бастіонъ въ числѣ 7.400 человѣкъ.

Застигнутые врасплохъ, 550, человѣкъ Олонецкаго полка были окружены, но успѣли, однако же, пробиться и отступить. Бастіонъ былъ занятъ непріятелемъ, преслѣдовавшимъ отступавшихъ. Собравъ остатки Олонецкаго полка, завѣдывавшій инженерными работами, капитанъ Лебедевъ, двинулъ ихъ противъ наступавшаго непріятеля. Въ это время прибѣжалъ батальонъ Бѣлозерскаго полка, подъ командою маіора Ярошевича, и явился начальникъ войскъ 5-го отдѣленія, генералъ-маіоръ Сабашинскій, съ Кременчугскимъ полкомъ.

— За мной, ребята!—крикнулъ онъ:—вонъ проклятыхъ съ бастіона, и, помахивая костылемъ, самъ пошелъ во главѣ кременчугцевъ.

Страдая постоянно болью въ ногахъ, Сабашинскій носилъ спальные сапоги и опирался на костыль, который былъ единственнымъ его оружіемъ. Въ теченіе всей обороны Севастополя генералъ Сабашинскій ни разу не вынималъ сабли, хотя неоднократно участвовалъ въ жаркихъ дѣлахъ.

Стремительнымъ ударомъ въ штыки французы были выбиты изъ бастіона. Они бросились бѣгомъ въ свои траншеи, оставивъ на бастіонѣ множество убитыхъ и раненыхъ. Устроившись въ траншеяхъ, французы нѣсколько разъ пытались штурмовать 2-й бастіонъ, но не выдерживали убійственнаго огня и возвращались назадъ. Самые смѣлые достигали до рва и даже спускались въ него, но или оставались въ немъ навсегда, или бѣжали обратно въ свои траншеи.

Въ это время генералъ Сабашинскій получилъ извѣстіе,

что третья непріятельская колонна, направленная на промежуточныя батареи между 2-мъ бастіономъ и Малаховымъ курганомъ, прорвалась во вторую линію. Онъ поспѣшилъ туда, направивъ часть войскъ со втораго бастіона. Едва замѣчено было движеніе этихъ колоннъ, какъ стоявшіе на банкетахъ 700 человѣкъ Муромскаго полка и 550 Олонецкаго открыли самый частый ружейный огонь. Подъ сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, французы настойчиво подвигались впередъ, ворвались въ укрѣпленіе и смяли его защитниковъ, причемъ командиръ Олонецкаго полка, полковникъ Алексѣевъ, былъ взятъ въ плѣнъ, а Муромскаго—подполковникъ Начекъ—тяжело раненъ; многіе офицеры или убиты, или ранены. Оставшись безъ предводителей, смѣшавшіеся полки отступили во вторую оборонительную линію. Преслѣдовавшіе ихъ французы ворвались туда же и, смявъ часть Сѣвскаго полка, достигли до Корабельной слободки.

Въ это время генералъ Хрулевъ, явившійся на мѣсто боя съ резервами, остановилъ дальнѣйшее наступленіе непріятеля.

На дорогѣ генералъ Хрулевъ узналъ, что штурмъ 2-го бастіона отбитъ, и потому онъ бросился на непріятельскія колонны, прорвавшіяся во вторую линію, между 2-мъ бастіономъ и Малаховымъ курганомъ, но и тутъ наши дѣла были въ хорошемъ положеніи.

Въ это время генералъ Хрулевъ узналъ, что Малаховъ курганъ занятъ французами. Сдавъ команду генералъ-маіору Сабашинскому, Хрулевъ поскакалъ на Малаховъ. Сабашинскій принялъ общее начальство надъ войсками, выбилъ французовъ изъ нашихъ укрѣпленій и заставилъ ихъ скрыться въ своихъ траншеяхъ.

Устроившись тамъ, французы вторично бросились на штурмъ

вмѣстѣ съ лѣвою колонною, опять атаковавшею второй бастіонъ; но на обоихъ пунктахъ были отбиты.

Тучи пуль, летѣвшія съ Малахова кургана, нанося страшныя потери войскамъ, принудили насъ отвести ихъ за вторую оборонительную линію. Тогда французы перелѣзли черезъ насыпь и пытались нѣсколько разъ атаковать вторую оборонительную линію, но каждый разъ были отражаемы однимъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ. Отказавшись отъ атакъ, они, оставаясь за валомъ укрѣпленій, поддерживали живую перестрѣлку съ нашими войсками.

Около двухъ часовъ по-полудни, противъ втораго бастіона появилась свѣжая колонна французскихъ войскъ, направленная въ третій разъ на штурмъ этого укрѣпленія. Французы шли смѣло; ни картечь, ни ружейныя пули не могли остановить ихъ стремленія; цѣлыми толпами лѣзли они на брустверъ и успѣли поставить на валу его французское знамя. Молодой зуавскій офицеръ вскочилъ на валъ однимъ изъ первыхъ: Въ одной рукѣ у него былъ пистолетъ, а въ другой камень. За нимъ лѣзло четыре зуава съ ружьями и камнями въ рукахъ. Взобравшись на валъ, офицеръ выстрѣлилъ почти въ упоръ въ генерала Сабашинскаго, но промахнулся; тогда онъ бросилъ камень. Въ это время всѣ пятеро повалились, пробитые пулями нашихъ солдатъ.

— На валы!—крикнулъ между тѣмъ генералъ Сабашинскій.

Солдаты, въ мигъ вскочивъ на валъ укрѣпленія, приняли французовъ въ штыки и приклады, и сбросили въ ровъ. Сабашинскій приказалъ открыть огонь по толпившемуся во рву непріятелю. Солдаты поражали французовъ выстрѣлами, бросали въ нихъ ядрами, гранатами, камнями и осколками. Горячая схватка эта длилась минутъ пять. Французы съ яростью лѣзли

на валъ, но каждый разъ, сбрасываемые обратно, не выдержали и стали отступать подъ жестокимъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ.

Потеря французовъ при этой атакѣ была огромна; весь ровъ 2-го бастіона былъ наполненъ трупами, а впереди лежащее пространство почти сплошь покрыто непріятельскими тѣлами.

— Съ тѣхъ поръ, какъ живу, не видывалъ ничего подобнаго:—говорилъ генералъ Сабашинскій.

Послѣ этого отступленія, французы не пытались больше атаковать второй бастіонъ.

Въ это время, когда атаки на второй бастіонъ и промежуточныя батареи были отбиты, по всей оборонительной линіи кипѣлъ самый ожесточенный бой. Успѣхъ французовъ на Малаховомъ курганѣ послужилъ сигналомъ для всеобщаго штурма: англичане бросились на 3-й бастіонъ, французы — на укрѣпленія Городской стороны.

Около двухъ часовъ французы двинулись на штурмъ 5-го бастіона и смежныхъ съ нимъ укрѣпленій, гдѣ находилось 1.700 человѣкъ полковъ Житомірскаго, Подольскаго и Бѣлостокскаго. Въ резервѣ было 500 человѣкъ Житомірскаго и 800 человѣкъ Минскаго полковъ. Для атаки этихъ укрѣпленій, со стороны непріятеля было назначено 8.380 человѣкъ.

На пятомъ бастіонѣ французы хотя и достигли рва, и даже часть изъ нихъ стала взбираться на брустверъ, но была вытѣснена батальономъ Бѣлостокскаго и частью Подольскаго полковъ, подъ командою полковника Аленникова.

Штурмовая колонна, двигавшаяся лѣвѣе 5-го бастіона, успѣла ворваться въ укрѣпленіе и оттѣснила батальонъ Житомірскаго полка, но на помощь ему скоро явился командиръ полка, полковникъ Жерве, съ остальными батальонами, и шты-

ками сбросилъ непріятеля въ ровъ. Оправившись, французы снова кинулись впередъ, но были выбиты и отброшены въ свои траншеи подоспѣвшимъ изъ резерва батальономъ Минскаго полка, приведеннымъ генераломъ Хрущевымъ, и двумя ротами Екатеринбургскаго полка, прибѣжавшими съ своимъ полковымъ командиромъ, подполковникомъ Веревкинымъ. Екатеринбургцы поклялись всѣ умереть, но дальше ротныхъ образовъ, поставленныхъ на траншеѣ, не отходить,—и отбили врага. Заваливъ всю внутренность укрѣпленія, ровъ и впереди лежащую мѣстность своими тѣлами, французы скрылись въ свои траншеи и болѣе не показывались, оставивъ въ плѣну у насъ 10 офицеровъ и 150 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Отбитіе штурма отъ пятаго бастіона и смежныхъ съ нимъ укрѣпленій имѣло весьма важныя послѣдствія. Пелисье принужденъ былъ отказаться отъ намѣренія атаковать четвертый бастіонъ, и штурмовыя колонны французовъ вовсе не показывались противъ этого укрѣпленія. Атаковавшіе же третій бастіонъ англичане потерпѣли пораженіе и были отбиты нѣсколько ранѣе отбитія французовъ отъ 5-го бастіона.

Англичане, въ числѣ 10.720 человѣкъ, бросились на третій бастіонъ и сосѣднія съ нимъ батареи, вскорѣ послѣ того, какъ французы ворвались на Малаховъ курганъ.

Англичане бросились на штурмъ разсыпнымъ строемъ, который поддерживался густыми штурмовыми колоннами. Несмотря на сильный огонь, которымъ были встрѣчены наступающіе, они шли смѣло и, ворвались на бастіонъ, гдѣ были встрѣчены штыками двухъ батальоновъ Владимірскаго полка. Несмотря на жестокій рукопашный бой, несмотря на стойкость владимірцевъ, англичане отбросили ихъ въ глубь укрѣпленія. Распространившись вдоль по укрѣпленію, они завязали перестрѣлку съ отступившими и занялись порчею орудій, стоявъ-

шихъ на укрѣпленіяхъ. Въ это время на помощь владимірцамъ прибѣжала съ правыхъ батарей рота Камчатскаго полка съ подполковникомъ Артемьевымъ, съ лѣвыхъ — часть Суздальскаго полка и рота Якутскаго.

— Съ Богомъ, ребята, въ штыки! — крикнулъ Артемьевъ камчатцамъ.

Оба эти отряда ударили на англичанъ, съ фланговъ, въ то время, когда начальникъ 3-го отдѣленія, капитанъ 1-го ранга Перелешинъ 1-й, и полковникъ Венцель, устроивъ остатки Владимірскаго полка, ударили съ фронта. Послѣ жестокой рукопашной схватки, англичане были выбиты изъ бастіона и опрокинуты въ ровъ. Устроившись, они повторили атаку, и такъ дружно, что снова ворвались на бастіонъ. Наши дрались отчаяно. Солдаты бились, какъ только можно биться въ такой тѣснотѣ и при такихъ малыхъ силахъ. Минута была роковая... Ряды нашихъ пустѣли все больше и больше. Англичанъ прибывало, и нѣкоторые уже сидѣли на орудіяхъ и заклепывали ихъ... Еще нѣсколько мгновеній — и прощай, третій бастіонъ! Но въ это роковое время явился на бастіонъ командиръ Селенгинскаго полка, полковникъ Мезенцовъ, съ двумя ротами своего полка и, стремительнымъ ударомъ въ штыки, вмѣстѣ съ прочими полками, вытѣснилъ англичанъ, бросившихся частію въ свои траншеи, частію залегшихъ за засѣками и открывшихъ сильный ружейный огонь. Побѣда эта дорого стоила намъ: капитанъ 1-го ранга Перелешинъ 1-й, подполковникъ Артемьевъ были ранены, а полковникъ Мезенцовъ палъ геройскою смертію.

На батареѣ Будищева ополченцы Курской дружины № 47 три раза отбивали штурмъ, изъ которыхъ третій былъ самый отчаянный. Несмотря на ружейный огонь дружины, англичане на этотъ разъ взошли на брустверъ; но тогда ратники,

бросивъ ружья, взялись за топоры и въ страшной рукопашной схваткѣ уничтожили почти всю колонну; остальные 126 человѣкъ были взяты въ плѣнъ. За то изъ тысячнаго состава дружины осталось на лицо 350 человѣкъ.

Отбитый непріятель открылъ по 3-му бастіону сильный огонь съ своихъ осадныхъ батарей. На бастіонѣ вся артиллерійская прислуга была перебита, такъ что, для дѣйствія изъ орудій, штабсъ-капитанъ Селенгинскаго полка Васильевъ разставилъ своихъ нижнихъ чиновъ. Селенгинцы дѣйствовали такъ успѣшно, что когда англичане въ третій разъ бросились на штурмъ бастіона, то большая часть ихъ, не выдержавъ картечнаго и ружейнаго огня, отступила въ свои траншеи, и только незначительная часть ихъ достигла до рва. Тогда прапорщикъ Владимірскаго полка Дубровинъ бросился въ ровъ съ командою охотниковъ своего полка и выбилъ оттуда англичанъ.

Было 4 часа по-полудни, когда штурмъ былъ отбитъ по всей оборонительной линіи, кромѣ Малахова кургана, занятаго французами. Со всѣхъ батарей, которыя могли только обстрѣливать курганъ, былъ открытъ огонь по засѣвшему тамъ непріятелю. Неся огромныя потери, французы пытались поддержать атаку при содѣйствіи огня полевой артиллеріи. Изъза Камчатскаго редута была выслана ими шести-орудійная конная батарея; но едва она показалась, какъ сосѣдніе бастіоны и батареи открыли по ней столь убійственный огонь, что выѣхавшія орудія не успѣли сдѣлать ни одного выстрѣла, какъ потеряли всю прислугу и съ занятой ими позиціи убѣжало только двѣ лошади, остальныя были перебиты. Вслѣдъ за первою, была выслана вторая такая же батарея, но и ее постигла такая же участь.

Вслѣдъ затѣмъ выстрѣлами одной изъ батарей 3-го отдѣ-

ленія былъ взорванъ на курганѣ пороховой погребъ. Французы, испуганные этимъ взрывомъ, бросились оттуда толпами, такъ что начальники насилу воротили ихъ. Этотъ взрывъ и нѣсколько другихъ произвели такое впечатлѣніе на непріятеля, что онъ не рѣшился насъ преслѣдовать, изъ опасенія быть взорваннымъ на воздухъ. Французы боялись встрѣтить повсюду мины и полагали, что онѣ заложены подъ каждымъ изъ укрѣпленій.

Мы остановили разсказъ нашъ о штурмѣ Малахова кургана именно въ то время, когда французы, сосредоточивъ на немъ до 6.000 человѣкъ своихъ войскъ, завязали перестрѣлку съ отступавшими войсками. Въ это время генералъ-маіоръ Лысенко прибѣжалъ съ нѣсколькими ротами Эриванскаго (князя Варшавскаго), князя Горчакова (Брянскаго) и Елецкаго полковъ. Хотя онъ и двинулъ ихъ тотчасъ же въ атаку, но, подавленный многочисленнымъ непріятелемъ, принужденъ былъ отступить. Спустя нѣсколько минутъ, прискакалъ туда же, со втораго бастіона, генералъ-лейтенантъ Хрулевъ на своемъ бѣломъ конѣ; за нимъ бѣгомъ слѣдовало 1.400 человѣкъ Ладожскаго полка. По тому направленію, которое избралъ генералъ Хрулевъ, не было возможности подъѣхать къ самому кургану, а потому онъ и всѣ сопутствовавшіе ему офицеры спѣшились.

По всему пути, съ правой и лѣвой стороны, возлѣ траверсовъ лежало много убитыхъ; здѣсь же, подъ самые траверсы были брошены ихъ ружья. Толпа солдатъ, волнуясь и двигаясь то взадъ, то впередъ, производила безпорядочную стрѣльбу и часто черезъ головы товарищей.

— Благодѣтели, не стрѣляй! Благодѣтели, не стрѣляй!— кричалъ Хрулевъ, подходя къ толпѣ.

Въ это время прибѣжалъ на курганъ Ладожскій полкъ.

Ставши во главѣ этого полка и присоединивъ къ себѣ нѣсколько ротъ князя Горчакова (Брянскаго) и Эриванскаго (князя Варшавскаго) полковъ, онъ двинулся съ ними въ атаку съ задней части Малахова кургана.

— Благодѣтели, впередъ!—крикнулъ Хрулевъ и самъ впереди всѣхъ пошелъ вверхъ на бастіонъ.

Французы открыли убійственный огонь по наступавшимъ; пули сплошною тучею летѣли на храбрыхъ: минута была торжественная. Снявши съ своей груди висѣвшій на ней серебряный образъ, Хрулевъ поцѣловалъ его и, поднявъ лѣвою рукою кверху, показалъ солдатамъ.

— Благодѣтели, за мной, впередъ!—крикнулъ онъ своимъ, потрясающимъ солдатское сердце голосомъ.

Въ это самое время штуцерная пуля раздробила ему большой палецъ лѣвой руки.

Безстрашно бросились войска, предводимыя храбрымъ генераломъ, и вбѣжали на курганъ. Французы почти въ упоръ произвели нѣсколько ружейныхъ залповъ, и передніе ряды, слѣдовавшіе за Хрулевымъ, остались на мѣстѣ. Командиръ Ладожскаго полка, полковникъ Галкинъ, былъ раненъ; всѣ старшіе офицеры или были убиты, или ранены. Превозмогая страшную боль, но опасаясь показать войскамъ, что онъ раненъ, Хрулевъ, зажавъ палецъ правою рукою, все шелъ впередъ. Войска дрались отчаянно; штыкъ, приклады, каменья замѣнили выстрѣлы. Хрулевъ чувствовалъ, что не можетъ идти далѣе; смертельная блѣдность покрывала его лицо, голова кружилась, и ему казалось, что онъ падаетъ.

— Поддержите!—сказалъ онъ шепотомъ, обращаясь къ находившимся возлѣ него офицерамъ, подпоручику Сикорскому и инженеръ-поручику Эвертцу.

Оставивъ мѣсто боя и отправившись на перевязочный

*

пунктъ, генералъ Хрулевъ не возвращался болѣе. Оставшіеся безъ главнаго и второстепенныхъ начальниковъ, полки отошли назадъ и расположились на заднемъ склонѣ кургана, между развалинами нѣкогда существовавшихъ домиковъ. Къ нимъ присоединились остатки разныхъ полковъ, и вся эта толпа завязала самую ожесточенную перестрѣлку съ непріятелемъ. Принявшій начальство, генералъ-маіоръ Лысенко, устроивъ наскоро нѣсколько ротъ Ладожскаго, Эриванскаго (князя Варшавскаго) и Елецкаго полковъ, бросился съ ними вторично въ атаку, но былъ отбитъ и самъ смертельно раненъ. Послѣ него принялъ начальство генералъ-маіоръ Юферовъ. Несмотря на самый сильный ружейный огонь, наши солдаты, предводимые генераломъ Юферовымъ, сплошною стѣною ворвались въ укрѣпленіе и вступили въ жестокій рукопашный бой, при которомъ самъ Юферовъ былъ окруженъ непріятелемъ и прижатъ съ нѣсколькими человѣками солдатъ въ одномъ изъ угловъ бастіона. Высокаго роста, худощавый, впереди своего маленькаго отряда, генералъ Юферовъ рубился съ французами, отвѣчая ударами сабли на ихъ предложеніе сдаться. Французы разстрѣливали эту кучку, уже не имѣвшую патроновъ и ежеминутно уменьшавшуюся; но кто только рѣшался броситься съ ружьемъ на горсть героевъ,—платить жизнью за отвагу. Разъяренные зуавы уложили пулями и генерала, и его солдатъ.

— Какъ фамилія этого генерала?—спрашивалъ впослѣдствіи одинъ изъ французскихъ генераловъ у нашихъ офицеровъ.

— Юферовъ!—отвѣчали они.

— Непремѣнно надо знать имя этого героя. Такія имена должны сродниться съ памятью народа, къ которому принадлежалъ герой.

Атака, веденная Юферовымъ, была также отбита. Войска отступили на прежнее мѣсто, — на заднюю покатость кургана. Снова между обѣими сторонами открылась самая ужасная перестрѣлка.

Пользуясь разстройствомъ нашихъ войскъ и своею многочисленностію, французы перешли въ наступленіе. На площадкѣ, извѣстной подъ именемъ Чортовой, стояла главная масса непріятельскихъ стрѣлковъ, поражавшихъ продольно всѣ узкіе проходы въ середину укрѣпленія. Вдругъ съ праваго бока и въ тылу нашихъ послышались голоса: — то были французы, занявшіе часть прилегавшей къ Малахову кургану батареи Жерве. Съ крикомъ полѣзли они на валъ правой половины кургана, не совершенно еще занятой. Засыпаемые пулями съ фронта, тыла и праваго фланга, солдаты наши должны были отступить, — и тогда французы окончательно завладѣли всѣмъ укрѣпленіемъ Малахова кургана; они тотчасъ-же стали задѣлывать всѣ входы, набрасывая въ нихъ туры, вырванные изъ амбразуръ, и трупы убитыхъ.

Несмотря на то, французовъ все-таки нельзя было назвать хозяевами кургана; посреди него въ башнѣ держалась еще горсть храбрецовъ, засѣвшихъ съ поручикомъ Юни. Разставивъ у дверей матросовъ съ абордажными пиками и стрѣлковъ противъ отверстій въ башнѣ, онъ сыпалъ въ непріятеля пулю за пулей. Сначала, въ пылу жаркаго боя, французы не замѣчали, откуда сыпятся пули. Они смѣло ходили возлѣ башни, не подозрѣвая опасности, и платились за это жизнію или раною. Когда же жаркія схватки съ нашими войсками перенеслись на заднюю часть кургана, тогда только они замѣтили въ башнѣ присутствіе непріятеля. Пятеро зуавовъ бросились-было къ дверямъ башни, но были остановлены пиками матросовъ; пытались-было стрѣлять въ двери, но защит-

ники заложили ихъ тюфяками и подушками. Тогда они рѣшились выкурить ихъ дымомъ. Набросавъ передъ дверьми туровъ, фашинъ и хворосту, французы подожгли костеръ, но скоро сами потушили его изъ боязни, чтобы огонь не сообщился съ пороховымъ погребкомъ.

Храбрые защитники держались до тѣхъ поръ, пока не разстрѣляли всѣхъ своихъ патроновъ, пока французы не подвезли къ входнымъ дверямъ мортиры и стали бросать въ башню гранаты; когда большая часть засѣвшихъ въ ней были переранены, и, наконецъ, потеряна всякая надежда на выручку, — тогда только поручикъ Юни и его товарищи рѣшились сдаться. Кондукторъ Венецкій былъ назначенъ парламентеромъ. «Онъ выставилъ въ двери ружье съ навязанной на штыкъ своею же рубашкой, которой часть пошла на перевязку раны: французы прекратили огонь»... Венецкій вышелъ изъ башни.

— Мы ваши плѣнные! — сказалъ онъ,—обращаясь къ французскому офицеру.

— Велите вашимъ солдатамъ положить ружья:—отвѣчалъ офицеръ.

Смѣлыхъ защитниковъ башни повели на Камчатскій люнетъ, гдѣ французскіе офицеры встрѣтили ихъ восторженно..,

Въ это время къ кургану прибылъ генералъ-лейтенантъ Мартинау, посланный главнокомандующимъ съ Азовскимъ и Одесскимъ полками, съ приказаніемъ принять общее начальство надъ всѣми войсками Корабельной стороны. Не успѣвъ сдѣлать никакихъ распоряженій, генералъ Мартинау былъ тяжело раненъ, и войска остались опять безъ начальника.

Послѣ генерала Мартинау, прибѣжали къ кургану двѣ роты 4-го и 6-го сапернаго батальоновъ съ инженеръ-полковникомъ Геннерихомъ, который, присоединивъ къ себѣ ратниковъ

дружины № 49, подъ начальствомъ полковника Черемисинова, и команду матросовъ съ капитанъ-лейтенантомъ Ильинскимъ, два раза бросался въ атаку, но былъ отбитъ.

Это были послѣднія попытки къ овладѣнію курганомъ. Войска наши, перемѣшавшись въ одну общую кучу, толпились въ безпорядкѣ сзади укрѣпленія, а охотники, залегши за развалинами домовъ и въ ямахъ, вели учащенную перестрѣлку. Не было начальника, который могъ бы сплотить ихъ въ одно цѣлое и дружно ударить на врага, а между тѣмъ наши солдаты горѣли желаніемъ отбить потерянное укрѣпленіе, но не знали, какъ взяться за это дѣло.

— Ведите насъ въ бой!—кричали одни, отыскивая глазами предводителей.

— Давайте намъ патроновъ!—кричали другіе.

Но вести въ бой было некому, потому что всѣ начальники были перебиты или переранены.

Пользуясь временемъ нашего бездѣйствія, французы съ каждымъ часомъ усиливались: они успѣли установить на курганѣ нѣсколько небольшихъ орудій и открыли частый огонь по нашимъ войскамъ, несшимъ большія потери. Ранененые цѣлыми толпами брели на перевязочный пунктъ и собирались у подножія Малахова кургана, гдѣ четыре матросски, подъ убійственнымъ штуцернымъ огнемъ непріятеля, разносили воду и квасъ стоявшимъ здѣсь войскамъ и подавали помощь раненымъ. «Не знаю, уцѣлѣли ли онѣ»,—говоритъ очевидецъ.— Объ этихъ безстрашныхъ женщинахъ было доведено до свѣдѣ- Государя Императора.

Во второмъ часу по полудни, главнокомандующій послалъ генералъ-лейтенанта Шепелева, съ порученіемъ принять общее начальство надъ войсками Корабельной слободки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, считая необходимымъ оставить городъ, при первомъ удоб-

номъ случаѣ, и получая свѣдѣнія, что французы все прочнѣе и прочнѣе утверждаются на Малаховомъ курганѣ, князь Горчаковъ рѣшился воспользоваться отбитіемъ штурма на всѣхъ прочихъ пунктахъ и утомленіемъ непріятеля, чтобы безпрепятственно совершить это, въ высшей степени трудное предпріятіе.

Главнокомандующій тотчасъ же отдалъ приказаніе князю Васильчикову составить росписаніе и распорядиться отступленіемъ, а самъ поскакалъ на Малаховъ курганъ, чтобы собственными глазами взглянуть на положеніе дѣлъ.

Еще до пріѣзда главнокомандующаго, генералъ Шепелевъ устроилъ полки, разставилъ ихъ на болѣе выгодныхъ мѣстахъ, отвелъ резервы въ Корабельную слободку и приготовился къ встрѣчѣ непріятеля, если бы онъ вздумалъ, выйдя изъ кургана, наступать внутрь Корабельной стороны.

Остановившись подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ непріятеля, князь Горчаковъ всматривался въ положеніе нашихъ и непріятельскихъ силъ, и убѣдился лично въ невозможности отбить Малаховъ курганъ. Онъ видѣлъ, что курганъ занятъ большими массами французовъ, за которыми находились сильные резервы, и потому овладѣніе вновь укрѣпленіемъ потребовало бы огромныхъ жертвъ.

Генералъ-лейтенантъ Шепелевъ получилъ приказаніе не возобновлять атакъ, но, во что бы то ни стало, удержаться на занятой позиціи и не дозволить французамъ двинуться впередъ.

Бой былъ прекращенъ и, можно сказать, доставилъ новую славу русскому оружію. Изъ 12-ти атакъ, произведенныхъ многочисленнымъ непріятелемъ, въ различныхъ пунктахъ, 11 было отбито, и только одна, на Малаховомъ курганѣ, была удачна для союзниковъ. Самое занятіе Малахова кургана было

слѣдствіемъ огромнаго превосходства силъ непріятеля, направившаго на него до 30.000 человѣкъ.

Изъ этого видно, что кровавый день 27-го августа не можетъ считаться днемъ побѣды для непріятеля: она принадлежитъ скорѣе русскому оружію, какъ по числу пріобрѣтенныхъ успѣховъ, такъ и по тому, что на всѣхъ пунктахъ атакующій былъ въ нѣсколько разъ сильнѣе защищающагося. Несмотря на то, успѣхъ непріятеля такъ былъ незначителенъ, а утомленіе такъ велико, что онъ не рѣшался тревожить славнаго гарнизона и позволилъ ему свободно отступить по единственному мосту, протянувшемуся почти на версту разстоянія.

Обѣ стороны дрались съ отличною храбростью и лишились многихъ и многихъ храбрыхъ товарищей. Наша потеря въ этотъ день простиралась до 12.913 человѣкъ убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими. Изъ этого числа мы потеряли, до начала штурма, болѣе 2.000 человѣкъ отъ бомбардированія, такъ-что, собственно, при отраженіи штурма, наша потеря простиралась до 10.000 человѣкъ.

Союзники, по ихъ собственному показанію, потеряли при штурмѣ 10.067 человѣкъ; но надо полагать, что гораздо больше. Кромѣ того, какъ мы, такъ они лишились многихъ достойныхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ. Госпитали и перевязочные пункты были переполнены ранеными, посреди которыхъ слышались радостные крики побѣды, указывавшіе на увѣренность каждаго, что штурмъ отбитъ, что славный гарнизонъ проявилъ нечеловѣческія силы, и что пролитая, еще теплая, кровь современниковъ будетъ священна для потомковъ.

Государь Императоръ, получивъ донесеніе объ отбитіи штурма на всей линіи, кромѣ Малахова кургана, достойно оцѣнилъ заслуги богатырей Севастопольскихъ и, удостоивъ ихъ

своимъ высокимъ вниманіемъ, увѣковѣчилъ заслуги гарнизона слѣдующимъ приказомъ россійскимъ арміямъ и флоту:

«Долговременная, едва-ли не безпримѣрная въ военныхъ лѣтописяхъ оборона Севастополя обратила на себя вниманіе не только Россіи, но и всей Европы. Она съ самаго почти начала поставила его защитниковъ на-ряду съ героями, наиболѣе прославившими наше отечество. Въ теченіе 11-ти мѣсяцевъ гарнизонъ Севастопольскій оспаривалъ у сильныхъ непріятелей каждый шагъ родной, окружавшей городъ, земли, и каждое изъ дѣйствій его было ознаменовано подвигами блистательнѣйшей храбрости. Четырекратно возобновляемое жестокостокое бомбардированіе, коего огонь былъ справедливо именуемъ адскимъ, колебало стѣны нашихъ твердынь, но не могло потрясти и умалить постояннаго усердія защитниковъ ихъ. Съ недолимымъ мужествомъ, съ самоотверженіемъ, достойнымъ, воиновъ-христіанъ, они поражали враговъ или гибли, не помышляя о сдачѣ. *Но есть невозможное и для героевъ.* 27-го сего мѣсяца, послѣ отбитія шести отчаянныхъ приступовъ, непріятель успѣлъ овладѣть важнымъ Корниловскимъ бастіономъ, и главнокомандующій Крымскою арміею, щадя драгоцѣнную своихъ сподвижниковъ кровь, которая въ семъ положеніи была бы уже безъ пользы проливаема, рѣшился перейти въ Сѣверную сторону города, оставивъ осаждающему непріятелю однѣ окровавленныя развалины.

«Скорбя душевно о потерѣ столь многихъ доблестныхъ воиновъ, принесшихъ жизнь свою въ жертву отечеству, и съ благоговѣніемъ покорясь судьбамъ Всевышняго, коему не угодно было увѣнчать ихъ подвиги полнымъ успѣхомъ, я признаю святою для себя обязанностію изъявить и въ семъ случѣ, отъ *имени моего и всей Россіи*, живѣйшую признательность гарнизону Севастопольскому за неутомимые труды его, за кровь,

пролитую имъ въ сей, почти цѣлый годъ продолжавшейся, защитѣ сооруженныхъ имъ же въ немногіе дни уѣрѣпленій. Нынѣ, войдя снова въ ряды арміи, сіи испытанные герои, служа предметомъ общаго уваженія своихъ товарищей, явятъ, безъ сомнѣнія, новые примѣры тѣхъ же воинскихъ доблестей. Вмѣстѣ съ ними и подобно имъ, всѣ наши войска съ тою же безпредѣльною вѣрою въ Провидѣніе, съ тою же пламенною любовію ко мнѣ и родному нашему краю, вездѣ и всегда будутъ твердо встрѣчать враговъ, посягающихъ на святыни наши, на честь и цѣлость отечества. Имя Севастополя, столь многими страданіями купившаго себѣ безсмертную славу, и имена защитниковъ его пребудутъ вѣчно въ памяти и сердцахъ всѣхъ русскихъ совокупно съ именами героевъ, прославившихся *на поляхъ Полтавскихъ и Бородинскихъ, въ битвахъ подъ Чесмой и Синопомъ*».

Такъ кончилась знаменитая оборона Севостополя. Такая упорная защита русскими войсками охладила надежды союзниковъ, которые вскорѣ должны были заключить миръ.

Одинадцатимѣсячная оборона Севастополя представляетъ собою, можно смѣло сказать, чудо военнаго дѣла. Во всей военной исторіи не было примѣра такой геройской обороны въ теченіе столь продолжительнаго времени. Бывали примѣры, что каменныя крѣпости выдерживали осаду два и три мѣсяца, но чтобы какая нибудь крѣпость, построенная по всѣмъ правиламъ продержалась одинадцать мѣсяцевъ, подобно Севастополю, такого примѣра не было и, можно смѣло сказать, не будетъ и впредь. Да и можно ли было назвать Севастополь крѣпостью? Всѣ земляныя укрѣпленія его были созданы подъ непріятельскими выстрѣлами. Среди грома пушечныхъ и ружейныхъ

выстрѣловъ моряки и пѣхота въ одно и тоже время и храбро дрались и дружно работали. Держался Севастополь не жалкими укрѣпленіями, но доблестью храбрыхъ защитниковъ: его солдатъ и моряковъ, ихъ женъ и даже дѣтей. Все въ Севастополѣ презирало смерть и воодушевлялось только одною мыслью— отстоять родной городъ.

Да будетъ вѣчная память его защитникамъ, прославившимъ русскую армію и знаменитый Черноморскій флотъ.

Cong. 32

КРУ "УНБ им. И. Я. Франко"
0308573

3 =
Цена 3 =
г. Симферополь
ул. М. Горького, 66.